

И. С. КЛЕЙНЕРШЕХЕТЪ.

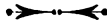
*Dielo ob oktiabrskom
pogromě v Simferopolě*

ДѢЛО

ОБЪ

ОКтябрьскомъ ПОГРОМѢ

въ Симферополѣ.

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТЪ СЪ ИЛЛЮСТР. ПРИ-
ЛОЖЕНІЯМИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

85-

1907 ГОДЪ.

Общая группа:

- 1) Гешелинъ,
- 2) Гольденбергъ,
- 3) Гинзбургъ,
- 4) Неизвѣстный,
- 5) Кравцовъ.

Предисловіе.

Давно уже выяснены характеръ и причины кровавыхъ октябрьскихъ дней—этой позорнѣйшей страницы въ исторіи Россіи и всего человѣчества. Тѣмъ не менѣе судебные процессы о погромахъ представляютъ собою огромный интересъ, поскольку въ нихъ *непосредственно* вскрывается роль «охранителей» во «взрывѣ народнаго негодованія».

84 - B7670 - 1
1133
Къ тому же погромъ въ Симферополѣ, по справедливости, можетъ быть названъ классическимъ, поскольку въ немъ *явно* сказались патріотствующая политика воинствующей реакціи: если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція находила нужнымъ переодѣваться, чтобы превратиться въ «негодующій народъ» симферопольская, какъ выяснилось на судѣ, оказалась болѣе откровенной и «патріотствовала» никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь. Такимъ образомъ, симферопольскій погромъ, поскольку на судѣ удалось неопровержимо доказать его организованность,—лучшая иллюстрація къ пресловутому всероссійскому «взрыву народнаго негодованія».

Предлагая вниманію читателей свои отчеты о процессѣ считаю нужнымъ прибавить, что отчеты эти не стенографическіе, но заключаютъ въ себѣ *безусловно* точную по смыслу передачу показаній свидѣтелей, большею частью въ подлинныхъ выраженіяхъ. При пропускѣ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей я руководился исключительно безъинтересностью этихъ показаній, но отнюдь не характеромъ ихъ.

Ил Сол. Клейнершехетъ.

Іюль, 1907 годъ.
Симферополь.

Обвинительные акты.

Въ виду заявленнаго еще до составлянія обвинительнаго акта ходатайства прокурора о раздѣлѣ дѣла о симферопольскомъ погромѣ на основаніи 518 ст. уст. угол. судопр. на два дѣла—о частныхъ громалахъ и полицейскихъ чинахъ, которое и было уважено судомъ, вмѣсто одного обвинительнаго акта составлено два; но, согласно ходатайству гражданскихъ истцовъ, судъ еще въ декабрѣ 1906 г. постановилъ заслушать оба эти дѣла одновременно.

I. Обвинительный актъ о крестьянинѣ Петрѣ Семеновѣ **Андреевѣ**, крестьянинѣ Степанѣ Михайловѣ **Анастасовѣ**, крестьянинѣ Андрѣ Гавриловѣ **Альфутовѣ**, крестьянинѣ Василии Никаноровѣ **Баботинѣ**, мѣщанинѣ Антонѣ Николаевѣ **Бродянскомѣ**, крестьянинѣ Михаилѣ Андреевѣ **Бунрѣевѣ**, мѣщанинѣ Чеславѣ Юсифѣ **Василевскомѣ**, крестьянинѣ Терентіи Семеновѣ **Гришковѣ**, поселянинѣ Петрѣ Алексѣевѣ **Гутенко**, крестьянинѣ Сергѣѣ Герасимовѣ **Дачаевѣ** (Дагаевѣ), кр. Иванѣ Егоровѣ **Илюшечкинѣ**, крестьянинѣ Демьянѣ Семеновѣ **Нанаревѣ**, мѣщанинѣ Федорѣ Васильевѣ **Нанани**, крестьянинѣ Андрѣ Кондратьевѣ **Крыловѣ**, крестьянинѣ Филиппѣ Федоровѣ **Любаневѣ**, крестьянинѣ Федорѣ Федоровѣ **Мосналенко**, крестьянинѣ Иванѣ Григорьевѣ **Музалевѣ**, пот. поч. гражданинѣ Викторѣ Ивановѣ **Поршневѣ**, крестьянинѣ Иванѣ и Никитѣ Алексѣевыхъ **Разсказовыхъ**, крестьянинѣ Гуріи Моисеевѣ **Рудневѣ**, мѣщанинѣ Евгениі Васильевѣ **Спиринѣ**, крестьянинѣ Емельянѣ Семеновѣ **Тереневѣ**, мѣщанинѣ Ислямѣ **Ульмезь** оглу, крестьянинѣ Кондратѣ Филипповѣ **Чехѣ**, крестьянинѣ Никифорѣ Петровѣ **Чижѣ**, крестьянинѣ Сергѣѣ Ивановѣ **Шуляковѣ**, крестьянинѣ Пантелеймонѣ Карповѣ **Щегловѣ** и казакѣ Павлѣ Михайловѣ **Ющенко**.

Въ октябрѣ 1905 года въ гор. Симферополѣ наступило тревожное время. По городу носились слухи, что будетъ устроена общая забастовка, что происходятъ сходки революціонныхъ партій, которыя вооружены револьверами и запаслись бомбами, предназначенными для полиціи и войска. Поэтому 14-го октября въ первую полицейскую часть съ утра прибывалъ эскадронъ Крымскаго дивизіона на случай необходимости содѣйствія гражданскимъ властямъ. 16-го и 17-го октября дѣйствительно происходили митинги, принимавшіе политическій характеръ. Между прочимъ 17-го октября вечеромъ происходилъ митингъ въ городскомъ саду, такъ называемомъ бульварѣ, причемъ спокойное въ началѣ настроеніе разношерстной толпы было нарушено шумомъ, произведеннымъ однимъ по виду русскимъ крестьяниномъ, кричавшимъ: «берегитесь, я буду всѣхъ бить дубинкою». Однако, митингъ закончился благополучно, и было рѣшено собраться на другой день въ 10 часовъ утра. При выходѣ съ бульвара одной изъ участницъ митинга Вѣры Канаки съ однимъ евреемъ, на нихъ указалъ одинъ молодой человекъ, стоявшій въ кучкѣ парней и подростковъ, и сказалъ; «вотъ этихъ надо бить». Утромъ, 18-го октября, на Екатерининской ул., образовалась толпа преимущественно изъ евреевъ и выкинула красный флагъ, а около 10 часовъ въ типографіи Вересотскаго былъ полученъ Высочайшій манифестъ отъ 17-го октября. Узнавъ о содержаніи манифеста, толпа устроила демонстрацію и съ красными флагами направилась по городу. Сначала толпа обходила учебныя заведенія, гдѣ къ ней присоединились учащіеся, а затѣмъ направилась къ тюрьмѣ съ цѣлью освободить политическихъ арестантовъ. Въ 12-мъ часу дня къ воротамъ тюрьмы приблизилась тысячная толпа демонстрантовъ съ крикомъ: «Ура, свобода всѣмъ, долой самодержавіе, долой царя», и въ это время бывшіе во дворѣ тюрьмы арестанты разгромили ворота, выскочили наружу и разбѣжались. По показанію тюремнаго надзирателя Косякова, въ толпѣ освобождавшихъ арестантовъ были почти сплошь евреи, однако, по показанію Шевеля Прейсъ-Айзена бывшій въ толпѣ помощникъ пристава Чупринко кричалъ: «бейте, братцы, жидовъ». По освобожденіи арестантовъ, демонстрація вернулась въ городъ. Между тѣмъ, въ это самое время, около 11 часовъ, на углу Салгирной и Дворянской улицъ, гдѣ постоянно собираются поденщики-чернорабочіе, собралась толпа рабочихъ, которая разбилась на кучки и обсуждала Высочайшій манифестъ. Здѣсь же былъ одинъ полицейскій чиновникъ, который говорилъ: «у васъ есть флаги, есть царскіе портреты, а вы спите... а жиды пока ходятъ съ красными флагами. Вотъ вы и дождетесь того, что жиды завладѣютъ вашимъ царствомъ».

Минуть черезъ пятнадцать эта толпа пошла къ первой полицейской части, гдѣ стала просить портретъ Государя Императора. Полициеймейстеръ разрѣшилъ, и портретъ былъ вынесенъ изъ казенной палаты по просьбѣ пристава Баланчивадзе. Послѣ этого манифестация отправилась къ дому губернатора и пропѣла гимнъ, а затѣмъ просила вышедшаго къ ней губернатора дать музыку. Губернаторъ сказалъ обратиться съ этой просьбой къ командиру полка, куда манифестация и направилась. По пути, въ переулкѣ Фабра, манифестация встрѣтилась съ демонстраціей, возвращавшейся изъ тюрьмы. Здѣсь произошло небольшое столкновение. Каждая сторона приглашала другую присоединиться къ ней, причемъ одинъ изъ демонстрантовъ, по типу еврей, съ поднятой палкой бросился на портретъ Государя, а одинъ изъ манифестантовъ пытался вырвать красный флагъ у несшей его дѣвушки, но это ему не удалось, и онъ ее ударилъ. Изъ толпы манифестантовъ въ это время слышны крики, что «надо бить жидовъ», и тутъ же раздался одиночный выстрѣлъ, но все окончилось мирно, и обѣ толпы разошлись въ разныя стороны. Демонстрация отправилась на бульваръ, гдѣ состоялся митингъ, и стали произноситься революціонныя рѣчи, настолько революціонныя, что содержаніемъ ихъ многіе возмущались, въ томъ числѣ еврей Каценеленбогенъ находилъ неумѣстнымъ произнесение ихъ. Тѣмъ временемъ манифестация пошла по Пушкинской улицѣ и у постройки дома Гидалевица сняла рабочихъ, которые стали брать съ собою палки, затѣмъ пошла на базаръ, гдѣ присоединился къ ней оркестръ музыки, а оттуда къ казенной палатѣ и мимо бульвара опять къ дому губернатора. Среди манифестантовъ уже шель разговоръ объ избіеніи евреевъ и ходили слухи о бомбахъ, приготовленныхъ евреями для русскихъ. Когда на бульварѣ услышали музыку, ораторъ обратился къ слушателямъ съ предложеніемъ встрѣтить гимнъ, если музыка явится на бульварѣ, свистомъ. Это предложеніе вызвало въ публикѣ нѣкоторое движеніе, а когда какой-то молодой человѣкъ крикнулъ: «не безпокойтесь, мы всѣ вооружены, не бойтесь», въ публикѣ началась паника и ораторы пытались было ее успокоить крича: «остановитесь, успокойтесь», но въ это время раздался выстрѣлъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько залповъ, а затѣмъ, по показанію Самуила Сарибана, члены самообороны выстроились въ двѣ шеренги и стали стрѣлять по направленію къ главному входу на бульварѣ. Кто произвелъ первый выстрѣлъ, слѣдствіе съ точностью не установило, такъ какъ Борисъ Зильберштейнъ и другіе показали, что выстрѣлилъ ораторъ, а Иванъ Волошиновъ и другіе, что выстрѣлъ произведенъ изъ толпы, окружавшей оратора. Приблизительно въ этотъ

же моментъ участники манифестаціи, ломая по дорогѣ подпорки у деревьевъ, устремились на бульваръ и стали избивать евреевъ. Большинство свидѣтелей: Николай Балабуха, Вѣра Ямпольская, штабсъ-капитанъ Борецкій и многіе другіе удостовѣряютъ, что участники манифестаціи напали на участниковъ митинга послѣ первыхъ выстрѣловъ причемъ Дмитрій Бибииковъ показалъ, что тотчасъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, онъ увидаль раненаго въ лицо, повидимому, мастерового около толпы манифестантовъ, и дѣйствительно одинъ изъ участниковъ манифестаціи Яковъ Сопатый оказался раненымъ въ щеку. Викторъ (Чаваецъ-Федоровичъ) удостовѣряетъ, что тотчасъ послѣ перваго залпа, послѣдовавшаго съ бульвара, одинъ изъ участниковъ манифестаціи поравнялась съ воротами на бульварѣ и музыка заиграла гимнъ, изъ бульвара слышались свистъ и выстрѣлы. послѣ чего оттуда же выскочилъ какой-то молодой человекъ и закричалъ, что евреи убили двухъ русскихъ, и только тогда изъ толпы манифестантовъ бросились русскіе на бульваръ и стали избивать евреевъ; такъ-же показываетъ и Овшій Драгонештскій, по словамъ котораго послѣ выстрѣловъ раздались въ толпѣ манифестантовъ крики: «бей жидовъ», и люди стали перелѣзть черезъ ограду бульвара. Однако, нѣкоторые свидѣтели, какъ Клавдія Левицкая, Яковъ Кравецъ и другіе удостовѣряютъ, что на бульварѣ стали стрѣлять только тогда, когда туда двинулись громилы съ дубинами. Такъ или иначе, послѣ выстрѣловъ на бульварѣ произошла паника, участники митинга стали метаться изъ стороны въ сторону, а за ними гонялись громилы съ дубинами и, выбирая исключительно евреевъ, били ихъ жестоко, цѣля въ головы. Когда часть евреевъ бросилась къ выходу, то имъ преградили дорогу громилы, а тѣхъ, которые прорывались черезъ калитку, били. Другіе выскочили было въ зданіе буфета, находящагося на бульварѣ, но громилы стали бить стекла и тѣмъ заставили высказивать оттуда евреевъ, которыхъ тутъ же и избивали; многіе, спасаясь отъ громилъ, вскочили въ еврейскую молельню Эпштейна, находящуюся у бульвара, но бомбардировкою камнями оконъ ихъ заставили выходить оттуда и тутъ на улицѣ убивали ихъ дубинами. Въ молельнѣ находились: Гарберъ, Бейнклеръ, Топерманъ, Майданскій и другіе, оказавшіеся затѣмъ убитыми. Кто кого именно убивалъ, слѣдствіемъ почти не удалось установить, такъ какъ во время происшедшей паники большинство свидѣтелей могли лишь показать объ общемъ впечатлѣніи, вынесенномъ ими изъ этого побоища: имъ слышались душу раздирающіе крики, стоны раненыхъ и убиваемыхъ. Въ то время, когда евреи изъ молель-

ни Эпштейна пытались перебѣжать дорогу, чтобы спастись въ первой полицейской части и находящемся при немъ пожарномъ дворѣ, нѣкоторые пожарные влѣзли на заборъ, и крича: «бей жидовъ», бросали въ нихъ черепицами. Убитыми, какъ на бульварѣ, такъ и на смежныхъ улицахъ, а равно и умершими отъ ранъ оказались: Абрамъ Кудашевичъ, Абрамъ Гарберъ, Исаакъ Лейбзонъ, Израиль Каценеленбогенъ, Григорій Гамаловъ, Александръ Зальцгеберъ, Григорій Тараховскій, Абрамъ Шалуновъ, Израиль Рейзнеръ, Михаилъ Зайдель, Абрамъ Пеккеръ, Михаилъ Гольдинъ, Соломонъ Нѣмченко, Борисъ Топерманъ, Мойсей Кискачи, Давидъ Гарберъ, Исаакъ Гольденбергъ, Айзикъ Гинсбургъ, Абрамъ Блюмовичъ, Исаакъ Шнейдеръ, Анна Вольфонъ, Иосифъ Берманъ, Абрамъ Бѣлый, Гершъ Шарогродскій, Мойша Розенфельдъ, Яковъ Шухеръ, Исаакъ Левчикъ, Пейсахъ Круглянскій, Шмуль-Гиршъ Кравцовъ, Калманъ Рохлинъ, Моисей Марголинъ, Зонтель Кацъ, Вульфъ Гешелинъ, Мееръ Шухеръ, Борухъ Бейнклеръ, Абрамъ Плавикъ, Ушеръ-Лейбъ Майданскій, Гершъ-Беръ Спекторъ, Мойсей Пинхусъ Голубъ, Марія Сахарова, Марія Евзерова, Маркъ Розенштейнъ, Гертонъ Харченко, Илья Черкесь, Симха Ефетовичъ, Алимъ Мемишъ оглу и Юлій Александровъ. Судебно-медицинскимъ осмотромъ труповъ названныхъ лицъ было установлено, что смерть большинства изъ нихъ послѣдовала отъ причиненныхъ имъ какимъ-либо тупымъ орудіемъ безусловно смертельныхъ ранъ въ области головы, вызвавшихъ трещины черепа, такъ: Ефетовичу было нанесено 9 ранъ, изъ которыхъ 2 сопровождались трещинами черепа Калманъ Рохлинъ, отъ той же причины скончались Ушеръ Майданскій, Марія Сахарова, Маркъ Розенштейнъ и Илья Черкесь; другимъ же лицамъ, какъ напримѣръ: Абраму Блюмовичу, Исааку Шнейдеру и другимъ были нанесены смертельныя раны острымъ орудіемъ, каковымъ могла быть, по заключенію врача, шашка. Кромѣ того, цѣлому ряду евреевъ были причинены, какъ тупымъ, такъ и острымъ орудіемъ, разнаго свойства поврежденія. Одновременно съ избіеніемъ евреевъ начался въ городѣ и разгромъ еврейскихъ лавокъ. Главнымъ образомъ разгромлены были лавки на Салгирной и Екатерининской улицахъ. Несмотря на то, что въ распоряженіи администраціи были войска, въ этотъ день не удалось прекратить и 19 октября еще были попытки громить лавки и избить одного еврея, но во время были подавлены, и въ Симферополѣ начала восстанавливаться нормальная жизнь. 18-го октября, еще до окончанія беспорядковъ, судебнымъ слѣдователемъ по гор. Симферополю было приступлено къ производству предварительнаго слѣдствія. Допросомъ мно-

гочисленныхъ свидѣтелей мало по малу была установлена виновность, кромѣ нѣкоторыхъ чиновъ полиціи, цѣлаго ряда лицъ какъ въ непосредственномъ участіи въ публичномъ скопищѣ, изъ племенной вражды, производившемъ насилія надъ личностью и уничтоженія и разграбленія имущества евреевъ, такъ и подстрекательствѣ къ этому насилію и грабежу. Всѣ эти лица были привлечены къ предварительному слѣдствию, въ качествѣ обвиняемыхъ, и основаніемъ для ихъ привлеченія послужили улики, добытыя изъ показанія свидѣтелей, указанныхъ ниже. Обвиняемыми были привлечены и допрошены судебнымъ слѣдователемъ слѣдующія лица: 1) крестьянинъ Андрей *Альфутовъ* на Кантарной улицѣ билъ Элю Кофмана и всего его окривляя, а около Фабровскаго переулка ударилъ кизиловою палкою, что удостовѣрилъ Георгій Бузыновъ, одного бѣжавшаго еврея-подростка; затѣмъ онъ, Альфутовъ, показывалъ окровавленную кизилую палку свидѣтелямъ Штильману, Макарову и Калашникову и говорилъ, какъ имъ, такъ и Митичкину, что участвовалъ въ избіеніи евреевъ; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ, и объяснилъ, что видѣлъ, какъ бѣжали евреи, и какъ одинъ изъ нихъ стрѣлялъ изъ револьвера, а онъ палкою выбилъ его у него изъ руки и ударилъ разъ по головѣ; 2) крестьянинъ Степанъ *Анастасовъ*, по показанію свидѣтеля Браутмана, ударилъ палкою по головѣ одного еврея, который тутъ-же былъ добитъ другими громилами; по свидѣтельству Мохновскаго, онъ билъ палкою по спинѣ лежащаго человѣка и вообще билъ палкою спасающихся евреевъ, по показанію Зализы; и, между прочимъ, какъ показала Шмаевская, схватилъ за шиворотъ дѣвушку; свидѣтелемъ Гительманомъ и Бабелемъ онъ былъ замѣченъ съ дубиною въ числѣ громилъ; Балясный видѣлъ, какъ онъ оторвалъ доски у разгромленнаго часового магазина Тараканова; Бейла Шапиро замѣтила, что онъ грабилъ магазинъ ея брата; свидѣтели Болтянскій, Антонъ и Иванъ Зискины и Бѣлый видѣли, какъ онъ таскалъ награбленныя вещи; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и голословно объяснилъ, что 18-го октября былъ въ Карасубазарѣ; допрошенная въ качествѣ свидѣтельницы его сожительница Падалова показала, что онъ во время погрома былъ въ Симферополѣ, но никуда изъ дому не отлучался; 3) крестьянинъ Петръ *Андреевъ* ударилъ дубиною Майданскаго, а свидѣтелю Зайцеву, который видѣлъ, какъ онъ гнался за Майданскимъ, говорилъ, что «надо бить жидовъ», а послѣ погрома сознавался въ участіи въ погромѣ; Мордховичъ и Бабель видѣли его съ дубиною въ рукахъ въ числѣ громилъ; Аблеизъ Эмиръ Али-оглу видѣлъ, какъ онъ кирпичемъ ударилъ

лежащаго челоуѣка, который послѣ этого пересталъ двигаться; свидѣтель Севѣтъ удостовѣрилъ, что онъ билъ дубиною и ногами лежащаго на землѣ челоуѣка, а затѣмъ съ другими громилами подошелъ къ дому Провиса и сказалъ: «здѣсь жида, бей», послѣ чего и началъ съ другими громилами, по показанію Ейхера, ломать ворота; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ, Андреевъ, не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ: что шелъ съ патріотическою манифестаціею, а когда услышалъ выстрѣлы, побѣжалъ домой; 4) крестьянинъ Василій *Баботинъ*, по показанію Гартенфлюса, былъ въ числѣ нападавшихъ на евреевъ и громилъ дубиною калитку дома Цыгоева, а по показанію Ивана и Антона Зискиныхъ 19 октября громилъ магазинъ Болтянскаго, а затѣмъ забѣжалъ во дворъ Зискиныхъ въ компаніи громилъ съ дубиною въ рукахъ и кричалъ: «давайте намъ жидовъ»; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, онъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что 18 и 19 октября былъ все время дома; 5) мѣщанинъ Антонъ *Бродяжскій* гнался съ дубиною въ рукахъ за Арановичемъ, а затѣмъ хвалился свидѣтелямъ Вайнеру, Окренту и Шустеру, что билъ убитаго во время погрома Марка Розенштейна; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что шелъ съ манифестаціею, но никого не билъ, лавокъ не громилъ и не хвалился, что билъ Розенштейна; 6) крестьянинъ Михаилъ *Букрѣвъ*, по профессіи пожарный, на пожарномъ дворѣ занесъ желѣзный прутъ надъ докторомъ Гидалевичемъ и бранилъ его жидомъ, что удостовѣрилъ и свидѣтель Каценеленбогенъ, а обвиняемый Музалевъ видѣлъ у него въ рукѣ черепицу и показалъ, что онъ билъ раненыхъ; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго Букрѣвъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что въ числѣ другихъ пожарныхъ дѣйствительно бросалъ черепицы въ убѣгавшихъ евреевъ, послѣ того какъ разнесся слухъ, что они прострѣлили портретъ Государя, но, что на доктора Гидалевича палкою не замахивался, хотя и оскорбилъ его; 7) мѣщанинъ Чеславъ *Василевскій*, по показанію полиціимейстера Кузьменко, ударилъ дубинкою возлѣ бульвара сбѣгавшаго по скату къ рѣкѣ еврея, а затѣмъ послѣ обѣда онъ вернулся къ своему хозяину Качеру и принесъ пальто, пиджакъ и фуражку; при отобраніи у него этихъ вещей, онъ говорилъ при городоукомъ Люобѣ, что ихъ ему кто-то далъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Василевскій не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18-го съ утра до 5 или 6 часовъ дня, былъ дома въ домѣ терпимости Качера, а затѣмъ отобранныя у него вещи ему далъ на улицѣ какой-то цыганъ; 8) крестьянинъ Терентій *Гришковъ*, по показанію Архангельскаго, былъ одинъ изъ руководи-

телей погрома, изъ тѣхъ, что шли впереди громилъ и указывали еврейскія лавки, причеъ дубиною и самъ разбилъ нѣскольکو оконныхъ стеколъ на Екатерининской улицѣ, а свидѣтель Гринштейнъ удостовѣрилъ, что онъ гнался за докторомъ Моргулисомъ и бросилъ въ него палкою, послѣ чего стали громить аптеку Кейлина, и онъ, находясь впереди всѣхъ громилъ, кричалъ: «бей», когда-же громилы галантерейный магазинъ Цыбли, то онъ оттуда взялъ связку зонтиковъ и бросилъ во второй этажъ дома Бухштаба; при обыскѣ у него были найдены разныя мелкія и золотыя вещи, причеъ онъ заявилъ, что его заставили принять участіе въ погромѣ; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Гришковъ не призналъ себя виновнымъ, хотя и не отрицалъ того обстоятельства, что его заставили принять участіе въ погромѣ, и онъ разбилъ стекло, при чемъ онъ объяснилъ, что у него были отобраны принадлежашія ему вещи; 9) поселянинъ Петръ *Гутенко* стащилъ съ извозчика Файнермана, что удостовѣрилъ свидѣтель Чепурко 19-го октября; Малахотъко видѣлъ на толкучкѣ на немъ новое пальто, а въ рукахъ часы и табачницу, при чемъ онъ говорилъ, что купилъ ихъ, при отобраніи у него этихъ вещей; онъ говорилъ приставу 3 стана въ присутствіи урядника Можары, что билъ евреевъ, а по предъявленіи отобраннаго у него пальто торговцу готоваго платья Березинеру, онъ же Брезнеръ, послѣдній призналъ въ немъ пальто изъ своего магазина и изъ той партіи, что до погрома ни одного экземпляра продано не было; свидѣтельницы Дубникова и Саковская показали, что Гутенко 18 октября, часа въ три дня, зашелъ въ домъ терпимости Качера и подарилъ имъ золотыя вещи, которыя онъ затѣмъ отдалъ полиціи; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что манифестацію видѣлъ, но участія въ погромѣ не принималъ, въ домъ терпимости Качера заходилъ, но никому ничего не дарилъ что показываютъ противъ него напрасно и что отобранное у него пальто было имъ куплено; 10) крестьянинъ Сергѣй *Дачаевъ* (онъ же Тагаевъ) по показанію свидѣтелей Склера и Гительмана, гнался за ѣхавшимъ на извозчикѣ канторомъ Файнерманомъ и первый ударилъ его, крича: «вотъ жидъ, бейте его»; свидѣтель Нехамкинъ встрѣтился съ нимъ, когда онъ бѣжалъ изъ Фабровскаго переулка къ бульвару съ дубиною въ рукахъ, при чемъ на вопросъ: «а ты тутъ?» сказалъ: «бить жидовъ», свидѣтель Васильевъ замѣтилъ его въ числѣ громилъ съ дубиною, а вечеромъ слышалъ, какъ онъ рассказывалъ, что онъ убилъ еврея; Рубинштейнъ призналъ въ немъ гнавшагося за нимъ; свидѣтели Сталь, Шульманъ и Розенблюмъ удостовѣрили, что онъ участвовалъ въ разгромѣ магазина на Екатерининской улицѣ, и

въ частности магазина Зализы и Березинера, причемъ съ послѣдняго магазина онъ первый сорвалъ вывѣску и ею сталъ бить дверь, но она не поддавалась и онъ разбилъ ее камнемъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Дачаевъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что въ безпорядкахъ участія не принималъ, а сидѣлъ дома; 11) крестьянинъ Иванъ *Илюшечкинъ* остановилъ Прейсъ-Айзена и потребовалъ, чтобы онъ показалъ крестъ, а затѣмъ ударилъ нѣсколько разъ палкою по головѣ одного еврея, что подтвердила и дочь Прейсъ-Айзена Анастасія; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18-го октября сидѣлъ дома; 12) мѣщанинъ Федоръ *Канаки* принималъ участіе въ разгромѣ часовыхъ магазиновъ Шпигельгуза и Тараканова, причемъ онъ первый началъ громить, сказавъ между прочимъ Тараканову: «отойди жидъ, а то убью», вообще онъ руководилъ громилами, указывая дубиной какой магазинъ громить, указавъ между прочимъ на аптеку Кейлина и сказалъ, что надо громить еврейскую аптеку, а затѣмъ указалъ и на магазинъ Виторгона, что было удостовѣрено Золоторевымъ, Сигалевичемъ, Яновскимъ, Срулькевичемъ, Софроновой, Ареломъ и Серафимовымъ; Бедросовъ слышалъ, какъ онъ кричалъ толпѣ: «бейте жидовъ, они стрѣляли въ портретъ Государя», это же удостовѣрилъ и Пфейферъ, который видѣлъ также, какъ онъ ударилъ Бернгольца со словами: «вотъ идетъ жидъ, надо его убить»; участвовалъ онъ также въ разгромѣ магазиновъ Шапиро, Малинскаго, Крепса и Срулькевича, что удостовѣрили Толчинскій и Розенблюмъ, кромѣ того, онъ просилъ Штука показать, что весь день 18-го онъ былъ съ ними у магазина Тарасова, но онъ отказался, такъ какъ его вовсе тогда не видѣлъ; наконецъ обвиняемый Гришковъ объяснилъ, что Канаки ломалъ желѣзную рѣшетку у аптеки Кейлина; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, онъ, Канаки, не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что онъ присутствовалъ при томъ, какъ били евреевъ и громили магазины, но самъ участія не принималъ, и лишь закричалъ, что это магазинъ русскій, когда начали громить лавку (Серафимова; 13) крестьянинъ Демьянъ *Канаревъ* говорилъ кучкѣ русскихъ, что надо бить евреевъ, а затѣмъ повелъ толпу въ 1-й участокъ, что удостовѣрилъ Розенблюмъ; ударилъ Рохлинъ, что видѣлъ п Морозовъ; громилъ, по показанію Комарницкаго, магазины въ Греческомъ переулкѣ, а Гутхеймъ видѣлъ, какъ онъ громилъ и лавку Печенкина; по удостовѣренію Коваленко, онъ указывалъ громиламъ еврейскія лавки; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что онъ шелъ съ манифестаціей, принять участіе въ которой его пригла-

сили двое полицейскихъ, приче́мъ слышалъ стрѣльбу, но евреевъ не билъ и лавокъ не громилъ; 14) крестьянинъ Андрей *Крыловъ* находился среди громилъ съ револьверомъ въ рукѣ и кричалъ: «бей жидовъ», что удостовѣрено Купайгородскимъ, Муслинымъ и Юфе, который замѣтилъ его среди бившихъ Лейбмана; на глазахъ Вайнера, онъ вытащилъ на бульварѣ изъ клозета одного еврея и ударилъ его, сказавъ при этомъ: «вотъ тебѣ свобода», указавъ въ присутствіи Шаповалова на магазинъ Малинскаго, сказалъ: «это жидовскій, бей», допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что револьверъ онъ вынималъ изъ кармана во время паники машинально; 15) крестьянинъ Филиппъ *Любаневъ* на бульварѣ, у клозета билъ небольшимъ коломъ евреевъ, что видѣла Рохлинъ, затѣмъ, какъ это удостовѣрилъ Файнеръ, у входа на бульваръ, въ числѣ другихъ громилъ, гонялся съ дубиною за спасавшимися евреями; бросилъ большой камень въ Ямпольскаго; по показанію Морозова, подстрекалъ еще больше бить евреевъ, а на другой день похвалялся, что билъ евреевъ; объ этомъ же онъ говорилъ въ присутствіи Сергѣева и Мощнаго, а Шеголь призналъ въ немъ одного изъ бившихъ стекла въ квартирѣ Рабиновича, жившаго при синагогѣ, допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Любаневъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что въ манифестаціи не участвовалъ, никого не билъ и никому въ этомъ не сознавался, а когда бросили камни въ синагогу, то онъ указалъ, что въ подвальномъ этажѣ есть люди и наклонился посмотрѣть, а въ него въ это время кто-то выстрѣлилъ и причинилъ легкую рану на верхней губѣ; 16) крестьянинъ Федоръ *Москаленко* билъ одного человѣка на глазахъ Классена, а Гришинъ увидалъ его возлѣ воротъ бульвара съ дубиною въ рукахъ, которая была въ крови, приче́мъ онъ съ глазами, налитыми кровью, на вопросъ: «какъ дѣла?», отвѣтилъ: «ничего, убилъ двухъ»; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что до 5 часовъ дня находился дома, приче́мъ въ подтвержденіе этого обстоятельства сослался на Лошакова, который, однако, показалъ, что Москаленко ушелъ изъ дому около 11 часовъ, а вернулся часовъ въ 5 дня; 17) крестьянинъ Иванъ *Музалевъ*, какъ показывалъ свидѣтель Акимъ Букрѣевъ, бросалъ въ евреевъ черепицы и два раза ударилъ ногою раненыхъ; послѣднее обстоятельство удостовѣрили и Николаевъ и обвиняемый Михаилъ Букрѣевъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что никого не билъ, а что раненыхъ билъ только Букрѣевъ; 18) пот. поч. гражданинъ Викторъ *Поршневъ* принималъ участіе въ разгромѣ лавокъ Фокермана, Брезнера и

Золотницкаго, что было удостовѣрено Гершбейномъ, Школьниковымъ и Талалаевымъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что хотя и находился около магазина Брезнера и Золотницкаго, но въ погромѣ не участвовалъ; 19) крестьянинъ Иванъ *Разказовъ* громилъ лавку Болтянскаго, что подтвердили Бѣлый и Аблеизъ-оглу, который видѣлъ какъ онъ разбивалъ и другія лавки; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18-го утромъ онъ выѣхалъ въ Алушту, однако свидѣтель Корниенко показалъ, что 19 утромъ онъ подѣзжалъ изъ Алушты въ Симферополь и недалеко отъ послѣдняго встрѣтилъ Ивана Разказова, выѣзжавшаго изъ Симферополя, кромѣ того полиціймейстеръ Кузьменко видѣлъ его въ числѣ громилъ съ дубиною близъ бульвара 18 октября; 20) крестьянинъ Никита *Разказовъ* громилъ съ дубиною въ рукахъ лавку Болтянскаго и другія лавки на базарѣ, что удостовѣрили Девликановъ, Аблеизъ Эмиръ Али-оглу и Бѣлый, а Горфинъ, Гартенфлюсъ, Матюшко и обвиняемый Бродянской замѣтили его среди громилъ съ дубиною; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что шелъ съ манифестаціей, и что его ранили въ шею выстрѣломъ, но онъ никого не билъ и лавокъ не громилъ; 21) крестьянинъ Гурій *Рудневъ* ударилъ ломомъ по головѣ Ефетовича, а затѣмъ по рукѣ Задкова, что подтвердила и жена Задкова; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18 октября до 5 часовъ дня былъ дома въ школѣ Салгирка; 22) мѣщанинъ Евгений *Стиринъ* принималъ участіе въ осадѣ синагоги Эпштейна, причемъ, по показанію Майтопа, руководилъ громилами и кричалъ, какъ это слышалъ Сѣниковъ: «васъ бьютъ, а вы чего смотрите»; онъ, какъ это удостовѣрилъ Морозовъ, два или три раза ударилъ убѣжавшаго еврея; схватилъ Баранову за рукавъ и ударилъ, что подтвердилъ и Рабиновичъ, который при этомъ слышалъ, какъ онъ кричалъ: «вотъ еврейка, бейте ее», послѣ чего одинъ изъ громилъ и ударилъ ее дубиною; на глазахъ Зарѣцкаго бросалъ камни въ синагогу и грозилъ Шерешевскому кулакомъ, когда его везли въ больницу; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что около синагоги онъ убѣждалъ не бить евреевъ; 23) крестьянинъ Емельянъ *Тереневъ* сознался Рудоловой, что у него есть вещи съ погрома, и давалъ ихъ Юрченковой, а затѣмъ у него дѣйствительно оказались коробочка съ 4 часами, 2 лампадки, 2 цѣпки, 1 кольцо и 3 брелока; кромѣ того полиціймейстеръ Кузьменко замѣтилъ его около бульвара въ толпѣ громилъ съ дубиною въ рукахъ; допрошен-

ный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что ему кто-то подарилъ на погромѣ, отобранныя затѣмъ у него вещи, но самъ онъ не принималъ участія въ погромѣ; 24) мѣщанинъ Ислямъ *Ульмезъ-оглу* былъ замѣченъ полиціймейстеромъ Кузьменко, Смирновымъ, Дубинскою и Абрамовичъ въ числѣ громилъ, избивавшихъ евреевъ у бульвара, а Зильберштейнъ удостовѣряетъ, что онъ билъ Марію Сахарову дубиною по головѣ; Ирликовъ видѣлъ, какъ онъ билъ одного еврея, затѣмъ оказавшагося убитымъ; онъ принялъ участіе также въ разгромѣ лавокъ на базарѣ, что удостовѣрили Несюринъ Козерманъ, Зискинъ и Шапиро; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18 до 5 часовъ вечера не отлучался съ базара, причемъ въ подтвержденіе этого обстоятельства сослался на Джелялова, который, однако, показалъ, что видѣлъ его лишь въ 7 часовъ утра, а послѣ не видалъ и не знаетъ, что онъ дѣлалъ; 25) крестьянинъ Сергѣй *Шуляковъ* ударилъ по головѣ палкою Илью Черкеса, послѣ чего онъ упалъ и его стали бить другіе и били его даже мертваго, что удостовѣрили Медвѣдевъ и Майтопъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что все время былъ съ манифестаціей; 26) крестьянинъ Пантелеймонъ *Щегловъ* былъ замѣченъ Бычковою бѣжавшимъ въ числѣ другихъ громилъ къ Петропавловскому переулку, гдѣ его увидалъ Федоровъ въ числѣ громившихъ одинъ домъ, причемъ онъ напиралъ на ворота; затѣмъ по обыскѣ у него въ присутствіи Турчинина было найдено 16 или 18 часовыхъ цѣпочекъ, серебряное кольцо и блюдечко; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что онъ шелъ съ манифестаціей, а когда ему сказалъ городской, что евреи прострѣлили портретъ Государя, то онъ сталъ громить домъ Бабеля, что же касается найденныхъ у него цѣпочекъ, то онъ ихъ купилъ; 27) крестьянинъ Кондрать *Чехъ* на глазахъ Аблеизъ Эмиръ Али-оглу сбиль съ ногъ одного человѣка и билъ его лежащаго, а городской Богдановъ видѣлъ его бѣгущимъ впереди кучки громилъ, которая напала на еврея; вернувшись къ себѣ домой послѣ обѣда въ домѣ терпимости Зильбермана, гдѣ онъ служилъ буфетчикомъ, онъ принесъ новое платьѣ, причемъ онъ показывалъ Ожиговой окровавленный ножъ и говорилъ, что много положилъ людей; кромѣ того, Цыгоевъ замѣтилъ его громившимъ магазинъ Майданскаго и бросающимъ камни; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что отобранныя у него вещи онъ подобралъ на улицѣ, а самъ не громилъ и не билъ евреевъ, причемъ 18 спалъ до 2 часовъ дня; 28) крестья-

янинъ Никифоръ Чижъ, по показанію Букрѣва, Николаева, Зубова и обвиняемыхъ Букрѣва и Музалева бросаль въ евреевъ черепицы, билъ раненыхъ и замахнулся на доктора Гидалевича желѣзной палкою; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что никого не билъ, а лишь никого не пускалъ постороннихъ на пожарный дворъ и 29) казакъ Павелъ Ющенко былъ задержанъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Малымъ, причемъ у него оказалось 30 штукъ часовъ и другія вещи и онъ сознался рядовому Шерману, что взялъ эти вещи въ магазинъ на Екатерининской улицѣ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго онъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что шелъ съ манифестаціей, а когда стали громить лавки и выбрасывать вещи, то онъ подобралъ часы и другія вещи на улицѣ. На основаніи изложеннаго, крестьянинъ с. Ижевское, той же волости, Спасскаго уѣзда Андрей Гавриловъ Альфутовъ, 47 лѣтъ, крестьянинъ с. Болградъ, Юзкуйской волости, Мелитопольскаго уѣзда, Степанъ Михайловъ Анастасовъ, 30 лѣтъ, крестьянинъ с. Зарѣчье, Каменской волости, Новосильскаго уѣзда, Петръ Семеновъ Андреевъ, 49 лѣтъ, крестьянинъ дер. Чернь, Краснослободской волости, Трубчевскаго уѣзда, Василій Никаноровъ Баботинъ, 27 лѣтъ, Евпаторійскій мѣщанинъ Антонъ Николаевъ Бродянской, 26 лѣтъ, крестьянинъ с. Шеиново, Косаревской волости, Новосильскаго уѣзда, Михаилъ Андреевъ Букрѣвъ, 40 лѣтъ, Варшавскій мѣщанинъ Чеславъ Іосифовъ Василевскій, 23 лѣтъ, крестьянинъ м. Каховки, Днѣпровскаго уѣзда, Терентій Семеновъ Гришковъ, 51 года, поселянинъ д. Саблы, Тавъ-Бадракской волости, Симферопольскаго уѣзда, Петръ Алексѣевъ Гутенко, 18 лѣтъ, крестьянинъ с. Газево, той же волости, Елорымскаго уѣзда, Сергѣй Герасимовъ Дагаевъ, 25 лѣтъ, крестьянинъ д. Жихаревскій, Роборьковской волости, Дмитровскаго уѣзда, Иванъ Егоровъ Илюшечкинъ, 32 лѣтъ, Симферопольскій мѣщанинъ Федоръ Васильевъ Канаки, 37 лѣтъ, крестьянинъ с. Вергонское, той же волости, Славяно-сербскаго уѣзда, Демьянъ Семеновъ Канаревъ, 42 лѣтъ, крестьянинъ с. Нижнее Маячиково, Мячиковской волости, Бронлицкаго уѣзда, Андрей Кондратьевъ Крыловъ, 37 лѣтъ, крестьянинъ д. Лисовые Берлипы, Купайгородской волости, Могилевскаго уѣзда, Филиппъ Федоровъ Любаневъ, 40 лѣтъ, крестьянинъ с. Бучикъ, Пшеничниковской волости, Каневскаго уѣзда, Федоръ Федоровъ Москаленко, 28 лѣтъ, крестьянинъ д. Трюсниково, Каменской волости, Новосильскаго уѣзда, Иванъ Григорьевъ Музалевъ, 23 лѣтъ, пот. поч. гражданинъ, Викторъ Ивановъ Поршневъ, 34 лѣтъ, крестьянинъ с. Лубошево, Киликинской волости, Дмитровскаго уѣзда, Иванъ, 19 лѣтъ, и Никита,

25 лѣтъ, Алексѣевы Разсказовы, крестьянинъ д. Дмитріевки, той же волости, Бердянскаго уѣзда, Гурій Моисеевъ Рудневъ 19 лѣтъ, Керченскій мѣщанинъ, Евгений Васильевъ Спиричь, 28 лѣтъ, крестьянинъ д. Крутояръ, Левянской волости, Мглинскаго уѣзда Емельянъ Семеновъ Тереневъ, 48 лѣтъ, Симферопольскій мѣщанинъ Ислямъ-Ульмезъ оглу, 40 лѣтъ, крестьянинъ д. Беренто, Касьяновской волости, Козельскаго уѣзда, Сергѣй Ивановъ Шуляковъ, 49 лѣтъ, крестьянинъ с. Мазанки, Зуйской волости, Симферопольскаго уѣзда, Пантелеймонъ Карповъ Щегловъ, 45 лѣтъ, крестьянинъ с. Вира, той же волости, Сумскаго уѣзда, Кондрать Филипповъ Чехъ, 20 лѣтъ, крестьянинъ д. Играево, Царевской волости, Слуцкаго уѣзда, Никофоръ Петровъ Чижъ, 26 лѣтъ, и казакъ с. Приходьки, Харьковецкой волости, Пирятинскаго уѣзда, Павелъ Михайловъ Ющенко, 21 года, обвиняются въ томъ, что 18 и 19 октября 1905 года въ г. Симферополѣ принимали участіе въ публичномъ скопищѣ, собравшемся изъ побужденій племенной и религіозной вражды къ евреямъ, съ цѣлью учиненія соединенными силами насилія надъ ихъ личностью, похищенія и поврежденія ихъ имущества, причемъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ таковыхъ побужденій, совмѣстно съ другими лицами, Альфутовъ ударилъ еврея Кофмана; Анастасовъ ударилъ палкою по головѣ еврея, послѣ чего послѣдняго доби́ли другіе, билъ вообще евреевъ и разбивалъ лавки на базарѣ, въ томъ числѣ лавку Тараканова и похитилъ разныя вещи; Андреевъ ударилъ дубиною Майданскаго, говорилъ, что «надо бить жидовъ», ломалъ ворота дома Привеса, причемъ сказалъ: «здѣсь жиды, бей», а также ударилъ кирпичемъ одного лежащаго еврея; Баботинъ разбивалъ магазинъ Болтянскаго, билъ дубиною калитку дома Цыгоева и кричалъ во дворѣ дома Зискина: «Давайте намъ жидовъ»; Бродянской билъ еврея Розенштейна и гнался съ дубиною за евреемъ Ароновичемъ; Букрѣевъ билъ раненыхъ евреевъ и занесъ желѣзный пруть надъ докторомъ Гидалевичемъ и бранилъ его «жидомъ»; Василевскій ударилъ дубиною одного человѣка и похитилъ при разгромѣ лавокъ разныя вещи; Гришковъ руководилъ толпою при разгромѣ лавокъ на Екатерининской улицѣ кричалъ: «бей» и похитилъ разныя мелкія и золотыя вещи; Гутенко билъ евреевъ, стащилъ съ извозчика Файнермана и похитилъ разныя вещи; Дагаевъ ударилъ первый Файнермана, причемъ кричалъ: «вотъ жидъ, бейте его», гнался за Рубинштейномъ, руководилъ разгромомъ лавокъ Березинера, Зализы и Майданскаго; Илюшечкинъ ударилъ нѣсколько разъ палкою по головѣ одного еврея; Канаки руководилъ толпою громилъ при разгромѣ лавокъ Тараканова, Шпигельгуза, указывая на аптеку Кейлина, говорилъ: «надо бить

еврейскую аптеку», указывалъ вообще еврейскіе магазины, громилъ ихъ и кричалъ толпѣ: «бейте жидовъ», гнался за евре-емъ Коганомъ, ударилъ Бернгольца, крича: «вотъ жидъ, бей его»; Канаревъ разбивалъ лавку Печенкина, ударилъ дубиною еврея, громилъ лавки въ Греческомъ переулкѣ и говорилъ кучкѣ русскихъ, что надо бить евреевъ; Крыловъ кричалъ: «бей жи-дѣвъ», ударилъ одного еврея по головѣ, указывалъ еврейскіе магазины, въ томъ числѣ Малинскаго, и сказалъ: «это жидов-скій, бей»; Любаневъ билъ коломъ евреевъ, бросилъ большой камень въ Ямпольскаго, говорилъ громиламъ бить больше евре-евъ и билъ стекла въ квартирѣ Рабиновича; Москаленко билъ евреевъ дубиною; Музалевъ бросалъ въ евреевъ черепицы и билъ ногами раненыхъ; Поршневъ руководилъ толпою громилъ на базарѣ; командовалъ ими и разбивалъ лавки Фокермана, Брезнера и Золотницкаго; Иванъ Разсказовъ разбивалъ лавки на базарѣ, а также магазинъ Болтянскаго, Никита Разсказовъ разбивалъ лавки на базарѣ и магазинъ Болтянскаго; Рудневъ билъ евреевъ, Ефетовича и Задкова; Спириновъ руководилъ гро-милами, ударилъ еврейку Баранову и кричалъ: «вотъ еврейка, бейте ее»; Терезевъ похитилъ разныя вещи при разгромѣ ла-вокъ; Ислямъ-Ульмезъ оглу билъ дубиною по головѣ еврейку Сахарову и разбивалъ лавки на базарѣ; Шуляковъ ударилъ палкою по головѣ Черкеса; Щегловъ разбивалъ домъ въ Петро-павловскомъ переулкѣ и похитилъ при разгромѣ лавокъ нѣсколь-ко часовъ и другія вещи; Чехъ гнался съ дубиною за евреями и билъ ихъ, разбивалъ магазины Майданскаго и похитилъ при разгромѣ лавокъ разное платье; Чижъ бросалъ въ евреевъ че-репицы билъ ногами раненыхъ и Ющенко похитилъ при разгромѣ лавокъ до 30 карманныхъ часовъ и другія вещи. Означенныя преступленія предусмотрѣны 1 ч. 269¹ ст. Улож. о Нак., а для Андреева, Гришкова, Дачаева, Канаки, Канарева, Крылова, Лю-банева, Поршнева и Спирина также и 3 ч. 269¹ ст. Улож. о Наказ. Вслѣдствіе сего и на основаніи VI отд. закона 18-го марта 1905 года названные обвиняемые подлежатъ суду Симфе-ропольскаго Окружнаго суда съ участіемъ сословныхъ пред-ставителей.—Составленъ 15 сентября 1906 года въ Керчи».

II-й обвинительный актъ о бывшемъ помощникѣ приставѣ 2-ой части гор. Симферополя Ильѣ Яковлевѣ **Чупринко** и бывшихъ городовыхъ симферопольской полиціи Семенѣ Ники-тинѣ **Ермоленко**, Петрѣ Филипповѣ **Богдановѣ**, Станиславѣ Ива-новѣ **Пахановскомѣ**, Евдокимѣ Ивановѣ **Кузьменковѣ**, Адрианѣ Павловѣ **Морозовѣ**, Каленикѣ Авраамовѣ **Кириленко**, Архипѣ Петровѣ **Дремовѣ**. 18 го октября 1906 года, въ г. Симферополѣ

Произошли антиеврейскіе безпорядки, выразившіеся въ томъ, что толпа русскихъ вбѣжала въ городской садъ, гдѣ происходилъ митингъ и стала избивать евреевъ, участниковъ этого митинга, послѣ чего устремилась въ городъ, гдѣ начала громить еврейскія лавки. Допросомъ многочисленныхъ свидѣтелей была установлена виновность нѣсколькихъ полицейскихъ чиновъ въ томъ, что они, принявъ участіе въ этомъ скопищѣ изъ племенной и религіозной вражды, учинившемъ насилія надъ личностью евреевъ и похищеніе и поврежденіе ихъ имущества, подстрекали участниковъ скопища къ учиненію этихъ дѣяній и сами совершали насилія надъ личностью евреевъ, дѣйствуя вслѣдствіе указанныхъ побужденій. Всѣ эти полицейскіе чины были привлечены къ предварительному слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ; основаніемъ для ихъ привлеченія послужили улики, добытыя изъ показаній свидѣтелей, указанныхъ ниже. Обвиняемыми были привлечены и допрошены суд. слѣд. слѣдующія лица: 1) помощникъ пристава 2 ч. гор. Симферополя *Чупринко*, который по удостовѣренію свидѣтелей Шевеля и Анастасіи Прейсъ-Айзень и Давида Ковганенко, 18-го октября, утромъ, около тюрьмы, кричалъ толпѣ: «бейте, брѣтцы, жидовъ,» а вблизи тюрьмы около епархіального училища, въ присутствіи Хаима Наделя, сказалъ двумъ рабочимъ на вопросъ: «не побить-ли намъ жидовъ?»,—«соберитесь побольше и тогда начните», а затѣмъ около бульвара говорилъ громиламъ: «чего вы боитесь, валите ихъ», около Петропавловской улицы, на глазахъ Якова Лейбмана рубилъ шашкою евреевъ и кричалъ: «бей ихъ, сукиныхъ сыновъ», около строящагося дома Гидалевича онъ кричалъ рабочимъ: «оставляйте работу, возьмите съ собою что нибудь въ руки и будемъ жарить жидовъ», послѣ чего рабочіе и стали брать лопаты, палки и т. п.; это обстоятельство удостовѣрено было показаніями Гиршъ-Абе-Кацизно и Даниіла Медвѣдева, однако, свидѣтель Сачавецъ-Федоровичъ показалъ, что Чупринко въ этомъ мѣстѣ увѣщевалъ рабочихъ бросить дубины, по удостовѣренію свидѣтелей Іосифа Певзнера и Аблеиза-Эмиръ-Али оглу онъ ударилъ обнаженною шашкою около входа на бульваръ одного еврея, двумъ дѣвушкамъ, умолявшимъ о спасеніи, онъ сказалъ: «пошли вонъ, жидовскія морды», что слышалъ свидѣтель Симаха Купайгородскій, на глазахъ Чупринко производили насилія надъ личностью евреевъ и громили магазины, причемъ онъ не принималъ никакихъ мѣръ въ защиту потерпѣвшихъ, такъ, напримѣръ: толпа избивала евреевъ въ его присутствіи, что удостовѣрено показаніемъ Ивана Курбана, одинъ громила замахнулся на сестру Исаака Зарѣцкаго, около магазина Виторгона мальчишки избивали Ушера Гительмана, а онъ стоялъ тутъ же

съ обнаженной шашкой въ рукахъ, что удостовѣрено было Нисиномъ Елиномъ; около магазина Киблера названный Кацизно обратилъ его вниманіе, что бьютъ еврея, на что онъ отвѣтилъ: «уйди, жидъ, а то и тебя убьютъ», Моисея Сороцкого били въ его присутствіи, а Фридрихъ Шихановичъ видѣлъ, какъ били стекла въ магазинѣ Айзенштейна на его глазахъ; у входа на бульваръ онъ указалъ одному изъ громилъ на Авраама Мошку Косогляда, сказавъ: «вотъ жидъ», послѣ чего тотъ ударилъ его дубиной; у дверей аптеки Кейлина онъ оттолкнулъ отъ себя въ присутствіи Василя и Дарьи Титаренко одного еврея, котораго громили тутъ же «забили», наконецъ, свидѣтель Исаакъ Балясный удостовѣряетъ, что въ саду Чупринко ударилъ обнаженною шашкою Айзика Гинзбурга по лицу, послѣ чего тутъ громили добили его дубинами, затѣмъ два раза ударилъ шашкою по головѣ Шмуля Кравца, послѣ чего другой полицейскій, Ермоленко, ударилъ уже по обнаженной головѣ шашкою, а громила нанесъ ударъ дубиною; судебно-медицинскимъ осмотромъ труповъ Гинзбурга и Кравца было установлено, что смерть ихъ послѣдовала отъ поврежденія черепныхъ костей, причиненнаго какимъ либо тупымъ орудіемъ, причемъ у перваго, кромѣ того, были констатированы раны пулевья на правой щекѣ, рубленая въ лобной части головы и рубленая въ затылочной части, а у втораго двѣ рѣзанныя раны на правой сторонѣ головы и одна съ ушибленными, рванными краями; симферопольскій уѣздный врачъ Загарскій, которому была предъявлена отобранная у Чупринко шашка, пришелъ къ заключенію, что рубленныя и рѣзанныя раны на трупахъ Гинзбурга и Кравца скорѣе всего могли быть причинены этимъ орудіемъ, такъ какъ отсутствіе раздробленія и переломовъ кости подъ этими ранами находится въ прямомъ соотношеніи съ легковѣсностью этой шашки. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Чупринко не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что у тюрьмы вовсе не былъ, убійствъ лично не видѣлъ ни одного и большею частью шелъ съ патріотическою манифестаціею, въ подтвержденіе чего и просилъ допросить Ивана Рѣзанова; послѣдній, однако, показалъ, что Чупринко убѣдилъ его ложно показать будто онъ все время шелъ съ патріотическою манифестаціею, чего онъ, однако, удостовѣрить не можетъ, такъ какъ видѣлъ его около архіерейскаго дома, а на Лазаревской улицѣ не видѣлъ; Аблеизъ-Эмиръ Алиоглу тоже удостовѣрилъ, что Чупринко приходилъ къ нему и убѣждалъ не давать противъ него показанія. 2) Старшій городской 1 ч. гор. Симферополя, исполняющій обязанности околоточнаго надзирателя, *Ермоленко*, на бульварѣ, при выходѣ къ р. Салгиру, послѣ того какъ громили сбили съ ногъ Асю Толчин-

скую, произвелъ въ нее 2 выстрѣла изъ револьвера, причинивъ ей легкую рану на лѣвой рукѣ и контузивъ лѣвую щеку, затѣмъ ударилъ кулакомъ по лицу Риву Дубинскую и выстрѣлилъ въ спину Нахмана Дубинскаго, причемъ пуля застряла въ подкладкѣ пальто, замахнулся обнаженною шашкою на Иосифа Ратнера и Иосифа Вейсбанда, но промахнулся, а Владимиру Спиру нанесъ ударъ шашкою по шеѣ, причинивъ ему поврежденіе, выразившееся въ разстройствѣ нѣкоторыхъ функцій мышцъ шеи и въ ослабленіи чувствительности. Возлѣ музыкальной эстрады онъ подбѣжалъ къ одному молодому человѣку и крикнулъ: «вотъ еще жидъ, бейте его», послѣ чего громилы и стали бить его, самъ билъ Перлю Чернякъ и обнаженною шашкою плашмя ударилъ Давидъ Кузавскаго и крикнулъ при этомъ бѣжавшему за нимъ громилѣ: «бей» и тотъ ударилъ его дубиною по головѣ; ударилъ шашкою Исаака Левчика, оказавшагося затѣмъ убитымъ, ударилъ два раза обнаженной шашкою по рукамъ Якова Кравца, схватилъ за косу одну дѣвушку и топталъ ее ногами; въ участкѣ бѣгалъ отъ одного раненаго къ другому и наносилъ имъ удары, между прочимъ раскровянилъ носъ Хаиму Берлину и съ крикомъ: «вотъ, жидъ, тебѣ свобода», а также по животу билъ ногами Марію Рохлинъ; кромѣ того Ермоленко, удержавъ на Иосифа Габа, кричалъ: «бей жидовъ», послѣ чего на него набросились двое громилъ, и, наконецъ, въ упоръ стрѣлялъ въ лежащаго молодого человѣка; въ этотъ же день онъ говорилъ околоточному надзирателю Чернявскому, что «поработалъ надъ жидами», и показывалъ окровавленное лезвіе своей шашки. Изложенное было удостовѣрено показаніями какъ названныхъ свидѣтелей, такъ и очевидцевъ: Ривы Шолкиной, Вѣры Ямпольской, Ильи Казаса, Терентія Сырокваша, Мартиніана Подручнаго, Иосифа Кирниченко, Захарія Ефименко, Ефима Хорунжаго, Павла Кейтукова, Исаака Баляснаго, Меера Гонштейна, Михаила Кабакчи, Герша Гинштейна, Виктора Шишкина, Якова Когана, Якова Пинкуса, Мордхая Кукеса, Самуила Муслина, Моисея Бѣлинскаго, Арона Ульмана, Боруха Ваншельбаума, Александра Сафронова и Эльи Юфе. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Ермоленко виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что револьверъ его былъ испорченъ, и онъ не стрѣлялъ и не рубилъ шашкою. 3) Городовой *Богдановъ* наносилъ удары шашкою убѣгавшимъ евреямъ, билъ шашкою въ ножахъ по головѣ Ушера Неймана, причинивъ ему легкія раны въ области головы, указалъ на Хаима Берлина и сказалъ громиламъ: «не зѣвайте, братцы, вонъ жидъ пошелъ», и тѣ стали его бить, а затѣмъ и самъ ударилъ его два раза по головѣ шашкою въ ножахъ, причинивъ ему легкія раны; ударилъ кулакомъ по затылку

Фридмана, который тут же упалъ, а затѣмъ оказался убитымъ, указалъ громиламъ на одну еврейку, которую тѣ избили; наконецъ, около гостиницы «Ланжеронъ», когда на его глазахъ избивали евреевъ, онъ осматривалъ раненыхъ, причемъ одинъ поднялъ руку и Богдановъ ткнулъ его шашкою въ ножнахъ въ грудь и ногою ударилъ по головѣ, послѣ чего тотъ вытянулся и больше ужъ не двигался; когда же громили при немъ лавку Виторгона, кто-то предложилъ поджечь, на что Богдановъ замѣтилъ, что разбивать можно, а зажигать нельзя; изложенное было удостовѣрено какъ показаніями названныхъ свидѣтелей, такъ и очевидцевъ: Авраама Лермана, Османа-Муратъ-оглу, Нухима Вайнштейна, Якова Лейбмана, Соломона Сигалевича, Моисея Чечика, Лейба Нехамкина, Давида Лермана, а также оговоромъ обвиняемаго Антона Бродянского, удостовѣрившаго, что Богдановъ говорилъ громиламъ: «вы можете ломать лавки»; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Богдановъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что никого не билъ, а 18-го все время находился при полиціймейстерѣ. 4) Городовой *Дремовъ* находился въ толпѣ громилъ и кричалъ имъ: «впередъ», на что они отвѣтили: «бей жидовъ», а затѣмъ спросили, указывая на еврея Бермана: «этого можно?» и, получивъ отвѣтъ: «валяйте», набросились на него; два раза ударилъ нагайкой одного еврейскаго мальчика, послѣ чего громили стали бить его дубинами; въ саду подбѣжалъ къ лежащей въ крови дѣвушкѣ и ударилъ ее ногою въ лицо, а затѣмъ носкомъ сапога повернулъ ей голову; кромѣ того его видѣли стрѣлявшимъ изъ револьвера; изложенное было удостовѣрено показаніями свидѣтелей очевидцевъ: Якова Кравца, Маріи Рохлинъ, Ивана Федорова, Исаака Фридмана, Веніамина Щеголя, Иуды Форера и Израиля Рома; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Дремовъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что никого не трогалъ, а ловилъ разбѣжавшихся изъ тюрьмы арестантовъ. 5) Городовой *Пахановскій* указалъ громилѣ на Ривку Шнейдеръ, схватилъ ее за руку и сказалъ: «убей ее на смерть, она еврейка», послѣ чего тотъ ударилъ ее раза три дубиною и она потеряла сознание; одного еврея ударилъ съ такою силою, что тотъ упалъ, послѣ чего на него набросились громили; билъ еврея Нехамкина и говорилъ городovýmъ, которые вели его: «куда ведете жида, его надо убить»; изложенное удостовѣрено показаніями свидѣтелей очевидцевъ: Самуила Муслина, Лейбы и Любы Нехамкиныхъ и Хаи Столяръ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Пахановскій не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что 18-го только ловилъ арестантовъ. 5) Городовой *Кузьменковъ* нѣсколько разъ ударилъ шашкою въ ножнахъ одного раненаго еврея по головѣ

и плечамъ и бросилъ камень на балконъ дома Виторгона, что удостовѣрено свидѣтелями очевидцами Иллариономъ Педченко Андрейченко, Константиномъ Риніери, Самуиломъ Пенерджи, полиціймейстеромъ Кузьменко, Федоромъ Климовичемъ, Николаемъ Матюшко, Вѣрою Евсѣевою и приставомъ Солодиловымъ; допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Кузьменковъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что оградился отъ одного стрѣлявшаго еврея необнаженною шашкою, и тотъ самъ налетѣлъ на нее. 7) Городовой *Кириленко* ударилъ обнаженною шашкою Мирона Шухера, который послѣ этого упалъ, а затѣмъ оказался убитымъ; онъ кричалъ громами: «бей жидовъ», а одному извозчику сказалъ, указывая на еврея Сигалевича: «бей его» и тотъ ударилъ его. Кромѣ того онъ стрѣлялъ изъ револьвера. Изложенное было удостовѣрено показаніями свидѣтелей очевидцевъ: Герша Вайсберга, Израила Банка, Ивана Федорова, Моисея Бѣлинскаго, Залмана Циркина, Герша Щеголя и Мойсея Раскина; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Кириленко не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что шелъ съ патріотической манифестаціей и никому не позволялъ трогать евреевъ и 8) Городовой *Морозовъ* около участка говорилъ громами: «здѣсь больше нечего дѣлать, идите на Екатерининскую и бейте магазивы», кричалъ: «бейте жидовъ» и еврея Шухера ударилъ обнаженною шашкою; изложенное удостовѣрено показаніями свидѣтелей-очевидцевъ: Ивана Рязанцева, Ривы Шнейдеръ и Гейде Малки Ароновичъ; допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Морозовъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что умышленно не защищалъ евреевъ и подстрекалъ громить лавки, такъ какъ начальство его высказывало мысль, что хорошо бы было, еслибъ русскіе побили евреевъ, а затѣмъ, когда народъ кричалъ: «бей жидовъ», то это самое начальство ничего не возражало. На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) бывшій помощникъ пристава симферопольской полиціи, перекопскій мѣщанинъ Илья Яковлевъ Чупринко, 38 лѣтъ, и бывшіе городовые той-же полиціи: евапаторійскій мѣщанинъ Семенъ Никитинъ Ермоленко, 28 лѣтъ, крестьянинъ села Песчаного, Кахновской волости, Кременчугскаго уѣзда, Петръ Филипповъ Богдановъ, 34 лѣтъ, крестьянинъ села Кошелева, Лубянской волости, Дмитровскаго уѣзда, Андрианъ Павловъ Морозовъ, 31 года, крестьянинъ села Комотенцы, Сокирешской волости, Прилукскаго уѣзда, Каленикъ Авраамовъ Кириленко, 43 лѣтъ, крестьянинъ села Макашкинки, Тюковской волости, Новохоперскаго уѣзда, Евдокимъ Ивановъ Кузьменковъ, 33 лѣтъ, крестьянинъ села Ястрежембе, той-же волости, Липновскаго уѣзда, Станиславъ Ивановъ Пахановскій, 32 лѣтъ, и крестьянинъ дер.

Петровъ-Хуторъ, Краснополянской волости, Пцигровскаго уѣзда, Архипъ Петровъ Дремовъ, 44 лѣтъ, въ томъ, что 18-го октября 1905 года, въ гор. Симферополѣ, приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ соединенными силами, вслѣдствіе побужденій племенной вражды къ евреямъ, насилія надъ ихъ личностью и похищеніе и поврежденіе ихъ имущества, причеиъ дѣйствуя изъ указанныхъ побужденій: 1) Чупринко подстрекалъ участниковъ скопища бить евреевъ и самъ наносилъ имъ удары шашкой, а также, находясь въ состояніи раздраженія съ намѣреніемъ лишить жизни евреевъ Айзика Гинзбурга и Шмуля Кравца, нанесъ имъ обнаженной шашкой удары въ голову, но преднамѣреннаго не совершилъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ и причинилъ имъ только раны, а убиты Гинзбургъ и Кравецъ были другими необнаруженными лицами; 2) Ермоленко подстрекалъ участниковъ скопища бить евреевъ, а также и самъ наносилъ имъ удары и, кромѣ того, находясь въ состояніи раздраженія, съ намѣреніемъ лишить жизни евреевъ Асю Толчинскую, Нахмана Дубинскаго и Шмуля Кравца, въ первую изъ нихъ произвелъ два выстрѣла изъ револьвера, во второго одинъ выстрѣлъ, а Кравца ударилъ по головѣ обнаженной шашкой, но преднамѣреннаго не совершилъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ и причинилъ Толчинской легкую рану на лѣвой рукѣ и контузію лѣвой щеки, Дубинскому прострѣлилъ пальто, а Кравцу нанесъ рану въ голову; 3) Богдановъ подстрекалъ участниковъ скопища къ избіенію евреевъ и самъ билъ послѣднихъ; 4) Морозовъ и Кириленко подстрекали участниковъ скопища къ избіенію евреевъ и сами били ихъ, причеиъ еврею Шухеру нанесли удары шашками, а убитъ былъ Шухеръ необнаруженными лицами тупымъ орудіемъ; 5) Кузьменковъ ударилъ шашкой въ ножнахъ избитаго толпой еврея; 6) Пахановскій и Дремовъ подстрекали участниковъ скопища къ избіенію евреевъ и сами наносили имъ удары и 7) Ермоленко и Богдановъ кромѣ того еще въ томъ, что тогда же и тамъ же, находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей по должности городовыхъ симферопольской полиціи, въ состояніи раздраженія, но, однако-же, не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія, ударами шашекъ причинили легкія раны: Ермоленко — Владимиру Спиро на шеѣ, а Богдановъ — Ошеру Нейману на головѣ. Преступленія эти предусмотрѣнны: 1) въ отношеніи Чупринко 3 ч. 269¹ и 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., 2) для Ермоленко 3 ч. 269, 9 и 2 ч. 1455, 346, и 2 ч. 1483 ст. улож. о наказ., 3) для Богданова 3 ч. 269¹, 346 и 2 ч. 1483 ст. улож. о наказ., 4) для Морозова, Кириленко, Пахановскаго и Дремова 3 ч. 269¹ ст. улож. о наказ. и 5) для Кузьменкова 1 ч.

269¹ ст. улож. о наказ. Вслѣдствіе этого и на основаніи 205, 205¹, 523, 4 п. 1072 ст. уст. угол. судопр. и закона 18-го марта 1906 года и согласно опредѣленію таврическаго губернскаго правленія отъ 15-го сентября 1906 года, мѣщане: Илья Чупринко, Семень Ермоленко и крестьяне: Петръ Богдановъ, Андріанъ Морозовъ, Каленикъ Кириленко, Евдокимъ Кузьменковъ, Станиславъ Пахановскій и Архипъ Дремовъ подлежатъ суду симферопольскаго окружнаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей Составленъ 18-го октября 1906 г. въ гор. Симферополѣ».

Засѣданіе 2-го мая.

Первое засѣданіе суда съ участіемъ сословныхъ представителей открылось въ 1³₄ ч. дня, 2 мая. Составъ суда: предсѣдатель — *г. Дѣйша*, члены суда—гг. *Проциковъ* и *Жидокъ*; сословные представители: симферопольскій городской голова *г. Раковъ*, товарищъ симферопольскаго уѣзднаго предводителя дворянства *г. Книшакскій* и волостной старшина Дуванкойской волости *Абдуль-Решидъ Гафбаровъ* *). Въ качествѣ защитниковъ обвиняемыхъ выступаютъ по назначенію суда присяжные повѣренные гг. *Исаковичъ*, *Доенко* и *Мирецъ*. Повѣренными гражданскихъ истцовъ выступаютъ мѣстные адвокаты: прис. пов. *.Л. Я. Айзенштейнъ*, н. прис. пов. *Иг. Пав. Лебедискій* и пом. прис. повѣр. *А. Н. Лейбзонъ*; изъ пріѣзжихъ: пом. прис. пов. *Ив. К. Заболотный* и пом. прис. повѣр. *Ис. И. Шикъ* (Одесса).

Обвиняетъ тов. прокурора *г. Канишевичъ*.

Всѣхъ обвиняемыхъ по обвинительному акту 37; скамьи подсудимыхъ, однако, занимаютъ только 33 человекъ (3 человекъ—*Андреевъ*, *Канаки* и *Тереневъ*—умерли, а *Ив. Разказовъ* не явился по неизвѣстной причинѣ. (Судъ распорядился о приводѣ его черезъ полицію). Занимаютъ мѣста обвиняемые по обѣ стороны зала; по правую руку отъ предсѣдателя—«частные» (25 человекъ), а по лѣвую—чины полиціи (8 человекъ). Всѣ подсудимые, кромѣ *Гутенко*, отбывающаго наказаніе по другому дѣлу, находятся на свободѣ. Мѣрой пресѣченія возможнаго уклоненія отъ суда приняты имущественныя и денежныя поручительства а также надзоръ полиціи. Нѣкоторые подсудимые взяты на поруки «союзомъ русскаго народа». Всѣ обвиняемые полицейскіе чины, за исключеніемъ *Морозова*, находятся на дѣйствительной службѣ и въ судъ являются въ формѣ.

*) Черезъ нѣсколько дней его замѣнилъ волостной старшина Зуйской волости *г. Марковъ*.

Свидѣтелей вызвано около тысячи. Изъ нихъ не явилось больше трехсотъ. Большинство неявившихся свидѣтелей находится въ отъѣздѣ; нѣсколько десятковъ находятся въ ссылкѣ или содержатся въ тюрьмахъ по политическимъ дѣламъ. Изъ доклада секретаря о причинахъ неявки свидѣтелей выясняется, что многимъ свидѣтелямъ не вручены повѣстки «за нерозыскомъ». Такими не разысканными, между прочимъ, оказываются многія всѣмъ извѣстныя въ городѣ лица, никуда не отлучавшіяся.

Прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса объ отложеніи или продолженіи дѣла, при неявкѣ болѣе трехсотъ свидѣтелей, предсѣдатель дѣлаетъ опросъ обвиняемыхъ о лѣтахъ, занятіяхъ, имущественномъ цензѣ, грамотности и проч. Большинство подсудимыхъ оказывается въ возрастѣ 25—35 лѣтъ. Есть и недостигшіе еще 20-лѣтняго возраста и старикъ 50 лѣтъ (обвиняемый въ убійствѣ Ил. Черкеса). На вопросъ о занятіяхъ большинство отвѣчаетъ: «чернорабочій». Количество неграмотныхъ—больше 60%. Среди подсудимыхъ—одинъ цыганъ и одинъ полякъ. Общее вниманіе привлекаетъ къ себѣ подсудимый Поршневъ. На вопросъ предсѣдателя о званіи онъ пьянымъ голосомъ, но съ достоинствомъ, отвѣчаетъ: «потомственный почетный гражданинъ». Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выясняется, что онъ кончилъ вятскую гимназію, а занимается теперь «письмоводствомъ», т. е. пишетъ всякаго рода прошенія, ходатайства и проч. Подсудимый Гутенко, который приводится подъ конвоемъ въ арестантскомъ платьѣ, оказывается, отбываетъ восьмимѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ за участіе въ аграрныхъ беспорядкахъ уже послѣ погрома.

Особое вниманіе вызываетъ къ себѣ обвиняемый Спиринъ, бывший во время погрома околоточнымъ надзирателемъ. Одѣтъ онъ элегантно, держится вызывающе-непринужденно, развязно; при этомъ онъ старается убѣдить заговаривающихъ съ нимъ, что цѣль его оправдаться не передъ судомъ, а передъ обществомъ. Выдѣляется также своей «поэтической» наружностью обвиняемый Крыловъ, по профессіи переплетчикъ, и «генеральской» осанкою помощникъ пристава Чупринко. Обвиняемый околоточный надзиратель Ермоленко держится скромно, стараясь укрыться за спинами товарищей отъ взоровъ публики.

Послѣ опроса обвиняемыхъ предсѣдатель объявляетъ перерывъ, который длится 3 часа. Въ 11 час. вечера засѣданіе возобновляется. Предсѣдатель предлагаетъ сторонамъ высказаться, находятъ-ли онѣ нужнымъ, въ виду неявки многихъ свидѣтелей, дѣло слушаніемъ отложить.

Прокуроръ, находя неявку цѣлаго ряда свидѣтелей законной, высказывается за продолженіе слушанія дѣла и оглашеніе

на судъ ихъ показаній; что-же касается остальныхъ неявившихся, то онъ высказывается за наложеніе на нихъ соотвѣтственныхъ взысканій.

Прис. повѣр. *Л. Я. Айзенштейнъ* отъ имени всѣхъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «Обсудивъ вмѣстѣ съ моими товарищами вопросъ о возможности слушать дѣло въ дѣйствиі многихъ неявившихся весьма важныхъ свидѣтелей и подчиняясь мнѣнію большинства моихъ коллегъ даже, можетъ быть, и вопреки моему личному взгляду, я считаю необходимымъ предпослать нашему заключенію нѣсколько словъ. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ прошеній нашихъ суду не трудно было еще до сегодняшняго засѣданія уяснить себѣ, какіе именно вопросы насъ интересуютъ въ настоящемъ дѣлѣ. Получать-ли потерпѣвшія семейства отъ обвиняемыхъ хоть что-нибудь даже въ случаѣ удовлетворенія гражданскихъ исковъ—подлежитъ еще большому сомнѣнію и не въ этомъ одномъ вопросѣ вся суть дѣла. Рядомъ съ этимъ вопросомъ насъ, представителей гражданскихъ истцовъ, не можетъ не интересовать еще и другой, не менѣе важный вопросъ, вопросъ чисто-нравственнаго свойства, вопросъ о поводахъ погрома, о поводахъ къ той обидѣ, которую потерпѣвшіе получили. Статья 138 устава о наказаніяхъ, статья о взаимности обидъ примѣняется не только въ камерахъ городскихъ судей, но также и въ жизни, въ исторической судьбѣ народовъ, въ интерпорціональныхъ отношеніяхъ. Если подсудимые докажутъ намъ, что они правы въ данномъ случаѣ, прекрасно, тогда потерпѣвшіе виноваты. По этимъ то именно, соображеніямъ, а также по соображеніямъ чисто-юридическаго характера, руководствуясь 59, 2 пунктомъ 269 ст. уложения, 644 ст. X т. I части зак. гражданскихъ и рѣшеніями правительствующаго сената 1869 г., № 806, 1873 г. № 46, 1876 г. № 107, 1895 г. № 5, я своевременно вошелъ въ судъ съ двумя ходатайствами, а именно: во-1-хъ, съ ходатайствомъ о совмѣстномъ разборѣ обоихъ дѣлъ (о полицейскихъ чинахъ и частныхъ громалахъ) въ одномъ и томъ-же судебномъ засѣданіи, во-2-хъ, объ истребованіи отъ г. судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ справки о положеніи дѣла о другихъ привлеченныхъ по симферопольскому погрому полицейскихъ чиновъ. Эта справка изъ таврическаго губернскаго правленія получена только вчера, 1 мая, а отъ г. слѣдователя—5 апрѣля сего года. Оба эти ходатайства наши судомъ удовлетворены, откуда не трудно заключить, что и судъ вполнѣ раздѣляетъ нашъ основной взглядъ на настоящее дѣло. Мы желаемъ выяснитъ дѣйствительное соотношеніе силъ въ данномъ случаѣ, выяснитъ вопросъ, представляетъ-ли симферопольскій погромъ дѣйствительный, якобы, взрывъ на-

родного негодованія, или слѣпой и безумный актъ, совершенный темной массой, вовлеченной въ тяжкое преступленіе представителями власти, забывшими на одинъ моментъ свои права и свои обязанности.

Для полнаго выясненія этого-то именно центрального вопроса намъ крайне нужны показанія неявившихся свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторые не явились, хотя и получили повѣстки. Какъ-же теперь поступить? На слушаніе дѣла мы, представители гражданскихъ истцовъ, можемъ согласиться лишь при одномъ условіи, если судъ найдетъ возможнымъ снова послать неявившимся весьма важнымъ 33 свидѣтелямъ (списокъ которыхъ мы представляемъ) вторичныя повѣстки чрезъ г-дъ судебныхъ розыскныхъ. Не можемъ-же мы, въ самомъ дѣлѣ, ограничиться сообщеніями полиціи, что всѣмъ извѣстные жители мѣстные, имѣющіе даже свои дома въ Симферополѣ, якобы не розысканы. Вѣдь, полиція наша не розыскала даже пристава 3-го стана г. Михайлова... Развѣ это не смѣшно.

Г. прокуроръ полагаетъ, тѣмъ не менѣе, что сообщеніямъ полиціи нужно довѣряться въ такой степени, что одного лишь указанія полиціи о выѣздѣ такого то свидѣтеля (какъ, наприм., Безкоровайнаго) въ Закаспійскую область вполне достаточно для признанія этого факта доказаннымъ и лишенія насъ возможности огласить показаніе Безкоровайнаго, которому повѣстка должна якобы считаться неврученной. Съ такимъ мнѣніемъ, еще больше сокращающимъ нашъ судебный матеріалъ, мы согласиться никакъ не можемъ. Г. Безкоровайнаго искали въ Симферополѣ и не нашли, а посему онъ долженъ считаться нерозысканнымъ и показаніе его не можетъ быть оглашено. Указаніе-же полиціи на выѣздъ Безкоровайнаго въ Закаспійскую область равно ничѣмъ не подтверждено, представляя собою одно лишь схваченное на лету предположеніе. Полиція г. Безкоровайнаго нигдѣ внѣ Симферополя не искала даже и не въ 3-мъ станѣ г-на Михайлова... Таково наше заключеніе по вопросу о слушаніи дѣла въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей.

Но помимо этого ходатайства мы заявляемъ еще и другое. Такъ какъ свидѣтели распределены будутъ на отдѣльныя группы, допросъ которыхъ состоится въ разные дни и намъ, можетъ быть, придется устраивать очныя ставки, я представляю при семъ нѣсколько отдѣльныхъ листковъ съ обозначеніемъ на каждомъ тѣхъ свидѣтелей, которыхъ слѣдовало-бы, по указанной причинѣ, допросить въ одинъ и тотъ-же день. Наконецъ, еще два ходатайства. Жена убитаго Ильи Черкеса вчера только вступила гражданской истицей въ дѣло въ суммѣ 30.000 р; я прошу признать ее истицей и допросить ея двухъ свидѣтелей. Что-же

касается эксперта Никонова, находящагося нынѣ въ севастопольской крѣпости, то мы просимъ судъ истребовать въ надлежащемъ порядкѣ представленіе г-на Никонова въ судебное засѣданіе по настоящему дѣлу точно такъ-же, какъ судъ поступилъ въ данномъ случаѣ въ отношеніи къ содержащемуся теперь въ симферопольской тюрьмѣ свидѣтелю, доктору Архангельскому».

Пом. прис. пов. *И. П. Лебединскій* ходатайствуетъ передъ судомъ о признаніи неявки свид. Безкорвайнаго законной и оглашеніи его показанія, имѣющее особо важное значеніе.

Затѣмъ слово предоставляется защитѣ.

Прис. пов. *Доучко*, ссылаясь на желаніе подсудимыхъ, изъ которыхъ многіе, благодаря отказу въ послѣднюю минуту приглашенныхъ ими Булацеля и Шмакова, остались безъ защитниковъ, просить слушаніе дѣла отложить.

Прис. пов. *Мирецъ*, признавая крайне важнымъ неявку болѣе 300 свидѣтелей, также просить объ отложеніи дѣла.

Прис. пов. *Исаковичъ* просить судъ узнать предварительно мнѣніе подсудимыхъ о возможности слушать дѣло, а затѣмъ только онъ сможетъ высказать свои заключенія. Предсѣдатель соглашается опросить лишь обвиняемыхъ, оставшихся безъ защиты. Одинъ за другимъ встаютъ обвиняемые и просятъ отложить дѣло, такъ какъ прис. пов. Булацель, несмотря на посланныя ему деньги, только сегодня прислалъ телеграмму о томъ, что не пріѣдетъ. Отказались также Шмаковъ и бердянскій адвокатъ Димаки.

Г. Исаковичъ находитъ, что дѣло должно быть отложено, такъ какъ ни одинъ изъ подсудимыхъ не высказался за слушаніе, хотя большинство неявившихся свидѣтелей являются свидѣтелями со стороны обвиненія. Особенно предостерегаетъ г. Исаковичъ судъ отъ оглашенія показаній неявившихся свидѣтелей, показаній, данныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ ужасовъ погрома. Совсѣмъ другое впечатлѣніе можетъ получиться отъ выслушанія ихъ теперь, нельзя позволить, чтобы полиція, невручившая повѣстокъ цѣлому ряду свидѣтелей, оказалась, такимъ образомъ, направляющей все дѣло. Слушаніе дѣла невозможно, его нужно отложить.

Въ виду поздняго времени предсѣдатель объявляетъ, что свое заключеніе судъ вынесетъ завтра.

Засѣданіе закрывается въ 12^{1/2} часовъ.

Засѣданіе 3-го мая.

По открытіи засѣданія оглашаются резолюціи суда по поводу всѣхъ возбужденныхъ вчера ходатайствъ сторонъ. Ходатайство о признаніи гражданскими истцами г.г. Черкесъ и Блюмовичъ и о допущеніи въ залъ суда гражданского истца г. Шаргородскаго удовлетворено. Удовлетворено судомъ ходатайство прис. пов. Айзенштейна о вызовѣ 33 свидѣтелей, но съ тѣмъ, чтобы вызваны они были черезъ полицію, такъ какъ судебные разсылные по закону могутъ разносить повѣстки лишь по гражданскимъ дѣламъ. Что же касается вызова, содержащагося въ севастопольской крѣпости эксперта д-ра Никонова, судъ постановилъ обратиться въ надлежащее учрежденіе съ просьбой доставить г. Никонова въ засѣданіе суда 22-го мая. Ходатайство защитника прис. пов. Доценко о вызовѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей судъ удовлетворяетъ только въ части, касающейся г.г. Риніери и Николаева, неразысканныхъ полиціей, такъ какъ суду извѣстно, что первый состоитъ стажовымъ приставомъ въ бердянскомъ уѣздѣ, второй же служитъ офицеромъ въ Крымскомъ драгунскомъ полку. Свидѣтели, неявившіеся по неуважительнымъ причинамъ, опредѣленіемъ суда оштрафованы 5 рублями каждый. Затѣмъ предсѣдатель заявляетъ, что судъ, обсудивъ ходатайства подсудимыхъ и защиты объ отложеніи дѣла, въ виду неприѣзда нѣкоторыхъ предполагавшихся защитниковъ (Булацеля, Шмакова) и неявки нѣкоторыхъ свидѣтелей, не находитъ нужнымъ дѣло отложить, такъ какъ законнаго заявленія защитниковъ о невозможности для нихъ явиться въ судъ не поступало; не поступало также просьбы подсудимыхъ о назначеніи имъ казеннаго защитника.

Судъ опредѣляетъ дѣло слушаніемъ продолжать.

Прис. пов. *Айзенштейнъ* проситъ о вызовѣ всѣхъ врачей-экспертовъ одновременно, такъ какъ опредѣленіе орудій, которыми наносились раны, представляется чрезвычайно важнымъ и

требуетъ серьезнаго и внимательнаго отношенія. Ходатайство судомъ удовлетворено.

Защитникъ полицейскихъ чиновъ прис. пов. *Исаковичъ* проситъ занести въ протоколъ его указанія суду на то, что слушаніе дѣла въ отсутствіи цѣлаго ряда свидѣтелей невозможно и что таково единогласное мнѣніе подсудимыхъ.

Предсѣдатель въ заключеніе предлагаетъ защитникамъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ взять на себя защиту и остальныхъ. Всѣ отказываются.

Затѣмъ прочитываются обвинительные акты. По прочтеніи ихъ, предсѣдатель опрашиваетъ всѣхъ подсудимыхъ, признаютъ ли они себя виновными. Почти всѣ отвѣчаютъ отрицательно. Только Крыловъ демонстративно заявляетъ:

— «Да, виновенъ, но только въ томъ, что защищалъ и защищаю вѣру, Царя и отечество».

Затѣмъ приводится къ присягѣ первая группа свидѣтелей, послѣ чего начинается допросъ перваго свидѣтеля *Хаима Бирфельда*. Медленно, но постепенно онъ развѣртываетъ передъ судомъ картины послѣдовательныхъ событій 18-го октября. Съ утра онъ находился въ магазинѣ Семерджіева, куда подошла толпа и стала *просить* закрыть магазинъ. На вопросъ предсѣдателя, чѣмъ толпа мотивировала свою просьбу, свидѣтель объясняетъ, что тогда всѣ радовались манифесту и считали этотъ день праздничнымъ. Насилій надъ кѣмъ бы то ни было со стороны демонстрантовъ съ красными флагами онъ не замѣтилъ. Наоборотъ: всѣ были въ самомъ радостномъ и мирномъ настроеніи. Относительно момента встрѣчи патріотической манифестаціи съ демонстрантами онъ показываетъ, что не послѣдніе бросились на первыхъ, а наоборотъ, кто то изъ толпы съ національными флагами сталъ кричать, указывая на демонстрантовъ съ красными флагами:—«Намъ не нужно образованія» и т. п. возгласы. Кромѣ того, свидѣтель на вопросъ тов. прокурора о томъ, кто и что говорилъ на митингѣ, происходившемъ на бульварѣ, заявляетъ, что говорили, какъ еврейскіе, такъ и русскіе ораторы. Что же касается содержанія рѣчей, то свидѣтель удостоверяетъ, что онѣ встрѣчали одобреніе всего митинга, на которомъ присутствовало много интеллигентныхъ лицъ, чиновниковъ, офицеровъ и проч. Когда послѣ перваго выстрѣла толпа стала разбѣгаться съ бульвара, свидѣтель также бросился внизъ къ берегу Салгира, но тамъ онъ наткнулся на стоявшаго у воротъ околоточнаго надзирателя Ермоленко, размахившаго обнаженной шашкой, который никому не давалъ выбѣгать на улицу.

— «При мнѣ, заявляетъ далѣе свидѣтель, Ермоленко уда-

рилъ обнаженной шашкой трехъ спасавшихся съ бульвара дѣвицъ. И все это происходило на глазахъ стоявшаго въ 5 шагахъ подъ командой офицера воинскаго наряда». Кромѣ того, свидѣтель удостовѣряетъ, что видѣлъ среди толпы нападавшихъ периодѣтыхъ городовыхъ. На вопросъ предсѣдателя—не ошибся ли онъ, свидѣтель увѣренно повторяетъ:

— «Я ихъ хорошо зналъ».

Изъ перекрестнаго допроса свидѣтеля далѣе выясняется, что до октябрьскихъ дней отношенія между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ были самыя мирныя, даже дружескія.

Прокуроръ. Не замѣчали ли вы измѣненія этихъ отношеній въ послѣднее время?

Свидѣтель. Нѣтъ, наоборотъ, люди всѣхъ званій говорили о солидарности и о необходимыхъ облегченіяхъ.

— Не знаете ли, что дѣлала толпа у тюрьмы?

— Требовала освобожденія политическихъ.

— Были ли въ толпѣ русскіе?

— Да, большинство.

— Что-же, они обѣщали освободить политическихъ?

— Да, съ разрѣшенія губернатора.

— Кто произносилъ рѣчи, русскіе?

— И русскіе и евреи.

Прис. пов. *Айзенштейнъ.* Требовала-ли толпа освобожденія всѣхъ политическихъ или только административныхъ?

Свидѣтель. Только административныхъ.

— Что дѣлали у тюрьмы эскадронцы?

— Разгоняли толпу, такъ какъ уголовные разбили ворота.

-- Когда вы выбѣжали изъ сада, далеко ли отъ околоточнаго надзирателя Ермоленко были войска?

— Саженьяхъ въ двухъ.

— Стрѣляли ли участники митинга на бульварѣ?

— Да, но въ воздухъ.

Пом. прис. пов. *Шикъ.* Бывали ли раньше въ Симферополѣ забастовки и участвовали ли въ нихъ и русскіе?

Свид. Да, участвовали и русскіе.

-- Между рабочими русскими и евреями бывали ли раньше столкновенія?

— Нѣтъ.

Гражд. истецъ *Шаргородскій.* Были ли въ толпѣ у тюрьмы офицеры, чиновники и т. д.

Свид. Были и, пвидимому, радовались появленію манифеста.

Прис. пов. *Доценко.* Вотъ вы сказали, что на бульварѣ участники митинга стрѣляли въ воздухъ. Почему вы думаете,

что стрѣляли, именно, въ воздухъ? Быть можетъ, стрѣляли въ сторону кассы?

Свид. Нѣтъ, и раньше была рѣчь о томъ, что никто не готовъ къ отпору на случай необходимости.

Подсудимый *Бодановъ*. Скажите, свидѣтель, почему, видя Ермоленко съ шашкой въ рукахъ, вы все-таки пошли въ ворота, а не полѣзли черезъ заборъ?

— *Свид.* Заборъ утыканъ гвоздями.

— Пройдя двѣ центральныя улицы, видѣли ли вы полицію на постахъ?

— Нѣтъ не видѣлъ, полиціи не было.

Вторымъ свидѣтелемъ допрашивается полковникъ *Кравченко*, служившій во время погрома вмѣстѣ съ Загоскинымъ въ жандармскомъ управленіи. Полковникъ Кравченко въ день погрома имѣлъ въ своемъ распоряженіи полуроту и былъ свидѣтелемъ избіеній и убійствъ.

— Когда на вашихъ глазахъ убивали людей, спрашиваетъ свидѣтеля прис. пов. *Айзенштейнъ*, вы окружили эту толпу? Вѣдь въ вашемъ распоряженіи была полурота?

— Нѣтъ, не окружалъ, я только сказалъ нѣкоторымъ: бросьте ребята, довольно.

— А подчинились ли громилы?

— Безпрекословно!

— А сколько, по вашему мнѣнію, надо было бы войска, чтобы остановить погромъ?

— Очень мало.

— А задерживала ли на вашихъ глазахъ полиція кого нибудь?

— Я не видалъ.

На вопросъ объ отношеніяхъ между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ до погрома свидѣтель заявляетъ, что прежде они были довольно дружескія. Нарушились же они, по мнѣнію свидѣтеля, со времени взрыва бомбы у Грановскаго. Затѣмъ свидѣтель рассказываетъ о томъ, что происходило у синагоги Эпштейна.

— Когда на бульварѣ началась стрѣльба, я стоялъ недалеко отъ входа. Изъ сада выбѣжалъ человекъ и упалъ, за нимъ другой и третій. Позднѣе я видѣлъ, что часть евреевъ, выбѣжавъ изъ сада, засѣла въ синагогѣ Эпштейна и стрѣляла оттуда. Тогда губернаторъ приказалъ мнѣ взять полуроту Литовскаго полка и взять ихъ. Когда мы подошли, изъ синагоги выбѣжали 4—5 евреевъ и стрѣляли, одинъ крестьянинъ свалился, а евреевъ тутъ же убили. Всего изъ синагоги вышло человекъ 17 и направились къ участку.

Прокуроръ. Для чего были войска въ участкѣ?

Свид. Они назначались туда со взрыва бомбы въ квартирѣ Грановскаго.

— Что вы видѣли на Салгирной ул.?

— На Салгирной съ балкона Виторгона я саишалъ выстрѣлъ, а затѣмъ стали бить магазины. Впрочемъ, я не увѣренъ, что стрѣляли съ балкона. Самъ не видѣлъ, лишь рассказывали.

Прис. пов. *Дйзенштейнъ.* Когда узналъ губернаторъ о манифестѣ?

Свид. Ночью.

— А жандармскій полковникъ?

— Часовъ въ 8 или 8^{1/2} ч. утра.

— А не получилъ ли жанд. полковникъ наканунѣ ночью бслшой телеграммы?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ объяснить, что губернаторъ безпокоилъ жандармовъ, имѣлъ ли губернаторъ на это право?

— Нѣтъ онъ просилъ полковника.

— Явившись въ участокъ, застали ли тамъ губернатора Волкова и происходили ли убійства передъ его глазами?

— Да.

— Когда евреи, выбѣжавшіе изъ синагоги, по вашимъ словамъ, стрѣляли и были убиты, то нашли ли вы послѣ этого револьверы?

— Нѣтъ, ни одного.

— Почему же велѣно было вывести евреевъ изъ синагоги, гдѣ они спрятались?

— Нельзя же было имъ позволить сидѣть тамъ 10 дней.

— Было-ли произведено толпой нападеніе на синагогу?

— Не знаю, можетъ быть.

— Когда въ апрѣлѣ чуть не возникли антиеврейскіе безпорядки, больше ли было въ Симферополѣ войскъ, чѣмъ въ октябрѣ?

— Одинаково.

— Можегъ-ли въ Симферополѣ толпа въ 5000 человекъ состоять изъ евреевъ?

— Нѣтъ, были и русскіе.

— Вотъ, вы жандармскій офицеръ, встрѣчали ли вы среди революціонеровъ только евреевъ?

— Нѣтъ, были и русскіе.

— Не обратили ли вы вниманія, что между русскими и евреями революціонерами существуетъ дружба.

— Да, конечно.

Пом. прис. пов. *Шикъ*. Достаточно ли было войска для прекращения безпорядковъ?

— Вполнѣ.

— Почему вы не спасли еврея, выбѣжавшаго изъ синагоги?

— Онъ стрѣлялъ.

— Пом. прис. пов. *Лейбзонъ*. Для чего нужно было выгнать евреевъ изъ синагоги?

Свид. Ихъ могли тамъ убить.

— Что дѣлалъ полиціймейстеръ во время погрома?

— Пристава приходили къ нему съ докладами, а онъ распоряжался.

Прис. пов. *Доценко*. Были ли слухи, что бомбы готовятся для населенія?

Свид. Думаю, что полагали, для полиціи.

— Были ли раньше митинги?

— Да. Были и раньше.

Прис. пов. *Мирецъ*. Что вы дѣлали въ 1-мъ участкѣ?

Свид. Заходилъ узнавать новости, а въ этотъ день было интересно и я остался.

— Почему евреи вбѣжали въ синагогу?

— Вѣроятно, подъ вліяніемъ страха.

Пом. прис. пов. *Заболотный*. Почему вы не задержали убійць?

Свид. Невозможно было.

— Почему не было погони за убійцами?

— По оплошности.

— Не задерживали убійць только вы?

— Нѣтъ, эта оплошность относится ко всѣмъ.

Затѣмъ допрашивается свид. *В. Кравченко*, гимназистъ, сынъ предыдущаго свидѣтеля. Онъ показываетъ, что къ нимъ въ гимназію пришла толпа демонстрантовъ и «сняла» гимназистовъ. На Пушкинской ул. свид. встрѣтилъ патріотическую манифестацію возлѣ строившагося дома д-ра Гидалевица. Участники манифестаціи запасались тутъ кольями и разными обломками, несмотря на то, что полиція, по словамъ свидѣтеля, совѣтовала бросить.

Прокуроръ. Говорили ли въ толпѣ: «берите палки и пойдемъ бить жидовъ?»

Свид. Да, говорили.

— Говорили ли, что «Царь далъ евреямъ свободу, а мы не хотимъ?»

— Да, вспоминаю, говорили.

— Почему же манифестанты были недовольны?

— Они говорили, что русскимъ свобода не нужна.

— Замѣчали-ли у васъ въ гимназіи обостренныя отноше-
нія между русскими и евреями?

— Нѣтъ, не замѣчалъ.

Прис. пов. *Айзенштейнъ*. Брала ли толпа манифестан-
товъ палки еще на базарѣ?

Свид. Да, брали, что попадалось подъ руки.

Пом. прис. пов. *Шикъ*. Подходилъ-ли полк. Загоскинъ къ
манифестантамъ?

Свид. Когда проходили манифестанты съ музыкой, играв-
шей гимнъ, онъ взялъ подъ козырекъ.

Пом. прис. пов. *Заболотный*. Какъ вы думаете, для чего
брали манифестанты кольца?

Свид. Конечно, чтобы бить когонибудь. Я думалъ, что
полиція знаетъ обо всемъ.

Прис. пов. *Доценко*. Говорили-ли въ толпѣ, что евреи хо-
тятъ напасть на манифестацію?

Свид. Нѣтъ, никто не говорилъ.

Послѣ Кравченко допрашивается свидѣтель *Муратовъ*. Пос-
лѣдній во время погрома, какъ выясняется, служилъ вольно-
опредѣляющимся въ Крымскомъ дивизионѣ. Въ самый день убійствъ
онъ былъ въ нарядѣ, недалеко отъ бульвара. На вопросъ граж-
данскаго истца, былъ ли отданъ наряду приказъ прекратить
погромъ, свидѣтель отвѣчаетъ:

— Если бы насъ послали вначалѣ, то беспорядки можно
было бы прекратить мгновенно.

— Отбирали ли полиція или войско, дубины у громилъ?
Задастъ ему вопросъ прис. пов. *Айзенштейнъ*.

— Отбирали только уже послѣ погрома. Кромѣ того, сви-
дѣтель удостовѣряетъ, что, вообще, отбирать дубины у громилъ
было крайне легко. Показываетъ также свидѣтель, что во дворѣ
участка городовые били раненыхъ.

Слѣдующимъ по очереди допрашивается свидѣтель *М. За-
рыцкий*.

— На моихъ глазахъ, заявляетъ свидѣтель, убивали лю-
дей кольями. Били, главнымъ образомъ, *однообразными* дубинами.
Это я хорошо замѣтилъ. При этомъ ни полиція, ни солдаты,
находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ убійствъ, не препят-
ствовали насиліямъ. На меня также напали два какихъ-то мо-
лодца съ явнымъ намѣреніемъ покончить со мной. Я обратился
къ нимъ съ вопросомъ: «за что?», на это получилъ отвѣтъ,
что «надо бить всѣхъ демократовъ и жидовъ». Я не растерялся
и съ наружнымъ спокойствіемъ спросилъ, а почему «надо де-
мократовъ и жидовъ бить?»—«Они хотятъ землю раздѣлить»,
послѣдовалъ отвѣтъ. Далѣе свидѣтель заявляетъ, что видѣлъ,

какъ убивали евреевъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ губернаторскаго дома въ то время, когда губернаторъ (Волковъ) стоялъ у крыльца и разговаривалъ съ манифестантами. Убивали и на глазахъ полиціимейстера Кузьменко, стоявшаго возлѣ контрольной палаты. Первый выстрѣлъ на бульварѣ, по категорическому удостовѣренію свидѣтеля, раздался недалеко отъ буфета, но безусловно не по направленію изъ сада на Лазаревскую, а наоборотъ. Кромѣ того, свидѣтель удостовѣряетъ, что видѣлъ во время начавшихся избіеній у калитки бульвара (гдѣ касса) помощника пристава, размахивавшаго руками, какъ будто дирижировавшаго. Свидѣтель удостовѣряетъ также, что видѣлъ, какъ тотъ же помощникъ пристава ударилъ одного бѣжавшаго и спасавшагося отъ громилъ челоуѣка револьверомъ, послѣ чего подоспѣвшіе громилы добились его дубинами.

— А запомнили ли вы лицо этого помощника пристава?

— Очень хорошо.

— Посмотрите на скамью подсудимыхъ. Зарѣцкій смотритъ и сейчасъ же заявляетъ:

— На скамьѣ подсудимыхъ его нѣтъ, но я видѣлъ его сегодня, свободно разгуливающимъ въ корридорѣ суда.

Заявленіе свидѣтеля производитъ сенсацію.

Встаетъ прис. пов. *Айзенштейнъ* и заявляетъ передъ судомъ ходатайство о вторичномъ допросѣ свидѣтеля Зарѣцкаго вмѣстѣ съ выступающимъ по этому же дѣлу свидѣтелемъ помощникомъ пристава Багелемъ. Судъ удовлетворяетъ ходатайство.

Свидѣтель *Классенъ* уличаетъ подсудимаго Москаленко въ избиваніи дубиной на Лазаревской улицѣ.

Свидѣтель *Хоружій* во время погрома находился въ ротѣ Литовскаго полка, командированной къ синагогѣ. На его глазахъ, околоточный надзиратель Ермоленко гнался за однимъ евреемъ и ударилъ его шашкою, такъ что кровь брызнула.

— Было ли въ рукахъ этого еврея какое-нибудь оружіе?

— Нѣтъ, ничего не было.

— А гдѣ это происходило?

— На Салгирной, противъ участка.

Свид. *Подручный*, бывший ефрейторъ, также находился въ ротѣ Литовскаго полка. Онъ подтверждаетъ слова предыдущаго свидѣтеля о томъ, что Ермоленко ударилъ одного еврея шашкою.

Свид. *Адольфъ Гуджеи* также подтверждаетъ, что Ермоленко ударилъ обнаженной шашкой еврея, именно—Спиро. При томъ удостовѣряетъ, что Ермоленко *попался* за Спиро.

Свид-ца *Левитская* показываетъ, что видѣла, какъ двое въ военной формѣ избивали спрятавшагося въ д. Пласкова еврея. Видѣла она также, что какой-то городской топталъ одного ев-

рея ногами. Свидѣтельница удостовѣряетъ, что въ рукахъ манифестантовъ были дубины еще до перваго выстрѣла на бульварѣ.

Свид. *Прейсъ-Айзень* удостовѣряетъ, что одинъ полицейскій чиновникъ кричалъ, обращаясь къ толпѣ: «надо бить жидовъ». Свидѣтель уличаетъ подсудимаго Илюшечкина въ томъ, что тотъ требовалъ отъ него креста въ доказательство того, что онъ не жидъ. Свидѣтель удостовѣряетъ, что помощникъ пристава Чупринко возлѣ тюрьмы кричалъ, обращаясь къ толпѣ: «бить жидовъ».

Послѣ допроса Прейсъ-Айзена засѣданіе закрывается до 9 час. слѣдующаго дня.

Засѣданіе 4-го мая.

Первымъ изъ свидѣтелей допрашивается *Квятковскій*, чиновникъ казенной палаты. По его словамъ, демонстранты съ красными флагами, встрѣтившись съ патріотической манифестаціей, набросились на нее и пытались вырвать національные флаги. По словамъ свидѣтеля, г-жа Сахарова, впослѣдствіи убитая, стрѣляла изъ револьвера. Слыхалъ онъ также, что губернаторъ *просилъ* толпу манифестантовъ не безобразничать. Вообще, свидѣтель приписываетъ вину во всѣхъ беспорядкахъ евреямъ. Путемъ цѣлаго ряда вопросовъ г-ну Айзенштейну удастся, однако, добиться у него признанія, что нѣкоторые участники патріотической манифестаціи вырывали колья, дубины и набрасывались на выбѣгавшихъ изъ бульвара. Но характернѣе всего категорическое утвержденіе свидѣтеля о томъ, что портретъ Государя былъ не прострѣленъ, а проткнутъ палкой, которой его подпирали. Такое заявленіе въ устахъ *этого* свидѣтеля приобрѣтаетъ особый интересъ.

Затѣмъ допрашивается свидѣтель *Толубьевъ*, помощникъ ревизора контрольный палаты. Онъ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ кто-то изъ демонстрантовъ при встрѣчѣ съ патріотической манифестаціей поднялъ палку по направленію къ портрету, но удара по портрету не послѣдовало. На вопросъ предст. гражд. истцовъ *удостовѣряетъ* ли онъ, что палка была направлена на портретъ, онъ, однако, признается, что она была поднята среди толпы, и онъ, будучи внѣ толпы, конечно, не можетъ увѣрять, что *безусловно* была направлена на портретъ. Что же касается насилій, то свидѣтелю пришлось наблюдать слѣдующія сцены.

— «Я видѣлъ, заявляетъ онъ, какъ какой-то еврей съ револьверомъ въ рукахъ выбѣжалъ изъ синагоги. За нимъ бросились три человѣка съ дубинами и эскадронецъ. Когда послѣдніе настигли его и стали избивать, вблизи находились полиціймейстеръ и полковникъ Загоскинъ». Далѣе свидѣтель заявляетъ, что видѣлъ на бульварѣ, какъ какой-то еврей бѣжалъ по направленію къ городовому Кузьменко. Послѣдній, по мнѣнію свидѣтеля, съ цѣлюю защититься, ударилъ его шашкой. Рядомъ вопросовъ предст. гражд. истцовъ, однако, удается добиться у него признанія, что еврей бѣжалъ *не прямо* по направленію къ Кузьменко, а нѣсколько *вправо*; на вопросъ предст. гражд. истцовъ, находились ли войска во время происходившихъ на бульварѣ избіеній, свидѣтель отвѣчаетъ утвердительно.

Еще во время допроса этого свидѣтеля, въ залъ засѣданія въ сопровожденіи Черняховскаго («союзника» и содержателя квартиры—штаба «союза»), входитъ какой-то господинъ во фракъ и усаживается у корреспондентскаго стола. Въ залѣ легкое движеніе.

— «Булацель. Булацель пріѣхалъ», слышится шопотъ.

По окончаніи допроса свидѣтеля, господинъ этотъ встаетъ и съ особенной чеканкой словъ заявляетъ, что онъ «петербургскій присяжный повѣренный Павелъ Федоровичъ Булацель». Въ залѣ движеніе, всѣ впиваются глазами во всероссійскую знаменитость—«Павла Федоровича Булацеля». Онъ, оказывается, принимаетъ на себя защиту всѣхъ подсудимыхъ. Защитники по назначенію одинъ за другимъ спѣшатъ просить судъ о сложеніи съ нихъ обязанностей защиты. *Булацель* заявляетъ, что ему придется, можетъ быть, уѣхать на нѣкоторое время, а потому находитъ, присутствіе защитниковъ по назначенію, по крайней мѣрѣ на время его отсутствія, необходимымъ. Пом. прис. пов. *Мирецъ* категорически отказывается защищать обвиняемыхъ вмѣстѣ съ Булацелемъ, такъ какъ точки зрѣнія защиты у нихъ будутъ, вѣроятно, разныя. *Булацель* съ паѳосомъ заявляетъ, что разныхъ точекъ зрѣнія въ защитѣ обвиняемыхъ быть не можетъ. Защитниками обвиняемыхъ можетъ руководить только одна точка зрѣнія—справедливость. Предсѣдатель разъясняетъ, что по закону защитники по назначенію освобождаются отъ своихъ обязанностей, разъ обвиняемые вошли въ соглашеніе съ частнымъ защитникомъ. Резолюціей суда защита по назначенію освобождается отъ своихъ обязанностей.

Послѣ этого допрашивается свидѣтель *Луценко* чиновникъ казен. палаты. 18-го октября онъ былъ на бульварѣ, когда происходилъ митингъ. Когда патріотическая манифестація приближалась къ бульвару, часть публики, находившаяся на митингѣ,

направилась къ выходу. Какой-то мальчишка, по его словамъ, сталъ кричать: «Не уходите, развѣ не видѣли, какъ несутъ хулигана?... Черезъ нѣсколько минутъ, по словамъ свидѣтеля, раздался выстрѣлъ по направленію тѣхъ, которые стали удаляться.

Свидѣтель, до сихъ поръ излагавшій свои показанія довольно стройно, какъ бы по заученному, вдругъ приходитъ въ какое-то замѣшательство, дергаетъ фуражку и вообще какъ то нервно дрожить: очевидно, потерялъ нить своего заученнаго показанія.

Успокоившись, свидѣтель продолжаетъ:

— Когда раздалась первая выстрѣлы, я сталъ выходить изъ бульвара, но калитки оказались запертыми. Меня не выпускали солдаты. Тогда стоявшій тутъ же городской Дремовъ велѣлъ солдатамъ выпустить меня, такъ какъ я русскій, при томъ въ форменной фуражкѣ.

Булацель проситъ занести въ протоколъ показаніе свидѣтеля о возгласѣ: «несутъ хулигана».

Айзенштейнъ въ свою очередь проситъ занести въ протоколъ сдѣланное, между прочимъ, заявленіе свидѣтеля о томъ, что на бульварѣ, на митингѣ была и чистая, интеллигентная русская публика, и что фразу «хулигана несутъ» произнесъ не ораторъ, а какой-то подростокъ.

Свид. *Шевченко* удостовѣряетъ, что первый выстрѣлъ раздался по направленію къ *Салтиру*, при томъ вверхъ.

Свид. *Голдобинъ* уличаетъ подсудимаго Крылова въ томъ, что онъ держалъ одного молодого человѣка и собирался нанести ему побои, крича: «Мнѣ указали его убить!».

Булацель выражаетъ сомнѣніе, слышалъ ли свид., дѣйствительно, слово: «убить» а не «бить». Тотъ снова подтверждаетъ, что «убить».

Въ виду сдѣланныхъ нѣкоторыми свидѣтелями указаній на то, что убійства происходили у самага дома губернатора, и что властями вообще не принимались никакія мѣры къ прекращенію убійствъ, *Булацель*, принимая во вниманіе, что въ данномъ процессѣ представителей гражданскихъ истцовъ должны интересовать только факты, имѣющіе отношеніе къ интересамъ пострадавшихъ истцовъ, протестуетъ противъ занесенія въ протоколъ представителемъ гражданскихъ истцовъ тѣхъ частей свидѣтельскихъ показаній, которыя *непосредственной* связи съ интересами истцовъ не имѣютъ.

Г. *Айзенштейнъ* съ своей стороны, ссылаясь на 631 и 742 статьи уст. уг. судопр., доказываетъ, что предст. гражд. истцовъ могутъ и должны выяснить *всѣ* обстоятельства, способствующія выясненію истины.

Свид. *Войшицкий* (податной инспекторъ) удостовѣряетъ, что первый выстрѣлъ раздался *ночь* того, какъ патріотическая манифестація проходила мимо бульвара.

— Я видѣлъ,—заявляетъ свидѣтель, какъ какой-то субъектъ произвелъ выстрѣлъ не по направленію къ манифестантамъ, а къ кучкѣ людей, стоявшихъ на бульварѣ у театра. При чемъ выстрѣлъ былъ произведенъ по направленію къ Салгиру.

Всеобщее вниманіе вызываетъ къ себѣ свид. *Багель* (помощникъ пристава). Во время погрома онъ также былъ помощникомъ пристава, и въ день погрома почти все время находился на улицѣ. Онъ рассказываетъ довольно обстоятельно о всѣхъ событіяхъ, при томъ съ явнымъ раздраженіемъ противъ евреевъ, по его словамъ—чутьли не главныхъ виновниковъ погрома.

— «18 октября, говоритъ свид., я увидѣлъ толпу демонстрантовъ съ красными флагами и революціонными надписями. Толпа бросала въ учебныя заведенія «химички» съ цѣлью «снять» своихъ товарищей. Черезъ нѣкоторое время къ участку подошли чело­вѣкъ 150—200 и просили дать имъ царскій портретъ. «Мы тоже хотимъ праздновать свободу», говорили они. Имъ дали. Толпа съ портретомъ направилась къ губернатору. Я съ приставомъ Солодиловымъ и городовымъ Дремовымъ пошли за манифестаціей. Когда манифестація приблизилась къ дому губернатора, толпа просила его выйти, онъ вышелъ и поздравилъ всѣхъ съ торжественнымъ днемъ. Послѣ этого я пошелъ въ участокъ. Во время первыхъ выстрѣловъ я сталъ возлѣ контрольной палаты. Когда раздались выстрѣлы, прискакали эскадронцы. На мостовой было мокро и скользко, у нѣкоторыхъ лошади упали. Думали что ихъ ранили. Въ это время изъ синагоги раздался выстрѣлъ и эскадронцы поскакали туда. Кромѣ того свидѣтель удостовѣряетъ, что многіе демонстранты были задержаны съ револьверами, но ихъ скоро отпустили, отдавъ имъ обратно револьверы. Свид. также утверждаетъ, что первой стала стрѣлять боевая дружина или еврейская самооборона, при чемъ трое русскихъ было убито, а 30 ранено.

Булацель (прерывая свидѣтеля).

--- Вы утверждаете, что первыми стрѣляли демонстранты?

Свид. Положительно, да.

— И что изъ монархистовъ, шедшихъ съ портретомъ Государя Императора, было 3 убитыхъ и 30 раненыхъ.

— Да. Кромѣ того я утверждаю, что были арестованы около 3 демонстрантовъ съ револьверами и патронами, но ихъ сейчасъ же выпустили по распоряженію тов. прокурора Пенскаго. У двухъ задержанныхъ братьевъ Лейбманъ нашли по 200—300 патроновъ.

Прокуроръ, Скажите, свидѣтъ, *вы сами* видѣли, какъ демонстранты бросали «вонючки» въ учебныя заведенія?

— *Свид.* Нѣтъ, самъ не видѣлъ, но... мнѣ говорили.

— Въ, между прочимъ, сказали, что демонстранты разбили ворота въ духовномъ училищѣ. А *вы* это *сами* видѣли?

— Нѣтъ самъ не видѣлъ, но.. мнѣ говорили.

— Вы сказали, что первые залпы на бульварѣ раздались со стороны демонстрантовъ. Вы это категорически удостоверяете?

— Да.

— А вы сами гдѣ въ это время были? На бульварѣ?

— Нѣтъ, я стоялъ.. возлѣ контрольной палаты *).

— Вы сказали, что арестованные съ револьверами въ рукахъ демонстранты были вскорѣ освобождены тов. прок. Пенскимъ. А не знаете ли вы кто ихъ арестовалъ?

— Частныя лица.

— А вы видѣли, какъ арестованные демонстранты стрѣляли?

— Нѣтъ, не видѣлъ, но... мнѣ говорили.

— А какъ, кто и почему ихъ освобождалъ *вы сами* видѣли?

— Нѣтъ, не видѣлъ, но... передавали

— Такъ что сами вы *ничего* не видѣли и обо всемъ говорите со словъ другихъ.

— Да, я самъ не видѣлъ.

— Вотъ, вы какъ то сказали, что забастовки и митинги устраивали исключительно евреи. А русскіе не участвовали въ забастовкахъ?

— Да, были и русскіе, но такіе, какъ Неручевъ, Воскресенскій, Меркуловъ**) и имъ подобные.

— А какія отношенія были между христіанами и евреями до погрома?

— Вообще, всѣ негодовали противъ евреевъ, какъ зачинщиковъ всякихъ забастовокъ и митинговъ. Но особенно озлобились христіане противъ евреевъ послѣ обнаруженія въ клозетѣ дома Бухштаба брошенныхъ туда его сыномъ двухъ иконъ.

Айзенштейнъ. — Скажите, свидѣтель, а долго разгоняли толпу, собравшуюся къ дому Бухштаба послѣ этого случая?

— До 12 час. ночи.

— Скажите, кому вы сдѣлали докладъ о разгромѣ 18 окт. кавки Виторгона? Не Загоскину ли, или полиціймейстеру?

*) **Примѣчаніе.** Контрольная палата и мѣсто на бульварѣ, гдѣ происходилъ митингъ демонстрантовъ, находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга и при томъ раздѣляются домомъ Пласкова, такъ что видѣть оттуда, что происходитъ въ части бульвара, гдѣ былъ митингъ, нельзя.

**) Мѣстные общественные дѣятели, административно высланные въ сѣверныя губерніи.

— Не помню.

— Когда началась стрѣльба вы были не на бульварѣ, а между тѣмъ утверждаете, что именно евреи стрѣляли съ бульвара?

— Я самъ не видѣлъ, но мнѣ передавали.

Г. *Айзенштейнъ*, просить судъ огласить имѣющуюся при дѣлѣ справку о томъ—привлечены ли по дѣлу о погромѣ и другіе полицейскіе чины, кромѣ тѣхъ, которые сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Оглашеніе этой справки очень важно, такъ какъ тамъ указывается, что о выступающемъ въ качествѣ свид. Багель ведется дознаніе о причастности его къ погрому. Судъ объщаетъ это ходатайство обсудить.--Свидѣт. Багель снова подвергается перекрестному допросу.

Лейбзонъ.--Скажите, свидѣтель, вы какъ-то упомянули, что на митингѣ у театра ораторъ, нѣкій Агафонъ, произносилъ революціонныя рѣчи. Но вѣдь вы сами не были. Какъ же вы можете знать, какія рѣчи онъ произносилъ?

— Мнѣ... передавали.

— А откуда вы знаете о еврейской самооборонѣ?

— По свѣдѣніямъ нашихъ «агентовъ».

Заболотный. — Чѣмъ вы объясняете, свид., что никого изъ убійцъ не задержали.

— Нельзя было; мы боялись. Собственно можно было бы, но это стоило бы многихъ жертвъ?

— А когда впослѣдствіи былъ отданъ приказъ прекратить насиліе во что бы то ни стало, было много жертвъ?

— Нѣтъ, но во время погрома полиція ничего не могла дѣлать. Мы всѣ, т. е. полицейскіе чины, извиняюсь передъ судомъ, были въ какомъ-то прямо таки дурацкомъ положеніи.

— Такъ что полиція по вашимъ словамъ совершенно бездѣйствовала во время погрома?

— Да, совершенно.

Шикъ. — Скажите, свидѣтель, вы вотъ говорили, что во время погрома вы разбѣжали вмѣстѣ съ жандармскимъ ротмистромъ Кравченко. А что дѣлали громилы, когда увидѣли васъ?

— Разбѣгались.

— Вы имѣли какія нибудь инструкціи отъ своего начальства?

— Никакихъ.

— А вы знаете, что для полицейскихъ чиновъ существуетъ уставъ о пресѣченіи и предупр...

Предсѣдатель останавливаетъ Шика и, запрещаетъ ему касаться этого вопроса. Шикъ отказывается отъ дальнѣйшаго допроса свидѣтеля.

Булацель. -- Скажите, свидѣтель, не знаете вы, былъ ли

привлеченъ кто нибудь по поводу обнаруженія христіанскихъ иконъ въ клозетѣ?

— Да были, но... 34 русскихъ человѣка, выражавшихъ свое негодованіе по этому поводу.

— Такъ вы утверждаете, что никто изъ бросившихъ эти иконы привлеченъ не былъ, а наоборотъ были привлечены 34 русскихъ человѣка, виновныхъ только въ томъ, что они выражали свое искреннее негодованіе? И неужели все это правда? Послѣднія слова Булацель произноситъ съ паѳосомъ и повышеннымъ голосомъ.

Послѣ допроса свидѣтеля Айзенштейнъ проситъ объ очной ставкѣ Багеля съ свид. Зарѣцкимъ. Послѣдній при первомъ взглядѣ на Багеля сразу узнаетъ въ немъ того помощника пристава, который у калитки бульвара ударилъ одного выбѣгавшаго оттуда еврея.

Объявляется перерывъ.

Послѣ перерыва оглашается резолюція суда о возбужденныхъ сторонами ходатайствахъ. Между прочимъ, удовлетворено ходатайство предст. гражд. истцовъ объ оглашеніи справки губернскаго правленія, заключающей въ себѣ свѣдѣнія и о тѣхъ полицейскихъ чинахъ, о которыхъ производится слѣдствіе по поводу ихъ участія въ октябрьскомъ погромѣ. Изъ справки этой видно, что слѣдствіе ведется и о бывшемъ полиціймейстерѣ Кузьменко и помощникѣ пристава Багелѣ, выступающемъ по настоящему дѣлу въ качествѣ *свидѣтеля*.

Затѣмъ допрашивается свидѣтель *Циркинъ*.

— Во время избіеній, между прочимъ, говоритъ свидѣтъ, я бросился въ какой то дворъ, гдѣ находились солдаты. Я надѣялся, что среди солдатъ жизнь моя будетъ менѣе всего въ опасности. Мнѣ пришлось, однако, скоро, при томъ весьма чувствительно, въ этомъ разочароваться. Нѣсколько солдатъ набросились на меня и стали кричать «бей жида». Одинъ изъ нихъ сталъ наносить мнѣ удары. Я сдѣлалъ усиліе, вырвался и пустился бѣжать, но не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на меня набросился другой и также сталъ бить. Я еле вырвался и побѣжалъ въ находящейся неподалеку полицейскій участокъ въ полной увѣренности, что по крайней мѣрѣ тамъ найду защиту. Но когда я добѣжалъ до самаго участка, меня оттуда оттолкнулъ какой-то полицейскій чинъ. Мнѣ пришлось, между прочимъ, быть свидѣтелемъ того, какъ одинъ городской съ бляхой № 12 (сидящій теперь на скамьѣ подсудимыхъ Кирленко) кричалъ среди громилъ: «бей жидовъ».

Свид. *Бернштейнъ* въ самомъ началѣ погрома находился на бульварѣ.

— Когда я выбѣжалъ съ бульвара, рассказываетъ онъ, я наткнулся на трехъ громилъ съ дубинами и городского. Послѣдній ударилъ меня обнаженной шашкой.

Вызывается для допроса свид. *Надельштейнъ*. Ему пришлось быть очевидемъ многихъ эпизодовъ кроваваго дня.

— Когда я подошелъ къ 1-му участку, то увидѣлъ тамъ сравнительно большую толпу простолудиновъ, а среди нихъ оратора. До меня долетѣли слова: «надо положить животь свой!», а въ отвѣтъ на эти слова раздалось громкое «ура».

Между прочимъ, свидѣтель утверждаетъ, что слышалъ слѣдующія слова какого то полицейскаго чина, обратившагося къ толпѣ: «дѣлайте, что хотите, только жидовъ бейте» Слышалъ онъ также, какъ одинъ штабсъ-капитанъ, обращаясь къ одному солдату спросилъ: «а бульваръ оцѣпленъ», на что послѣдовалъ отвѣтъ «да».

— Когда манифестація приблизилась къ бульвару, рассказываетъ далѣе свид., вдругъ раздалось изъ ея рядовъ крики: «бить жидовъ». Манифестанты бросились на бульваръ. Ходъ для нихъ былъ свободенъ, пытавшихся же выбѣгать изъ бульвара чины полиціи не выпускали и били ихъ. Меня ранилъ шашкой помощникъ пристава Чупринко. Когда я очутился на углу Лазаревской и Воронцовской, мнѣ между прочимъ бросилась въ глаза слѣдующая картина: на большомъ балконѣ углового дома сидѣла цѣлая группа лицъ и спокойно наблюдала за всѣмъ происходившимъ кругомъ, т. е. за убійствами и избіеніями. Группа эта была... семья губернатора.

— Послѣ, когда я направился по Салгирной улицѣ, я увидѣлъ, какъ съ Θεодосійскаго моста бѣжалъ какой-то молодой человекъ, за которымъ гнались городовые съ обнаженными шашками. Они кричали: «Держи его, это главный агитаторъ!» Вообще, свидѣтель утверждаетъ, что въ убійствахъ участвовали помощникъ пристава и другіе чины полиціи. Что-же касается эскадронцевъ, командированныхъ для прекращенія насилій, то они, по словамъ свидѣтеля, только прогоняли евреевъ, защищавшихъ свое имущество, громилъ же совершенно не трогали.

Прокуроръ. Вы видѣли во время избіеній помощн. пристава? Свид. Да, видѣлъ.

-- И какъ онъ себя держалъ?

— Очень хорошо: билъ всѣхъ евреевъ, спасавшихся изъ бульвара.

— А когда васъ ударили?

— Точно не помню, но спросите вотъ этихъ (указываетъ на подсудимыхъ, полицейскихъ чиновъ); они, вѣроятно, хорошо помнятъ.

— А за что васъ били?

— Я не знаю; спросите Богданова: онъ лучше знаетъ.

Булацель. Скажите, свидѣтель, неизвѣстно ли вамъ, что 18 октября убиты 3 и ранены 30 русскихъ людей?

— Ничего подобнаго.

Булацель. Считаю интереснымъ и нужнымъ обратить вниманіе суда на то, что свидѣтель почти цѣлый день былъ на улицѣ. Что же касается заявленія свидѣтеля, что онъ будто бы видѣлъ, какъ губернаторъ съ семьей любовались съ балкона на совершавшіяся вокругъ нихъ убійства, то это пахнетъ провокаціей съ лѣвой стороны.

Шикъ протестуетъ противъ выходки Булацеля, позволяющаго себѣ оскорблять свидѣтеля.

Предсѣдатель призываетъ Булацеля къ спокойствію.

Свид. *Гительманъ*, между прочимъ, утверждаетъ, что, когда онъ хотѣлъ выбѣжать изъ калитки бульвара, чтобы спастись отъ громилъ, городской Богдановъ захопнулъ ее, сказавъ: «теперь уже поздно». Возлѣ магазина Виторгона свидѣтель былъ раненъ громилами. Среди послѣднихъ, по словамъ свидѣтеля, находились и городовые.

Свид. *Кондратъ Жельзнякъ* (учитель) видѣлъ, какъ одинъ городской ударилъ шашкой какого-то человѣка. Видѣлъ онъ также, какъ недалеко отъ синагоги Эпштейна выбѣжалъ откуда то молодой человѣкъ, а за нимъ погнались, стрѣляя ему вслѣдъ, городовые.

-- Я видѣлъ, какъ пожарные бросали въ раненаго уже Спиро кирпичи. Я не вытерпѣлъ и крикнулъ: «Что вы дѣлаете, вѣдь вы христіане?!» Они отвѣтили: «А это, вѣдь, жидъ». Мнѣ также пришлось быть очевидцемъ такой сцены. Одинъ человѣкъ, спасаясь отъ громилъ, стремительно бѣжитъ къ участку, у котораго въ это время стояли полиціймейстеръ Кузьменко, Загоскинъ и другіе полицейскіе чины. Человѣкъ этотъ, очевидно, надѣялся, что въ участкѣ онъ встрѣтитъ защиту. Но какъ только онъ добѣжалъ близко къ участку, на него набрасываются нѣсколько громилъ и тутъ же, на глазахъ полиціймейстера, Загоскина и чиновъ полиціи, убиваютъ его дубинами. Для задержанія убійцъ никто и попытки не сдѣлалъ. Трупъ же убитаго полицейскіе поволокли по землѣ.

Прокуроръ. А вы видѣли шествіе манифестаціи у бульвара?

Свид. Видѣлъ. Я помню, когда манифестація проходила Лазаревскую, изъ заднихъ рядовъ отдѣлялись группы и перескакивали черезъ ограду на бульваръ.

— А видѣли ли вы падавшихъ изъ среды манифестантовъ?

— Нѣтъ.

Айзенштейнъ. Вы утверждаете, что въ то время, когда полиціймейстеръ, Загоскинъ и другіе чины стояли у участка, то тутъ же на ихъ глазахъ убивали?

Свид. Да, утверждаю.

— Кого было больше тогда—войскъ или громилъ?

— Да и нѣсколькихъ городскихъ было бы достаточно для арестованія убійць.

Шикъ. Скажите, пожалуйста, свидѣтель, не помните ли вы, что читальъ или говорилъ ораторъ на митингѣ, на которомъ и вы присутствовали?

— Онъ излагалъ программу соц.-дем.

Затѣмъ происходитъ слѣдующій инцидентъ. *Булацель* вдругъ задаетъ свидѣтелю вопросъ:

— А не знаете ли, свидѣтель, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евреи учреждали республики и еврейскими президентами избирали Перамента, Щепкина и другихъ?

— Не знаю.

Въ виду того, что предсѣдатель не остановилъ и не сдѣлалъ Булацелю замѣчанія по поводу его неумѣстной выходки пом. пр. пов. *Лейбзонъ* протестуетъ противъ выходки Булацеля. *Предсѣдатель* успокаиваетъ его и дѣлаетъ Булацелю замѣчаніе.

Свид. Липа Болтяжскій утверждаетъ, что слышалъ, какъ одинъ околоточный надзиратель говорилъ: «теперь дали свободу бить жидовъ».

Въ 11¹/₂ часовъ ночи засѣданіе закрывается.

Засѣданіе 5-го мая.

Первымъ допрашивается свид. *Смирновъ*, учитель рисованія. Онъ описываетъ вступленіе манифестантовъ-патріотовъ на бульваръ и, между прочимъ, вспоминаетъ, что раньше околоточный надзиратель предупреждалъ: «уходите, васъ убьютъ!» Видѣлъ онъ трехъ цыганъ съ дубинами; одного изъ нихъ—Ислямъ-Ульмезъ-оглу—опознаетъ, среди подсудимыхъ. Видѣлъ онъ также, какъ два городскихъ и 3—4 другихъ людей съ дубинами убивали одного молодого человѣка.

Кромѣ того, свидѣтель утверждаетъ, что первый выстрѣлъ въ саду раздался послѣ того, какъ туда вошли два какихъ то субъекта, повидимому—шпіоны.

Свид. прис. пов. *Корецкій* былъ очевидцемъ, между прочимъ, такой картины. Когда онъ вышелъ изъ бульвара на Воронцовскую улицу, то увидѣлъ, что за еврейскимъ мальчикомъ гналась большая толпа. Навстрѣчу бѣжавшему мальчику показалась другая толпа громилъ. Тотъ, очутившись между двумя толпами громилъ, рѣшилъ почему то повернуть. Догонявшіе его громилы поймали его и стали бить дубинами.

— Я, говоригъ свид., не вытерпѣлъ и громко крикнулъ: «что вы дѣлаете!». Громилы на моментъ остановились, и мальчикъ успѣлъ убѣжать. Тогда громилы принялись бить меня. Но кто-то крикнулъ, что я русскій и меня оставили. Среди избивавшей толпы я замѣтилъ и одного чиновника.

Айзенштейнъ. Когда избивали мальчика, были солдаты?

Свид. Около 30 человекъ.

— А громилъ?

— Человекъ 15—20.

Шикъ. Не извѣстно ли вамъ, что передъ погромомъ въ городѣ появились черносотенные листки?

Свид. Да, распространялись.

Булацель. Не извѣстно-ли вамъ также, что въ еврейской черносотенной печати изливаются помои по адресу русскихъ?

Предсѣдатель останавливаетъ Булацеля.

Айзенштейнъ. Не извѣстно-ли вамъ, сколько прошло времени пока разсѣяли толпу во время инцидента у дома Бухштаба?

Свид. 5 минутъ*.)

Булацель вдругъ вскакиваетъ и громко заявляетъ: «въ виду того, что свидѣтелю былъ предложенъ вопросъ, травили ли евреи русскихъ и онъ отвѣтилъ отрицательно, я также буду предлагать и другимъ свидѣтелямъ подобные же вопросы, и я думаю, что тѣ свидѣтели дадутъ положительные отвѣты на счетъ травли русскихъ евреями и жидовствующими». Заявленіе это не вызываетъ со стороны предсѣдателя никакихъ замѣчаній.

Свид. Зобнинъ описываетъ картины убійствъ. Съ ранеными обращались ужасно жестоко. Полицейскіе волокли ихъ по землѣ за ноги. Видѣлъ онъ и такую картину. Изъ участка выводятъ одного раненаго еврея. Его усаживаютъ на извозчика. Туда же садится и городской. За экипажемъ гонятся нѣсколько громилъ и начинаютъ избивать раненаго еврея. Городской-же, сидящій съ нимъ, только отстраняется и не останавливаетъ громилъ.

Свид. Османъ-Муратъ-оглу слышалъ, какъ толпа манифестантовъ кричала: «жидамъ дали свободу, а мы ихъ убьемъ».

*) Ср. съ показаніемъ пом. пристава Багеля (стр. 40, внизу).

Стоявшій тутъ же рядомъ съ полиціймейстеромъ приставъ сказалъ: «работайте, какъ хотите».

Во время разгрома лавки Виторгона свидѣтель видѣлъ стоявшаго тамъ городского Богданова, который совѣтовалъ разбивать, но не поджигать.

Свид. *Демикели* (фабричный инспекторъ) рассказываетъ, что въ день погрома извѣстный ему рабочій, нѣкій Денисъ, хвасталъ передъ нимъ, что убилъ одного человѣка, послѣ того какъ «прострѣлили принцессу»; подъ принцессой онъ, очевидно, подразумѣвалъ портретъ Государя. «А не собрала ли васъ полиція?» спросилъ онъ его.

Тотъ отвѣтилъ утвердительно.

Айзенштейнъ. Не рассказывали ли вамъ, что одинъ интеллигентъ, «техникъ Кортонъ» или «Гордонъ» подстрекалъ громить?

Свид. Да, рассказывали.

Булацель. Не называли ли вамъ интеллигентныхъ евреевъ, которые подстрекали къ химическимъ обструкціямъ, забастовкамъ, разбиванію воротъ и проч.

Свид. Нѣтъ, не называли.

Очень интересное показаніе даетъ свид. *Чернявскій*, бывшій околоточный надзиратель, а теперь помощникъ пристава.

— Утромъ, 18-го октября, когда полиціймейстеръ вернулся отъ губернатора въ участокъ, кто-то сказалъ: «вотъ демонстранты ходятъ по улицамъ съ красными флагами, а почему бы не устроить и патріотическую манифестацію»? Полиціймейстеръ Кузьменко замѣтилъ: «конечно, можно было бы, даже слѣдовало бы». Когда я дошелъ до базара, то увидѣлъ толпу рабочихъ. Были тамъ и Ермоленко и Полевикъ. Кто то и здѣсь сказалъ: почему не устроить патріотическую манифестацію? Послѣ, когда я былъ въ участкѣ, пришла толпа и просила портретъ Государя. Имъ дали и они двинулись къ дому губернатора. Я пошелъ за ними. Пошелъ и помощникъ пристава Чупринко.

Айзенштейнъ. Не говорили ли среди вашихъ сослуживцевъ, еще до погрома, что «не худо бы посчитаться съ социаль-демократами»?

Свид. Да, кажется, говорили.

— А не слыхали вы, какъ помощникъ пристава говорилъ: «надо было бы проучить евреевъ»?

— Да, говорилъ.

— А что говорилъ приставъ Солодиловъ у часовни?

— «Евреи ходятъ съ красными флагами, радуются, а рускіе стоятъ и ничего не дѣлаютъ.»

— Когда атаковали синагогу Эпштейна, вы были возлѣ участка?

— Да.

— Кто еще былъ тамъ?

— У самага участка стояли Кузьменко, Багель и другіе полицейскіе чины.

— Приказадъ ли кто нибудь не пускать въ участокъ спасавшихся изъ синагоги евреевъ?

— Да, полковникъ Загоскинъ приказалъ не пускать ихъ.

— А не видѣли ли вы, какъ били у участка?

— Я видѣлъ, какъ у дверей участка одинъ печникъ ударилъ молоткомъ какого то еврея. Это было на глазахъ полицій-мейстера Кузьменко.

— А не слышали вы, чтобы въ пожарномъ дворѣ доби-вали раненыхъ?

— Я видѣлъ, какъ тамъ уже раненаго Майданскаго кто то изъ пожарныхъ ударилъ большимъ полупудовымъ камнемъ и добилъ его.

Лейбзонъ. Не знаете ли, что трупы убитыхъ были ограблены?

— Они были безъ брюкъ.

— А видѣли-ли вы трупы русскихъ?

— Слыхалъ только объ одномъ. Кромѣ того, свидѣтель удостовѣряетъ, что у трупа Розенштейна нашли въ участкѣ сотенные билеты. Вернула же послѣ полиція телько около 18 руб.

Свид. *Багель*, сидящій среди публики, съ мѣста заявляетъ, что обыскавалъ трупъ Розенштейна не Рыбалка, какъ увѣряетъ Чернявскій, а околот. Кругляковъ.

Булацель заявляетъ, что предст. гражд. истцовъ стараются выяснитъ похищеніе денегъ полиціей, очевидно, для газетъ. *Предсѣдатель* останавливаетъ Булацеля.

Айзенштейнъ и Шикъ протестуютъ противъ заявленія Булацеля. При этомъ *Шикъ* заявляетъ, что выраженіе Булацеля «жидовствующіе» во всякомъ случаѣ произнесено для печати, а потому обвиненіе Булацеля предст. гражд. истцовъ въ произнесеніи выражений для печати по крайней мѣрѣ неумѣстно.

Свид. *Сам. Сарибанъ* показываетъ, что видѣлъ дубины у манифестантовъ еще во время шествія. Кромѣ того, онъ удостовѣряетъ, что городовые били обнаженными шашками спасавшихся изъ бульвара евреевъ.

Послѣ приведенія къ присягѣ новой группы свидѣтелей допрашивается свид. *Баланчивадзе*, бывший во время погрома полицейскимъ приставомъ, а нынѣ—начальникъ тюрьмы.

— Когда я увидѣлъ, разсказываетъ свидѣтель, что толпа безчинствуетъ—убиваетъ и громитъ лавки, я попросилъ у по-

лиціймейстера Кузьменко эскадронъ для прекращенія насилій. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «не ваше дѣло». Убійства происходили на глазахъ полиціймейстера, который стоялъ у полицейскаго участка, окруженный полицейскими чинами. Когда я схватилъ одного убійцу и позвалъ городского для его задержанія, то тотъ не двинулся даже съ мѣста. Полиціймейстеръ все время бездѣйствовалъ, несмотря на то, что подчиненные обращались къ нему съ вопросами, что дѣлать. Когда онъ проѣзжалъ по Салгирной улицѣ во время разгрома магазиновъ, громилы привѣтствовали его, на что онъ отвѣтилъ, и спокойно проѣхалъ дальше.

Айзенштейнъ. При васъ ли городской Богдановъ просилъ полиціймейстера быть его свидѣтелемъ?

— Да, но полиціймейстеръ отказалъ.

— Что Богдановъ при этомъ сказалъ?

— Онъ сказалъ: полиціймейстеръ видѣлъ, какъ мы работали, а свидѣтелемъ быть не хочетъ.

— А не говорилъ ли онъ: «дубины приготовилъ, а свидѣтелемъ быть не хочетъ»?

— Дѣло, припоминаю, было такъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ погрома городовые собрались какъ то въ одномъ участкѣ и ждали губернатора, чтобы сдѣлать ему заявленіе объ улучшеніи ихъ положенія. Они рѣшили ждать губернатора до тѣхъ, поръ, пока онъ пріѣдетъ. Когда же полиціймейстеръ Кузьменко сталъ просить ихъ расходиться, то Богдановъ тогда и сказалъ: «дубины заказывали, а теперь не хотятъ быть свидѣтелями».

— А что говорилъ вамъ полиціймейстеръ, когда вы шли на слѣдствіе?

— Онъ сказалъ всѣмъ чинамъ полиціи, чтобы никто ничего не показывалъ прокурорскому надзору.

— Видѣли ли вы убійства у дверей участка?

— Да, тамъ же стоялъ и полиціймейстеръ. На его глазахъ убили молодого человѣка.

— Не знаете ли, что въ разгромѣ и разграбленіи магазина Вайнерава участвовали и чины полиціи?

— Да, говорили, напримѣръ, про этого (указываетъ на подсудимаго городского Морозова).

Шикъ. Говорили ли вамъ, что во время погрома полиціймейстеръ не выпускалъ городскихъ изъ участка?

— Да, говорили.

— Какъ вы думаете, если бы власти проявили распоряжительность, имѣли ли бы мѣсто всѣ событія?

— Конечно, нѣтъ.

— *Лейбзонъ.* Слышали-ли вы выстрѣлъ у лавки Виторгона?

— Нѣтъ.

Булацель. Вы рассказывали, что видѣли, какъ нѣкій Гамаловъ стрѣлялъ возлѣ дома губернатора. А въ кого онъ стрѣлялъ? въ толпу?

— Въ меня.

— Почему всѣхъ кричавшихъ «бей жидовъ» посадили на скамью подсудимыхъ, а Гамалова здѣсь нѣтъ.

Не знаю.*)

Булацель просить занести въ протоколъ, что *еврей* Гамаловъ стрѣлялъ въ толпу.

Айзенштейнъ предлагаетъ Булацелю не извращать фактовъ: Гамаловъ былъ не еврей, а *армянинъ*.

Булацель. Объ этомъ мы будемъ спорить послѣ.

Айзенштейнъ просить занести въ протоколъ, что у Гамалова до погрома было столкновение съ Баланчивадзе.

Затѣмъ маленькій инцидентъ. *Булацель* передаетъ секретарю бумажку для внесенія въ протоколъ изложеннаго въ ней показанія свидѣтеля. *Заболотный* просить огласить содержаніе этой записки. По предложенію предсѣдателя она прочитывается; оказывается, что г. Булацель совершенно исказилъ показаніе свидѣтеля. Въ залѣ смѣхъ.

Свидѣца *Казасъ*. 18-го октября она была на бульварѣ и присутствовала на митингѣ.

— Когда показала патріотическая манифестація, я направилась къ выходу, но кто-то заперъ ворота. Я возвратилась, въ этотъ моментъ какой-то челоуѣкъ, стоявшій недалеко отъ эстрады, подошелъ къ дереву, наклонился и вытащилъ не то изъ сапога, не то изъ подъ куста револьверъ и выстрѣлилъ. Это было какъ будто сигналомъ. Произошла паника. Я услышала голосъ: бѣгите, всѣхъ перерѣжутъ. Въ это же время увидѣла бѣгущаго изъ боковой аллеи городского. Съ нимъ вмѣстѣ бѣжали 4 мужика съ дубинами. Когда они приблизились ко мнѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «не троньте ее, это наша барыня», и вывелъ меня на улицу. Когда я просила офицеровъ проводить меня дальше, тѣ отказались.

Айзенштейнъ. Не можете ли намъ сказать, какого характера были рѣчи на митингѣ? Не было ли оскорбленія Величества?

— Нѣтъ.

— Видѣли ли вы полиціймейстера Кузьменко?

— Да, онъ былъ очень растерянъ.

Шикъ. Говорили ли на митингѣ о революціи?

— Нѣтъ.

*) *Примѣчаніе:* Гамаловъ въ день погрома былъ убитъ.

Булацель. Какъ встрѣчались рѣчи ораторовъ? Какія мѣста рѣчей вызывали сочувствіе у публики?

— Мѣста о недовѣрїи къ правительству и о замѣнѣ постоянной арміи милиціей.

— А ваше сочувствіе?

— Этого я вамъ сказать не обязана.

Опять разыгрывается инцидентъ. *Шикъ* спрашиваетъ, относилось ли населеніе недовѣрчиво вообще къ полиціи или только къ той, которая избиваетъ въ участкахъ, устраивая застѣнки и проч. *Булацель* вскакиваетъ и обрушивается на Шика за оскорбленіе имъ якобы всей полиціи, самоотверженно несущей свой тяжелый крестъ и проч.

Председатель останавливаетъ Булацеля и проситъ обѣ стороны успокоиться.

Свид. д—ръ *Моргулисъ*, какъ симферопольскій старожиль, удостовѣряетъ, что отношенія между русскими и евреями всегда были мирныя. Булацель старается добиться у него показанія, что христіане озлоблялись противъ «передовой еврейской молодежи», но свид. категорически это отрицаетъ.

Свид. *Божеко* (чин. каз. пал.) показываетъ, что митинги на бульварѣ протекали очень мирно. Криковъ «долой самодержавіе», а тѣмъ болѣе оскорбленія Величества въ рѣчахъ ораторовъ не было. Первый выстрѣлъ, по словамъ свид., былъ произведенъ вверхъ.

Свид. д-ръ *Зусмановичъ* показываетъ, что патріотическая манифестация, проходя по Лазаревской, остановилась у бульвара по знаку свисткомъ. Кромѣ того, свид. заявляетъ, что видѣлъ много труповъ на бульварѣ, при чемъ всѣ были ограблены.

Свид. *Рубинштейнъ* показываетъ, что, когда онъ просилъ эскадронцевъ защитить его, тѣ отвели его въ участокъ. Тамъ его сталъ избивать околоточный надзиратель, приговаривая: «вотъ тебѣ свобода, вотъ тебѣ конституція». Тотъ же надзиратель взялъ у него вещи.

Послѣ допроса всей группы свидѣтелей оуъявляется перерывъ засѣданій до 9 часовъ утра 7 мая.

Засѣданіе 7-го мая.

Свид. *Розенштейнъ*, братъ котораго былъ убитъ, показываетъ, что видѣлъ, какъ толпа въ присутствіи войскъ и город. Дремова разбивала магазинъ Шнейдера. Ив. Ермохинъ рассказывалъ свидѣтелю, что видѣлъ, какъ полицейскій чинъ ударилъ

его брата шашкой, послѣ чего его доби́ли уже громи́лы дубинами. Нѣкій Сигалевичъ сказа́лъ свидѣтелю, что былъ очевидцемъ, какъ у его убитаго брата были вынуты въ присутствіи пристава Солодилова сотенныя бумажки. Возвращены же были полиціей только 18 рублей. Говорили ему также, что Бродянской хвасталъ, что убилъ его брата.

Свид. *Манушевичъ* показывае́тъ, что 18-го октября еще въ 9 часовъ утра подсудимый Бродянской подошелъ къ нему и сказа́лъ: «войдите въ комнату, такъ какъ будутъ бить евреевъ».

Интересное показаніе дае́тъ свид. д-ръ *Гидалевичъ*. Онъ, между прочимъ, устанавливае́тъ, что участники манифестаціи еще до погрома, проходя мимо его строившагося дома, запасались кольями и плинтусами. Когда на это обратили вниманіе полиціа, то тотъ отвернулся и ничего не отвѣтилъ. Это онъ передае́тъ со словъ очевидца Лериха. Но наиболѣе важное показаніе дае́тъ Гидалевичъ о томъ, какъ въ участкѣ обращались съ ранеными.

— Я былъ приглашенъ, рассказываетъ онъ, въ участокъ для оказанія помощи раненымъ. Тамъ мнѣ представилась ужасная картина. На полу валялась въ лужахъ крови масса раненыхъ евреевъ. Я просилъ разрѣшенія отправить раненыхъ въ больницу, но полицейскіе чины отказали, говоря, что ихъ нужно еще обыскать, нѣтъ ли у нихъ оружія. Я присутствовалъ при обыскахъ труповъ. Только у одного убитаго выпала изъ кармана пуля. Бывшій въ участкѣ губернаторъ, между прочимъ, упрекалъ меня въ томъ, что евреи будто бы прострѣлили портретъ Государя. «Евреи сами виноваты», говорилъ онъ мнѣ. Когда я былъ въ участкѣ, ко мнѣ подбѣжалъ Каценеленбогенъ и просилъ пойти въ пожарный дворъ, чтобы оказать помощь его умирающему сыну. Когда я вошелъ во дворъ, грубая брань и слово «жидъ» такъ и висѣли въ воздухѣ. Тамъ лежала куча убитыхъ и раненыхъ. Пожарнче держались по отношенію ко мнѣ такъ угрожающе, что я вынужденъ былъ уйти. Вернулся я обратно въ присутствіи пристава Солодилова. Пожарные все время продолжали бранить меня и упрекали, что я оказываю помощь только евреямъ. Я отвѣтилъ имъ, что тутъ русскихъ нѣтъ. Тутъ я увидѣлъ занесенный надъ моей головой желѣзный пруть, но приставъ Солодиловъ отстранилъ руку съ прутемъ. Человѣкъ, занесшій надо мной пруть, былъ Букрѣевъ (одинъ изъ подсудимыхъ).

Прокуроръ. Кто обыскивалъ на пожарномъ дворѣ убитыхъ и раненыхъ?

Свид. Пожарные и полицейскіе чины. У нѣкоторыхъ находили крупныя суммы денегъ.

Айзенштейнъ. Попадались ли вамъ убитые и раненые христіане?

Свид. Я видѣлъ только одного раненаго въ щеку.

— Не приглашали ли васъ послѣ погрома въ Сѣверную гостиницу и зачѣмъ?

— Меня пригласили 22—23 октября въ гостиницу къ человѣку, оказавшемуся окол надзирателемъ Ермоленко. Онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что когда увидѣлъ дубины у манифестантовъ, то сообщилъ объ этомъ въ участокъ, такъ что погромъ, по словамъ Ермоленко, можно было бы предупредить, если бы своевременно были приняты мѣры. Когда я его осматривалъ, то замѣтилъ на спинѣ кровоподтеки. Онъ сказалъ мнѣ, что это побили его за то, что онъ спасалъ евреевъ во время погрома; поскольку мнѣ показалось, подтеки эти были свѣжіе и не могли быть нанесены 18-го октября, т. е. 5 дней назадъ.

Затѣмъ допрашивается свид. *Сав. Николаевъ.* Это дряхлый уже старичекъ, нѣсколько глухой. Во время погрома онъ служилъ во дворѣ пожарнаго обоза. По его словамъ, пожарные били раненыхъ, одинъ толкнулъ раненаго ногой, другой ударилъ палкой; свидѣтель опознаетъ въ лицѣ подсудимаго Чижана--перваго пожарнаго, въ лицѣ Музалева--второго.

Айзенштейнъ. Видѣли ли вы, какъ городовые носили раненыхъ?

Свид. Да, просто тащили и валили въ кучу.

Допрашивается *Зубовъ* (тоже пожарный).

Предсѣдатель. Не видѣли ли вы какъ въ пожарномъ дворѣ били раненыхъ?

Свид. Нѣтъ

Прокуроръ. А не вырвалъ ли приставъ палку у Чижана?

Свид. Вырвалъ, почему—не знаю.

Въ виду противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля съ показаніями, данными у судебного слѣдователя, послѣднія оглашаются: у слѣдователя, оказывающегося, свидѣтель заявилъ: «Букрѣевъ говорилъ мнѣ, что Музалевъ ударилъ палкой еврея».

Прокуроръ. Правильно ли записалъ слѣдователь ваши показанія?

Свид. Правильно, но я все забылъ.

Тутъ разыгрывается крупный инцидентъ. Подсудимый, городской Дремовъ, вдругъ поднимается и заявляетъ, что слѣдователь Панкратьевъ допрашивалъ подъ угрозами.

Прокуроръ протестуетъ противъ голословнаго обвиненія слѣдователя и проситъ занести это въ протоколъ. Вслѣдъ за Дремовымъ, какъ будто по сигналу, одинъ за другимъ вскакиваетъ нѣсколько подсудимыхъ и спѣшатъ сдѣлать заявленія объ угро-

захъ и пристрастіи слѣдователя Панкратьева при допросахъ. Со всѣхъ скамей сыплются разоблаченія.

Подсуд. *Букрѣвъ*. Мнѣ судебный слѣдователь обѣщаль освобожденіе, если я укажу на кого нибудь по карточкамъ. Подсудимый *Гутеико* заявляетъ о томъ же. Подсуд. *Спиринъ* заявляетъ, что слѣдователь назвалъ его шпиономъ. Подсуд. *Гутеико* опять заявляетъ, что его слѣдователь назвалъ хулиганомъ. Разоблаченія не прекращаются. *Булацель* вскакиваетъ и заявляетъ, что только что сдѣланныя заявленія такъ невѣроятны, что совершенно мѣняютъ характеръ дѣла и способъ защиты. Подсуд. *Альфуртовъ* заявляетъ, что слѣдователь опаивалъ допрашиваемыхъ водкой. Тутъ *предсѣд тель*, до сихъ поръ терпѣливо выслушивавшій «разоблаченія», останавливаетъ Алфуртова:

Господа, это уже увлеченіе, никакой судъ не повѣритъ вамъ: ваши заявленія слишкомъ невѣроятны и голословны.

Прокуроръ взволнованнымъ голосомъ проситъ занести въ протоколъ заявленіе обвиняемыхъ, будто слѣдователь опаивалъ водкой. Къ этому присоединяются и повѣренные гражданскихъ истцовъ. «Разоблаченія» однако еще не исчерпаны.

Такъ, подсуд. *Морозовъ* заявляетъ, что слѣдователь сначала допрашивалъ его, какъ свидѣтеля. «Когда же я сказалъ, что приставъ взялъ за шиворотъ Неручева, и что я спасалъ Спиру, онъ посадилъ меня въ тюрьму», заканчиваетъ обвиняемый.

Шикъ спрашиваетъ, почему подсудимые раньше этого не заявляли?

— Мы были съ слѣдователемъ наединѣ.

Подсуд. *Спиринъ* опять дѣлаетъ заявленіе о пристрастности слѣдователя.

Предсѣдатель. А почему вы, какъ полицейскій чиновникъ, своевременно не обжаловали прокурору дѣйствія слѣдователя?

Спиринъ Мои свидѣтели уѣхали.

Подсуд. *Морозовъ* говоритъ: Мы жаловались быв. губернатору и нынѣшнему полиціймейстеру. На наши требованія о приѣздѣ прокурора, нынѣшняго губернатора, послѣдній не приѣхалъ.

Засѣданіе начинаетъ принимать хаотическій характеръ. *Булацель* старается раздуть инцидентъ. Представители гражданскихъ истцовъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ, горячо протестуютъ. *Предсѣдатель* объявляетъ перерывъ для приведенія въ порядокъ всѣхъ сдѣланныхъ заявленій.

Послѣ перерыва предсѣдатель объявляетъ всѣмъ подсудимымъ, сдѣлавшимъ заявленіе о дѣйствіяхъ слѣдователя Панкратьева, что заявленіе это будетъ занесено въ протоколъ. Всѣ же, желающіе возбудить противъ Панкратьева обвиненіе,

могутъ это сдѣлать въ установленномъ порядкѣ, т. е. обратиться къ прокурорскому надзору.

Свид. *Можара* (урядникъ) показываетъ, что на 3-й день погрома онъ вмѣстѣ съ ст. приставомъ Михайловымъ арестовалъ подсудимаго Гутенко и отбиралъ у него вещи.

— Мы нашли у него подозрительное пальто. Голова у него была завязана. Онъ сказалъ намъ, что евреи стрѣляли въ портретъ, и за это русскіе стали мстить. Самъ онъ, по его словамъ, тоже билъ евреевъ кулакомъ, но за то, что его ранили въ голову.

Прокур. Не говорилъ ли вамъ Гутенко, что онъ билъ евреевъ по чьему либо приказанію.

— Нѣтъ.

Въ виду противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля съ показаніемъ, даннымъ у слѣдователя, послѣднее оглашается. Оказывается, что у слѣдователя онъ показывалъ, что Гутенко сказалъ: «билъ жидовъ по приказанію начальства». Свидѣтель подтверждаетъ это показаніе?

Булацель. Спрашивали ли вы какое начальство?

— Говорилъ, что полиція.

Обвиняемый Гутенко заявляетъ, что раненъ онъ былъ вовсе не евреями.

Свид. *Розенблюмъ* слышалъ какъ помощникъ пристава Багель и еще какой то полицейскій чинъ, блондинъ, говорили среди толпы, что изъ-за одного жида 40 русскихъ сидятъ въ тюрьмѣ, на что изъ толпы имъ отвѣтили: «сами гуляете, насъ звали, а наши въ тюрьмѣ сидятъ».

Свид-ца *Ан. Прейсъ-Айзенъ* видѣла, какъ возлѣ тюрьмы приставъ или помощникъ пристава съ черной бородой кричалъ, обращаясь къ толпѣ: «бей жидовъ».

Свид. *Антонъ Цфейферъ* показываетъ, что видѣлъ, какъ чиновникъ ударилъ одного еврея по головѣ, послѣ чего громилы добились его дубинами. Между прочимъ, свидѣтель удостовѣряетъ, что видѣлъ у манифестантовъ дубины еще до погрома. Видѣлъ онъ также, какъ громилы грабили магазины на базарѣ. При немъ изъ магазина обуви выскочилъ босякъ и, держа два башмака, обратился къ офицеру со словами: «Вотъ, ваше благородіе, два лѣвыхъ ботинка попалось», на что офицеръ ему отвѣтилъ: «Ну такъ пойдѣ обмѣняй».

Свид. *Шмидельскій* показываетъ, что когда онъ, спасаясь отъ громилъ, подбѣжалъ къ участку, то стоявшій тамъ полковникъ Загоскинъ прогналъ его оттуда.

Свид. *Вайнеръ* показываетъ, что за нимъ на бульварѣ погнались переплетчикъ Крыловъ, Гладковъ, Бурлаковъ и др. но

онъ спрятался въ сараѣ сторожа синагоги. Оттуда онъ видѣлъ въ щелку двери, какъ Крыловъ добилъ дубиной одного хрипѣвшаго человѣка.

Свид. *Ситлевичъ* показываетъ, что подсуд. Богдановъ пошелъ къ одному лежавшему возлѣ костела раненому еще дышавшему, и добилъ его шашкой по головѣ.

Булацель. Здѣсь свидѣтель рассказывалъ, что офицеръ чуть ли не примѣрялъ ботинки, снятые съ убитаго. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы офицеръ русской арміи могъ сдѣлать что либо подобное. Это клевета на армію. И нужна она только тѣмъ, кто даже изъ судебного дѣла хочетъ создать клевету и возвести ее на русскую армію.

Айзенштейнъ. Мы здѣсь допрашиваемъ свидѣтеля подъ присягой и на точномъ основаніи закона, но если защитникъ будетъ по каждому поводу возводить на свидѣтелей обвиненія въ клеветѣ, то допросъ свидѣтелей станетъ невозможнымъ.

Свид. *Ифейбергъ* (къ Булацелю). Во первыхъ вы извратили мои слова а во вторыхъ, я присягалъ говорить суду правду и для меня все равно, о комъ я буду говорить эту правду.

Булацель. Знаете ли вы и другой подобный случай.

— Да, при мнѣ эскадронскій офицеръ сказалъ салдату «смотри за порядкомъ», а у солдата были въ рукахъ новые ботфорты.

Предсѣдатель. Могъ ли офицеръ не видѣть этихъ ботфортъ?

— Могъ, но видѣли другіе офицеры, стоявшіе тутъ же.

Булацель. Скажите, вы не выкрестъ?

— Нѣтъ. Я нѣмецъ католикъ.

Засѣданіе 8-го мая.

Сегодня Булацель отсутствуетъ, въ виду отъѣзда его по своимъ дѣламъ на 3 дня. Замѣняетъ его присяжн. повѣрен. Доценко. Засѣданіе открывается допросомъ д-ра Архангельскаго незадолго до разбора дѣла заключеннаго въ тюрьму по политическому дѣлу. Привдзенъ свидѣтель изъ тюрьмы подъ конвоемъ, который все время находится при немъ неотлучно.

— 19 октября рассказываетъ свидѣтель, я вмѣстѣ съ Якобсономъ поѣхалъ къ губернатору, просить его принять мѣры для прекращенія вновь было начавшихся беспорядковъ. Губернаторъ послалъ отрядъ эскадронцевъ. Я остался въ участкѣ ждать, не принесутъ ли раненыхъ.

Въ это время слышалось пѣніе «Спаси Господи» и тол-

па оборванцевъ стала приближаться къ участку съ портретомъ Государя. Когда толпа подошла къ участку, губернаторъ взялъ подъ козырекъ. Одинъ изъ толпы выдѣлился и просилъ губернатора защитить ихъ отъ жидовъ, которые будто-бы ихъ убиваютъ. Губернаторъ отвѣтилъ имъ, что никто ихъ не убиваетъ, а что они сами безчинствуютъ.

Айзенштейнъ. А какіе разговоры вы слышали послѣ погрома?

— Я случайно встрѣтилъ толпу строительныхъ рабочихъ; кто то изъ нихъ сказалъ: «надо ѣхать домой, а то будетъ забастовка и мы застрянемъ», на это другой отвѣтилъ: «побьемъ жидовъ и забастовки не будетъ»; третій отозвался: «вотъ не разберешь—одинъ разъ губернаторъ велитъ бить, а другой разъ защищаетъ ихъ».

Свид-ца *Р. Дубинская* была на бульварѣ 18 октября.

— Какъ только я подбѣжала къ воротамъ, разсказыва-етъ она, городовые захлопнули калитку и крикнули: «русскіе сюда!» Чиновнику, стоявшему рядомъ со мной, они сказали: «вы, ваше благородіе, уходите», меня же они не выпустили. Я бросилась къ памятнику. Я увидѣла, что бьютъ моего мужа и сестру и стала кричать. Громилы бросились и на меня. Въ это время выбѣжать изъ аллеи околоточный надзиратель Ермоленко и сталъ стрѣлять въ сестру почти въ упоръ и ранилъ ее въ руку. Я стала просить его оставить сестру, указывая при этомъ что она глухонѣмая. и что она сюда на бульваръ пришла случайно. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Она сюда уже больше ходить не будетъ» и, зарядивъ револьверъ, снова выстрѣлилъ въ нее и ранилъ въ щеку. Затѣмъ онъ ударилъ меня кулакомъ по лицу. Въ это время подбѣжала русская женщина. Онъ указалъ ей какимъ путемъ безопасно уйти изъ бульвара. Мы также побѣжали съ этой женщиной; Ермоленко пустилъ намъ вслѣдъ нѣсколько пуль; одна изъ нихъ застряла въ пальто мужа.

Для допроса вызывается свидѣт. *Марія Розлинъ.* Ея мужа убили во время погрома. Въ виду слабости она даетъ свои показанія сидя. Она очень взволнована и говоритъ повышеннымъ нервно дрожащимъ голосомъ.

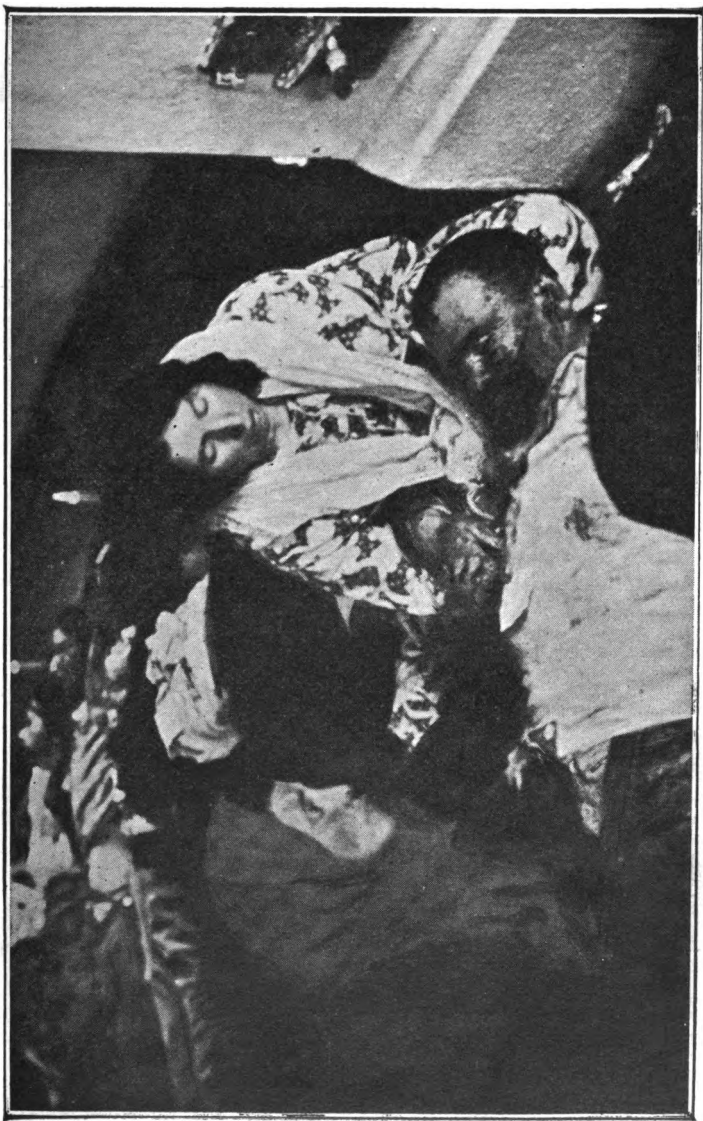
— Когда на бульварѣ раздался выстрѣлъ, мы съ мужемъ бросились къ барьеру буфета. Въ это время раздался недалеко отъ насъ выстрѣлъ. Мужъ крикнулъ: «полиція стрѣляетъ, стрѣляетъ Дремовъ». Я обернулась и дѣйствительно увидѣла городского Дремова. Мы спрятались въ буфетѣ, при этомъ я старалась прикрыть собой мужа. Вдругъ мы услышали вблизи топотъ. Мы бросились въ другую комнату, но оттуда не было выхода. Мы спаслись въ клозетѣ. Думая, что женщинъ едва ли будутъ

бить, я прикрыла мужа своимъ платьемъ. Къ нашему убѣжищу стали приближаться громилы; всѣ находившіеся здѣсь выскочили. Мы съ мужемъ остались. Послышался голосъ: «а что, жидъ здѣсь не спрятался?» У дверей показался городской и старикъ съ дубиной. Послѣдній занесъ дубину надъ головой мужа, я сбѣлала усиліе и сбила хулигана съ ногъ, и мы выскочили изъ клозета. Увидѣвшій насъ приставъ крикнулъ: «вотъ Рохлинъ, дайте ему по головѣ, а ей по спинѣ». Какой-то рослый громила ударилъ мужа по головѣ, а также и меня, мужъ мой упалъ. Въ это время показались эскадронцы съ офицеромъ во главѣ, я стала кричать, чтобы спасли мужа, но они не обратили на насъ вниманія и поѣхали прямо на лежавшаго мужа. Мужъ лежалъ безъ чувствъ. Я бросилась къ нему и стала приводить въ сознаніе, но онъ сталъ уже охладѣвать.

Свидѣтельница начинаетъ истерически всхлипывать. Выпивъ холодной воды, она нѣсколько успокаивается и продолжаетъ свои показанія.

— Когда я обратилась къ приставу 1-й части съ просьбой оказать помощь моему мужу, то онъ крикнулъ: «тебѣ, жидовка, свобода нужна» и ударилъ меня кулакомъ въ бокъ, такъ что я чуть не упала. Кромѣ того, приставъ меня арестовалъ и повелъ въ участокъ. Тамъ я упала на колѣни передъ какимъ то толстымъ приставомъ и стала умолять его о спасеніи моего мужа. Но онъ топнулъ ногой и крикнулъ: «Дайте ей свободу!» Меня ударили по затылку и толкнули въ какую то камеру. Какой то околоточный (опознаетъ Ермоленко) ворвался туда и билъ меня ногами въ животъ, приговаривая: «свобода!» Я рвалась, билась и кричала, чтобы спасли моего мужа. Меня вывели въ другую камеру. Тамъ я увидала на полу раненыхъ, истекавшихъ кровью людей. Полицейскіе чины били ихъ прикладами въ голову и топтали ногами. Въ окно я видѣла, какъ на глазахъ полк. Загоскина, полиціймейстера и Аташева тащили за ноги раненыхъ и били ихъ ногами. Когда меня увидѣлъ д-ръ Гидалевичъ, то онъ велѣлъ отвезти меня въ больницу, но очнувшись я въ сумасшедшемъ домѣ, въ кровати, въ длинной рубахѣ. Сестра милосердія обращалась со мной, какъ съ сумасшедшей. Когда я увидѣла доктора и стала просить его освободить меня, онъ велѣлъ отпустить.

— А видѣли ли вы своего мужа на кладбищѣ и какія у него были раны?—задаетъ свидѣтельница вопросъ прис. повѣр. *Айзенштейнъ*. Свидѣтельница начинаетъ рассказывать, но вдругъ останавливается, судорожно хватается руками за барьеръ и начинаетъ истерически то смѣяться, то всхлипывать и

К. Рохлинъ (Слѣва мать его, справа—жена).

[The page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is too light to transcribe accurately.]

падаетъ въ обморокъ. Весь залъ, включая и судей, страшно взволнованъ. *Предсѣдатель* объявляетъ перерывъ.

Свидѣтельница уведать въ отдѣльную комнату, гдѣ врачу удалось успокоить ее.

По возобновленіи засѣданія стороны стараются не задавать свидѣтельницамъ вопросовъ, могущихъ опять воскресить въ ея памяти сцены убійства мужа. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ ее совершенно освобождаютъ отъ допроса. Тяжелое впечатлѣніе, произведенное свидѣтельницей, однако, еще не сгладилось. *Предсѣдателю* становится дурно, и онъ снова объявляетъ краткій перерывъ. На скамьяхъ для публики слышится женскій плачь.

Черезъ четверть часа засѣданіе возобновляется.

Свид. *Кунайгородскій* показываетъ, что, убѣгая съ бульвара, видѣлъ, какъ къ помошн. пристава Чупринко подбѣжали двѣ дѣвушки и просили его о помощи, но Чупринко крикнулъ: «пошли вонъ, жидовскія морды, я васъ убью». Кромѣ того, свидѣтель видѣлъ, какъ Крыловъ направлялъ громилъ на синагогу Эпштейна, которыхъ однако задерживалъ подсуд. Кирленко.

Свид. *Мусинъ* во время погрома былъ солдатомъ въ отпуску; онъ видѣлъ, какъ въ первомъ участкѣ городской № 1 билъ одного еврея, а околоточный надзиратель Ермоленко билъ ручкой револьвера раненыхъ, между прочимъ, реалиста Каценеленбогена. Когда эскадронъ подъ командой Николаева окружилъ громилъ съ дубинами, полковникъ Загоскинъ, по словамъ свидѣтеля, крикнулъ: «что вы дѣлаете?» Тогда Николаевъ скомандовалъ «кругомъ» и эскадронъ ускакалъ. Свидѣтель также удостоверяетъ, что подсудимый Спиринъ подбѣжалъ къ Загоскину и сказалъ ему: «Ваше благородіе, жида засѣли на бульварѣ, что прикажете дѣлать?» Загоскинъ приказалъ городovýmъ съ заряженными револьверами выйти впередъ, такъ какъ «жида могутъ напасть на участокъ».

Свид. *Лейбманъ* опровергаетъ показаніе пристава Багеля о томъ, что у него были патроны.

Свид. *Риниери*, бывший секретарь полицейскаго управленія, нынѣ приставъ, во время погрома нѣсколько разъ заходилъ на бульваръ и былъ очевидцемъ убійствъ.

— Когда послѣ перваго выстрѣла на бульварѣ публика стала разбѣгаться, рассказываетъ свидѣтель, ко мнѣ подошелъ городской Кирленко и крикнулъ: «Ваше благородіе, уходите, васъ могутъ убить». Я ушелъ въ участокъ, доложилъ полицімейстеру о начавшихся насиліяхъ и опять вернулся на бульваръ. Тамъ я увидѣлъ бѣжавшаго Ермоленко съ револьверомъ въ рукахъ. Черезъ нѣкоторое время, когда я вернулся въ участокъ, то засталъ тамъ Ермоленко пьянымъ.

Въ одинъ изъ своихъ приходо́въ на бульваръ свидѣтель встрѣтилъ Богданова и, между прочимъ, приказалъ ему убрать одного раненаго. «Это жидъ», сказалъ онъ. Свидѣтель ему говоритъ: «нѣтъ, русскій». Тогда городской произвелъ тѣлесное «освидѣтельство» раненаго и доказалъ, что «это жидъ».

Прокуроръ. А не знаете ли, какія отношенія существовали между христіанами и евреями?

— Противъ евреевъ озлобленія не было. Хотя простонародье переносило свое озлобленіе противъ устраивателей митинговъ на евреевъ вообще.

Кромѣ того, свидѣтель подтверждаетъ, что Богдановъ уже послѣ погрома сказалъ въ участкѣ по адресу полиціймейстера Кузьменко: «Дубины заготовляли, а теперь не хотятъ быть свидѣтелями».

Шикъ. Не говорили ли вы послѣ погрома, что полиція бездѣйствовала?

— Да, помнится, говорилъ.

Свид. *Ирликъ* видѣлъ, какъ цыганъ Ислямъ-Ульмезъ-оглу еще съ однимъ цыганомъ гнались у ѳеодосійскаго моста за однимъ евреемъ и убили его на глазахъ полиціи.

Свид. *Кравецъ* показываетъ, что когда шла манифестація, къ нему обратились какихъ-то три субъекта съ вопросомъ: «что это, только на сегодня дали свободу бить евреевъ?»

Среди подсудимыхъ свидѣтель опознаетъ этихъ субъектовъ (Букрѣва и Канарева).

— Я видѣлъ, показываетъ дальше свидѣтель, какъ городской Дремовъ ударилъ въ лицо носкомъ сапога одного убитаго уже человѣка. Я слыхалъ, какъ Загоскинъ сказалъ солдатамъ: «русскихъ оттуда (изъ Новаго города) пускайте, а жидовъ нѣтъ». Околоточный надзиратель Ермоленко ударилъ меня шашкой. Видѣлъ я также, какъ помощникъ пристава Чупринко ударилъ уже раненаго Рохлина обнаженной шашкой и сказалъ: «его убейте, а ее (жену) не трогайте».

Свид-ца *Козирманъ* показываетъ, что слыхала, какъ еще до погрома Гладковъ говорилъ одному господину: «будетъ имъ всѣмъ свобода черезъ полчаса».

Затѣмъ допрашивается свид. *Каценеленбогенъ*. Его сынъ, реалистъ, былъ убитъ во время погрома. Онъ послалъ своего сына съ деньгами; такъ какъ онъ долго не возвращался, то отецъ пошелъ искать сына и нашелъ его возлѣ дома Пласкова лишь раненымъ. Тутъ же его почти доби́ли на глазахъ отца. Въ пожарномъ дворѣ, куда потащили сына, не дали подступиться къ нему доктору Гидалевичу. Кромѣ того, свидѣтель

удостовѣряетъ, что денегъ (600 р.), которыя его сынъ несъ въ банкъ, не оказалось.

Слѣдующее засѣданіе 10-го мая.

Засѣданіе 10-го мая.

Въ виду того, что общая картина погрома достаточно уже выяснена, предсѣдатель предлагаетъ свидѣтелямъ ограничиваться показаніемъ самаго существеннаго. Допросъ свидѣтелей идетъ гораздо быстрее.

Свид-ца *Толшинская* (глухонѣмая) была во время погрома ранена пулей въ руку и лицо. Даетъ она свои показанія знаками, которые одинъ изъ ея знакомыхъ объясняетъ суду. Она показываетъ, что стрѣлялъ въ нее полицейскій чиновникъ, котораго и опознаетъ среди подсудимыхъ (окол. надз. Ермоленко).

Свидѣтельница *Д. Миликъ* видѣла, какъ одинъ полицейскій чинъ ударилъ шашкой Черкеса, впослѣдствіи убитаго, за то, что онъ бросился защищать одного мальчика, котораго избивали громилы.

Свид. *Кацизно* показываетъ, что слыхалъ, какъ помощн. пристава Чупринко сказалъ работавшимъ у строившагося дома Гидалевича рабочимъ: «братцы, бросайте работу, возьмите палки, лопаты, будемъ жарить жидовъ». Рабочіе взяли палки и пошли вслѣдъ манифестаціи.

Свид. *Елнинъ* показываетъ, что возлѣ 1-ой части одинъ господинъ, вышедшій оттуда, сказалъ толпѣ: «такъ какъ мы служимъ царю и отечеству, то проклятыхъ жидовъ нужно бить; имъ свободы не дадимъ». Свидѣтель уличаетъ Чупринко и Богданова въ томъ, что они бѣгали по улицѣ съ обнаженными шашками, причемъ послѣдній кричалъ: «жидъ, бить его».

Свид. *Вл. Спино* показываетъ, что когда начался погромъ, онъ побѣжалъ вмѣстѣ съ двумя барышнями мимо синагоги. Когда онъ увидѣлъ полицейскаго чиновника, то сказалъ ему: «вы должны насъ защищать», въ отвѣтъ на это тотъ ударилъ его обнаженной шашкой. Въ лицѣ подсудимаго Ермоленко свидѣтель опознаетъ этого полицейскаго чина.

Свид. *Коганъ* рассказываетъ, что ему совершенно случайно пришлось подслушать разговоръ между Богдановымъ, покойнымъ теперь Канаки и еще двумя лицами. Богдановъ, не подозрѣвая, что его слушаютъ постороннія лица, сказалъ, что лучше всѣхъ «работалъ» Чупринко, Ермоленко и онъ самъ.

Свид-ца *Ожигова*, служившая горничной у Зильбермана (содержателя дома терпимости) показываетъ, что подсудимый

Чехъ ушелъ вмѣстѣ съ дворникомъ въ городъ, а черезъ нѣкоторое время послѣдній принесъ мѣховую тужурку, сказавъ, что ему далъ Чехъ и велѣлъ еще разъ пойти въ городъ за сапогами. Вечеромъ Чехъ явился домой также съ вещами. «Я стала говорить ему, показываетъ свидѣтельница, что онъ будетъ отвѣчать, тогда онъ выхватилъ большой окровавленный ножъ и сталъ угрожать мнѣ, сказавъ, что убилъ этимъ же ножомъ много евреевъ, а также случайно ранилъ и двухъ русскихъ, хвасталъ онъ, что бояться ему нечего, такъ какъ сама полиція, по его словамъ, велѣла бить.

Въ 3 часа дня засѣданіе объявляется закрытымъ.

Засѣданіе 11-го мая.

Первымъ допрашивается предсѣдатель казенной палаты г. *Бересневичъ*.

— Между 11 и 12 часами, показываетъ свидѣтель, въ казенную палату явилась какая-то группа людей въ сопровожденіи полицейскаго чиновника и стала требовать портретъ Государя. Имъ дали. Послѣ перваго выстрѣла я замѣтилъ, какъ толпа выбѣжала изъ бульвара и бросилась въ разныя стороны. Одинъ человекъ побѣжалъ по Салгирной къ Θεодосійскому мосту. За нимъ гнались громилы и стали наносить побои. Тотъ упалъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ убивали, стоялъ полиціймейстеръ Кузьменко.

Айзенштейнъ. Не слыжали-ли, что рассказывали послѣ погрома ваши подчиненные о томъ, какъ былъ поврежденъ портретъ?

— Рассказывали, что одинъ мальчикъ хотѣлъ поддержать портретъ и проткнулъ его.

Лебедискій. А когда стали избивать, тронулся-ли Кузьменко съ своего мѣста?

— Нѣтъ, остался.

— Вернули-ли вамъ взятый *у васъ* портретъ въ цѣлости?

— Да.

Судомъ и сторонами осматривается находящійся среди вещественныхъ доказательствъ портретъ, взятый толпою въ *казначействѣ*. Онъ оказывается проткнутымъ.

Айзенштейнъ обращаетъ вниманіе суда на то, что отверстіе въ портретѣ четырехъ-угольной формы.

Свидѣца *Нехамкина* показываетъ, что мужъ ея былъ раненъ недалеко отъ участка. Какой-то жандармскій полковникъ велѣлъ городовому убраться въ участокъ. Подошелъ

городовой (опознаетъ Пахановскаго) и сказалъ первому: «Куда ты берешь этого жида, его надо убить», и ударилъ ея мужа.

Свид. *Лерманъ* наблюдалъ, между прочимъ, такую картину: стоитъ толпа какихъ-то субъектовъ; среди нихъ агитируетъ какой-то чиновникъ и, между прочимъ, говоритъ: «жиды хотѣли избрать Шмеркова царемъ, бейте ихъ». Видѣлъ свидѣтель также, какъ у бульвара городской Богдановъ погнался за однимъ евреемъ, ударилъ его обнаженной шашкой, послѣ чего тотъ упалъ.

Свид. *Ромъ* видѣлъ, какъ по Греческому переулку бѣжалъ какой-то матросъ; одна женщина стала кричать: «держите его, онъ убилъ кантора синагоги», но какой то городской толкнулъ кричавшую, и матросъ безпрепятственно скрылся.

Свид. *Нейманъ* показываетъ, что возлѣ дома Христофорова его ударилъ шашкой городской Богдановъ.

— Когда я спросилъ его: «за что?», то онъ отвѣтилъ: «ты, жидъ, послѣ разсуждать будешь».

Свид. *Брескій* показываетъ, что еще до погрома его встрѣтилъ фабричный инспекторъ Демикели и возмущенный разсказывалъ ему, что его встрѣтилъ рабочій, который сообщилъ ему, что къ нимъ на постройку явился приставъ и сказалъ, что «сегодня все, что угодно, можно дѣлать».

Свид. *Благодарскій* самъ пострадалъ во время погрома. Ему сломали ногу, убили жениха его дочери, Гольдина, и совершенно разгромили магазинъ.

— Когда во время разгрома магазина пришла моя жена, то громили стали кричать: «жидовку не бейте, убейте жида», кричали также: «бей, нашъ хозяинъ Лагутинъ заплатитъ».

Въ виду несоотвѣтствія въ его дальнѣйшихъ показаніяхъ съ его показаніями у слѣдователя, послѣднія оглашаются. Тамъ, оказывается, онъ, между прочимъ, показалъ: «Я сталъ просить громилъ не убивать жениха моей дочери, а лучше взять товаръ, тогда кто-то крикнулъ: «намъ торопиться некуда, теперь полиція и губернаторъ наши, а «жидовокъ не велѣно убивать». Свидѣтель вспоминаетъ и подтверждаетъ эти показанія.

Свид. *Моисей Виторгочъ* показываетъ, что избитаго его арестовали и помѣстили въ кордегардію. Вечеромъ полковникъ Загоскинъ его отправилъ въ больницу. Вообще въ этотъ день, по словамъ свидѣтеля, всѣмъ распоряжался Загоскинъ.

Свид. *Мих. Виторгочъ* съ своего балкона видѣлъ, какъ громили били одного человѣка у магазина Вихмана, а другого возлѣ костела; при этомъ стояли два городскихъ съ револьверами въ рукахъ (одного—подсудимаго, Кузьменко, онъ опознаетъ). Свидѣтель видя избіенія, крикнулъ городovýmъ: «отнимите дубины»; въ это

время кто то нагнулся къ землѣ и на балконѣ градомъ полетѣли камни. Послѣ этого начался уже разгромъ магазина Виторгона. Кромѣ того, свид. заявляетъ, что никогда онъ съ балкона не стрѣлялъ, что многими ему приписывается, но еслибы онъ это сдѣлалъ, то ни на минуту не задумался бы это подтвердить.

Свид-ца *Е.* *Виторгонъ* видѣла съ своего балкона, какъ городовые кололи шашками одного лежавшаго уже раненаго человѣка. Ея сынъ крикнулъ прѣбжавшему мимо офицеру съ эскадромъ: «за что убиваютъ человѣка?», но офицеръ рпѣхалъ дальше.

Свид. *Гринъ* во время суматохи на бульварѣ побѣжалъ по направленію къ синагогѣ. По дорогѣ эскадронцы избили его нагайками. Послѣ, когда онъ уже находился въ синагогѣ, раздался выстрѣлъ.

— Я, рассказываетъ дальше свидѣтель, приперъ дверь, выскочилъ въ окно. Тамъ уже стоялъ человѣкъ съ дубиной, который ударилъ меня по плечу. Я побѣжалъ дальше; на меня опять напали и стали бить дубинами. Я побѣжалъ въ Салгирь. Въ меня выстрѣлили, но не попали. Тогда бросили въ меня камнемъ и попали въ голову. Я упалъ и притворился мертвымъ. Громилы подошли, обыскали меня, отобрали золотые часы, вырѣзали карманъ. Я все молчалъ. Чтобы удостовѣриться, живъ ли я, одинъ нанесъ мнѣ сильный ударъ, такъ что вышибъ одинъ зубъ. Несмотря на страшную боль я все не двигался. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ подошли какихъ то два русскихъ и охраняя отъ громилъ, повели меня въ какой то дворъ.

Послѣ допроса этого свидѣтеля засѣданіе объявлется закрытымъ до 8 ч. утра слѣдующаго дня.

Засѣданіе 12-го мая.

Засѣданіе начинается сегодня нѣсколько позже обыкновеннаго. Допросъ свидѣтелей идетъ быстро. Первымъ допрашивается свид. *Литкичъ* (начальникъ отдѣленія казенной палаты).

-- Когда происходили насилія, показываетъ свидѣтель, я находился во второмъ этажѣ казенной палаты; изъ окна своего кабинета я видѣлъ, какъ громилы убили трехъ человѣка. Это происходило на глазахъ полиціймейстера Кузьменко. Одинъ изъ убійцъ даже подошелъ къ нему и о чемъ то съ нимъ бесѣдовалъ. Кузьменко улыбался. Между прочимъ, я замѣтилъ, что большинство громилъ были въ одинаковой одеждѣ.

Кромѣ того, свид. былъ очевидцемъ такого эпизода. Бѣ-

жить по улицѣ какой то человѣкъ, а за нимъ по пятамъ гонится громила съ дубиной. Въ это время показалась полурота солдатъ съ офицеромъ во главѣ. Преслѣдуемый человѣкъ подбѣгаетъ къ офицеру и, очевидно, просить о защитѣ, но послѣдній, не обращая на него вниманія, проѣзжаетъ дальше. Видѣлъ также свидѣтель, какъ по улицѣ проѣзжалъ губернаторъ съ чиновникомъ Гесселемъ. Громилы съ нимъ раскланялись и онъ имъ отвѣтилъ.

Айзенштейнъ. Вы, кажется, распорядились о томъ, чтобы всѣхъ спасавшихся евреевъ выпускали въ казенную палату. А не помѣшалъ ли кто нибудь вашему распоряженію?

— Да, пришелъ полковникъ Загоскинъ и приказалъ выгнать всѣхъ укрывшихся у насъ евреевъ.

— А что рассказывали вамъ ваши сослуживцы о томъ, что происходило на пожарномъ дворѣ?

— Рассказывали, что тамъ бросали камни въ раненыхъ и убитыхъ.

— А кто, по вашему мнѣнію, распорядился всѣмъ во время погрома?

— Судя по непосредственному впечатлѣнію, никто, но мнѣ говорили, что Загоскинъ.

Прокуроръ. А не получалось ли впечатлѣнія, что полиція растерялась во время погрома?

— Какъ же она могла растеряться, разъ въ ея распоряженіи было столько войска?

Свид. *Глазовъ* показываетъ: черезъ нѣсколько дней послѣ погрома ко мнѣ подошелъ городской Морозовъ и сказалъ: «Меня, вотъ, обвиняютъ въ убійствахъ и хотятъ арестовать, а я все знаю и готовъ все выдать, лишь бы меня не арестовали. Я былъ возлѣ участка, гдѣ стояли Кузьменко и Загоскинъ, которые послали солдатъ къ синагогѣ. Видѣлъ я также, какъ Загоскинъ выгонялъ изъ участка спасавшихся евреевъ. Намъ же, городovýmъ, не велѣно было вмѣшиваться. Когда губернаторъ пріѣхалъ въ участокъ, то отдалъ приказъ выпустить для усмиренія бывшія тамъ войска, но ихъ не выпускали. Я видѣлъ, какъ убивали на бульварѣ, но мы не виноваты, намъ наше начальство велѣло. Вотъ я сниму шинель, уйду со службы, тогда и раскрою всю ихъ подлость».

Свид. д-ръ *Гинзбургъ* почти всю ночь послѣ погрома дежурилъ въ богоугодномъ заведеніи и, между прочимъ, у раненаго Кудашевича. Послѣдній сказалъ ему, что его ранилъ городской Богдановъ. Не сказалъ онъ это слѣдователю, такъ какъ не вѣрилъ въ судъ и считалъ, что онъ будетъ, подобно гомельскому, только «комедіей».

Свид. *П. Ивановъ* (чиновникъ акцизнаго вѣдомства) также видѣль, какъ на глазахъ полиціи убивали совершенно безпрепятственно. Такъ, напримѣръ, когда убивали одного еврея у Θεодосійскаго моста, возлѣ участка находились губернаторъ, полиціймейстеръ и Загоскинъ.

Показанія остальныхъ, допрошенныхъ свидѣтелей ничего новаго въ себѣ не заключаютъ и подтверждаютъ только установленное допрошенными уже свидѣтелями.

Засѣданіе 15-го мая

Первымъ допрашивается свидѣтель *Ш. Дуванъ* (прис. пов., гласный думы). Свид. показываетъ, что еще въ февралѣ 1905 года въ городѣ появилась масса прокламацій, возбуждавшихъ населеніе противъ евреевъ, которые тамъ назывались врагами Россіи.—«Я, отъ имени нѣкоторыхъ гласныхъ, обратился къ городскому головѣ съ предложеніемъ обратить вниманіе начальника губерніи на то, что полиція равнодушно смотритъ на открытое возбужденіе національной и религіозной вражды. По поводу неоднократно повторявшихся избіеній молодежи полиціей дума рѣшила произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ низшихъ чиновъ полиціи, но губернское присутствіе отмѣнило это постановленіе думы. Затѣмъ уже послѣ погрома думой была образована комиссія для разслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ его. Тамъ же въ думѣ производилъ дознаніе и правитель канцеляріи губернатора Терлецкій. Подавляющее количество показаній противъ чиновъ полиціи, повидимому, заставило г. Терлецкаго уклониться отъ дальнѣйшаго разслѣдованія».

Далѣе свидѣтель показываетъ, что послѣ погрома ему приходилось бесѣдовать съ губернаторомъ Волковымъ по поводу погрома. По словамъ свидѣтеля, Волковъ признавалъ себя виновнымъ въ томъ, что допустилъ погромъ. Онъ только оправдывался тѣмъ, что во время не зналъ о размѣрахъ погрома. «Меня, говорилъ онъ,—окружали люди, которые скрывали отъ меня дѣйствительность».

Свид. *Аверкіевъ* (прис. пов.), между прочимъ, рассказываетъ, что послѣ погрома состоялось засѣданіе думы, на которое приглашенъ былъ губернаторъ. Онъ заявилъ, что погрома невозможно было предупредить, такъ какъ произошелъ онъ совершенно неожиданно. «Между нами произошло рѣзкое объясненіе, кончившееся тѣмъ, что Волковъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ сюда не препираться съ гласными».

Свид. *Осаковский* показываетъ, что слыхалъ, какъ возлѣ

магазина Тарасова одинъ околоточный надзиратель сказалъ толпѣ: «что вы стоите, идите разбивайте, убивайте, мы за вами, и солдаты вамъ тоже ничего не сдѣлаютъ».

Свид. *Тимченко* показываетъ, что во время разгрома лавокъ солдаты били въ барабанъ. Когда онъ спросилъ, что это означаетъ ему, сказали, что бой въ барабанъ означаетъ «отступление отъ магазина». Еще во время манифестации свидѣтель видѣлъ у многихъ участниковъ дубины въ рукахъ. На его вопросъ: «зачѣмъ эти дубины?»—одинъ городской сказалъ ему: «молчи, жиновъ лупить будемъ». Подлѣ магазина Меримскаго толпа громилъ стояла въ нерѣшительности. Подошелъ околоточный надзиратель и кивкомъ головы направилъ ихъ дальше. Послѣ погрома въ толпѣ на базарѣ, по словамъ свидѣтеля, говорили: «полиція раньше подучила бить, а теперь въ тюрьму сажаетъ».

Свид. *Левинъ* слышалъ, какъ городской 3-й части сказалъ толпѣ: «Пойдемте, посчитаемся съ жидами, вамъ ничего не будетъ». Фамилія этого городского Егоровъ. На бульварѣ толпа, по словамъ свидѣтеля, говорила, что губернаторомъ позволено 3 дня громить.

Свид. *Г. Лурье* слышалъ, какъ еще до погрома на углу Салгирной и Дворянской ул. околоточный надзиратель Загнойко, стоявшій вмѣстѣ съ приставомъ, говорили толпѣ: «У васъ есть флаги, есть и портреть, а вы спите, жида же ходятъ съ красными флагами; вы дождетесь того, что жида завладѣютъ вашимъ царствомъ».

Засѣданіе 16-го мая.

Засѣданіе открывается слѣдующимъ заявленіемъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, прочитаннымъ прис. пов. Л. Я. Айзенштейномъ.

«Въ засѣданіи 7-го мая, на которомъ присутствовали въ залѣ суда и лица военнаго сословія, во время допроса подъ присягой свидѣтеля Антона Пфейфера, защитникъ подсудимыхъ, присяжнчій повѣренный г. Булацель, заявилъ, что показаніе Пфейфера «клевета на русскую армію, которая нужна только тѣмъ, кто даже изъ судебного дѣла хочетъ создать клевету и возвести ее на русскую армію». Не желая вносить въ судебное дѣло страстности, ни поддаваться чувству естественнаго раздраженія, вызванному этимъ заявленіемъ г. Булацеля, мы, повѣренные гражданскихъ истцовъ, сочли неудобнымъ тогда же

возражать защитнику, а въ послѣдующихъ засѣданіяхъ г-нъ Булацель отсутствовалъ. Въ настоящее же время мы, повѣренные гражданскихъ истцовъ, руководствуясь 630, 631 и 611 ст. уст. угол. суд., считаемъ необходимымъ заявить слѣдующее: «Принимая во вниманіе: 1) что права защиты точно опредѣлены закономъ, именно 745 ст. уст. уг. суд., 2) что тѣмъ же закономъ воспрещено защитнику употреблять выраженія, оскорбительныя для чьей бы то ни было личности, 3) что приведенное выше заявленіе г. Булацеля не только заключало въ себѣ оскорбленіе и угрозу въ отношеніи свидѣтеля Антона Пфейфера, могущее весьма неблагоприятно отозваться на показаніяхъ дальнѣйшихъ свидѣтелей, но что оно, помимо того, имѣло, очевидно, цѣлью также вызвать въ извѣстной части общества враждебное отношеніе къ свидѣтелю Пфейферу и къ намъ, представителямъ интересовъ потерпѣвшихъ, 4) что такое поведение г. Булацеля, несомнѣстимое, по нашему мнѣнію, съ достоинствомъ и назначеніемъ уголовной защиты, носило явно вызывающій характеръ,— по симъ основаніямъ мы просимъ судъ: а) занести настоящее заявленіе наше всецѣло въ протоколъ и б) оградить на будущее время свидѣтелей и насъ, повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, отъ повторенія подобныхъ процессуальныхъ нарушеній со стороны г. Булацеля».

Булацель «Заявленіе повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ о томъ, что мое поведение не соотвѣтствуетъ высокому званію присяжнаго повѣреннаго, является по крайней мѣрѣ неумѣстнымъ, ибо статьи закона не даютъ права ни господамъ Айзенштейнамъ, ни господамъ Лебединскимъ, ни другимъ повѣрен. граж. истцовъ входить въ оцѣнку моего поведения. Если мы станемъ входить въ препирательство о томъ, что совмѣстимо со званіемъ присяжнаго повѣреннаго, то я могъ бы привести такія данныя, изъ практики господъ Айзенштейна и его товарищей, отъ которыхъ имъ навѣрно стало-бы неловко. Я сужу, по крайней мѣрѣ, по отчетамъ мѣстныхъ газетъ, которые составляются, повидимому, ихъ же стенографами. Я убѣдился, что, по крайней мѣрѣ, въ мое отсутствіе господа повѣренные гражданскихъ истцовъ всю вину съ подсудимыхъ старались свалить на лицъ, совершенно невиновныхъ и къ погрому не причастныхъ. Впрочемъ, можетъ быть, ихъ стенографы переврали»...

Предсѣдатель, считая заявленіе повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ неумѣстнымъ, отказываетъ имъ въ ходатайствѣ о занесеніи въ протоколъ ихъ заявленія.

Затѣмъ начинается допросъ цѣлаго ряда свидѣтелей, вызванныхъ по ходатайствамъ гражданскихъ истцовъ для установленія размѣровъ понесенныхъ истцами убытковъ.

Въ виду того, что допросъ сегодняшней группы свидѣтелей закончился очень рано, *председатель* предлагаетъ воспользоваться свободнымъ временемъ для прочтенія показаній, данныхъ у слѣдователя отсутствующими по законнымъ причинамъ свидѣтелями. Стороны соглашаются и начинается чтеніе этихъ показаній.

Изъ прочитанныхъ показаній наиболѣе интересно показаніе свидѣтеля *Влад. Мальчевскаго*.

Свидѣтель начинаетъ свои показанія еще съ 16-го октября, когда ему пришлось быть на собраніи приказчиковъ и, между прочимъ, выслушать отъ собравшихся довольно нелестные возгласы по своему адресу, вродѣ: «шпіонъ, бей шпіона» и т. п. Въ тотъ же вечеръ, по словамъ свидѣтеля, ему пришлось, между прочимъ, слышать отъ шедшаго вмѣстѣ съ нимъ помощника полиціймейстера слѣдующую фразу: «ну, теперь—завтра, или на дняхъ—будетъ рѣзня, надо подготовиться къ ней». Далѣе, рассказавъ о томъ, что онъ передалъ полиціи, по ея предложенію все, что происходило на собраніи приказчиковъ, свидѣтель переходитъ къ митингу на бульварѣ 17-го октября. Туда онъ явился вмѣстѣ съ купцомъ Гладковымъ. Къ нимъ вскорѣ присоединился знакомый Гладкова, который, по его собственнымъ словамъ, бѣжалъ изъ Севастополя, такъ какъ тамъ его хотѣли убить. Когда Гладковъ куда то удалился и свидѣтель остался наединѣ съ севастопольскимъ господиномъ, послѣдній, между прочимъ, шепнулъ свидѣтелю на ухо: «уже собираются ребята».

«А позади насъ, рассказываетъ свидѣтель, стояло нѣсколько подозрительныхъ личностей, имѣвшихъ видъ хулигановъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ въ матросской формѣ. Всѣ эти личности то подходили къ знакомому Гладкова (севастопольцу), то отходили отъ него. Онъ повидимому давалъ имъ какія-то инструкціи. Кромѣ того, я хорошо слышалъ, какъ этотъ самый господинъ сказалъ подошедшему къ нему человеку въ матросскомъ костюмѣ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пошелъ въ противоположную сторону и крикнуть: «бей жидовъ», и что въ это же самое время крикнуть и съ этой стороны, гдѣ сидѣли мы. Нѣсколько времени спустя, сбоку кто-то свистнулъ и послышался возгласъ. Это вызвало на бульварѣ общее смятеніе. Когда я обернулся, то «севастопольца» уже не замѣтилъ. Затѣмъ свидѣтель переходитъ къ событіямъ 18-го октября.

— Еще во время шествія манифестации съ портретомъ, рассказываетъ свидѣтель, я замѣтилъ недалеко отъ портрета того же самага господина (севастопольца), который былъ 17-го октября на бульварѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и между прочимъ сказалъ: «вотъ ребята собираются; если вчера не было ничего,

то сегодня, чтонибудь будетъ». Когда раздался первый выстрѣлъ, я побѣжалъ къ дому губернатора. Тамъ стоялъ чиновникъ губернатора, а затѣмъ вышелъ и другой. Стоявшіе тутъ же рабочіе на вопросъ чиновника: «кто это стрѣляетъ?»—отвѣчали: «это стрѣляютъ жида, мы не были къ этому готовы, не знали, что будетъ такая засада». Нѣкоторые изъ толпы даже кричали: «идемте, вооружимся и тоже будемъ бить и стрѣлять». Многіе тутъ же бросились въ садъ, вырывая по пути колья; къ намъ же, стоявшимъ у губернаторскаго крыльца, вдругъ вышелъ губернаторъ; къ нему бросились нѣкоторые изъ насъ, говоря: «Ваше превосходительство, насъ бьютъ жида, мы къ этому не приготовились, насъ много уже убито». Губернаторъ обѣщалъ сейчасъ-же принять мѣры къ прекращенію насилій и просилъ насъ во избѣжаніе новыхъ столкновеній оставить у него портреты, пока все успокоится. Но толпа этого исполнить не пожелала—сказавъ: «мы положимъ свои головы за Царя-Батюшку, но портретовъ вамъ не дадимъ». Раздались крики: «ура». Губернаторъ поклонился, взялъ подъ козырекъ и ушелъ къ себѣ въ комнаты. Толпа съ портретомъ и пѣніемъ гимна направилась по Лазаревской и тутъ же мы замѣтили три трупа. Послѣ этого свидѣтель, оставивъ процессію, подошелъ къ 1 полицейскому участку. «Здѣсь стояли: полиціимейстеръ Кузьменко, полковникъ Загоскинъ, жандармскій подполковникъ, много другихъ чиновъ, войскъ пѣшихъ и конныхъ. Какъ только я подошелъ къ тротуару, прилегающему къ участку, мнѣ представилась слѣдующая картина. Близъ Θεодосійскаго моста, у входа въ городской садъ, со стороны рѣки Салгира, толпа хулигановъ, всѣ вооруженные дубинами, ломали желтыя деревянные ворота у зданія, гдѣ помѣщается синагога Эпштейна. Когда къ этой толпѣ подошли солдаты, она подвинулась нѣсколько внизъ на площадку съ зеленою. Здѣсь хулиганы уже смѣшались съ солдатами.

Далѣе свидѣтель показываетъ, что все время распоряжался жандармскій полковникъ; онъ посылалъ войска къ тюрьмѣ и по городу.

Свид. *Борисъ Зильберштейнъ* *) 18-го октября работалъ въ саду губернатора. Когда манифестация подошла къ дому губернатора, двое изъ толпы, по словамъ свидѣтеля, выдѣлились и зашли къ губернатору. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ нихъ (Канаки) выскочилъ изъ дома губернатора и, махая шапкой, кричалъ толпѣ: «ура, дозволено». Толпа направилась къ

*) По обвиненію въ произнесеніи антиправительственныхъ рѣчей онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ его убилъ одинъ изъ политическихъ заключенныхъ по подоврѣнію въ провокакторствѣ.

Салгирной улицѣ. Далѣе свидѣтель рассказываетъ о фактѣ убійства въ участкѣ.

— Когда я подошелъ къ Ланжерону, я видѣлъ, какъ громилы избивали одного человѣка. Подоспѣлъ приставъ Баланчивадзе, отнялъ у громилъ этого человѣка и повелъ его въ участокъ. Я пошелъ за приставомъ. Тотъ дѣйствительно ввелъ его въ участокъ. Черезъ нѣкоторое время, когда Баланчивадзе уже одинъ вышелъ обратно, со двора участка раздались крики. Въ это время съ бульвара пожарные привезли на дрогахъ труповъ шесть. Когда ворота открылись, я зашелъ во дворъ и сталъ разсматривать трупы. Я сразу увидѣлъ трупъ человѣка, котораго приставъ Баланчивадзе только что ввелъ живымъ въ участокъ. Голова его была сильно изуродована и вся въ крови».

Далѣе свидѣтель рассказываетъ, что уже 20-го октября, когда онъ работалъ въ саду губернатора, къ нему тамъ подошла губернаторша и спросила, давалъ ли онъ показанія въ городской управѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, она ушла. На другой день губернаторша расчитала его.

Свид. *Нехамкинъ* показалъ, что на бульварѣ первый выстрѣлъ произвелъ какой-то русскій, при томъ, послѣ того, какъ участники манифестаціи стали перелѣзать черезъ ограду.

Засѣданіе 17-го мая.

Большинство допрошенныхъ сегодня свидѣтелей даютъ показанія лишь о размѣрахъ убытковъ, причиненныхъ гражданскимъ истцамъ. Только нѣкоторые вызваны свидѣтелями и по дѣлу о насиліяхъ.

Свид. *Вишневскій*, между прочимъ, показываетъ, что, увидя на улицѣ офицера (Политина) съ полуротой, онъ подошелъ къ нему и просилъ его о защитѣ отъ громилъ. Офицеръ, по словамъ свидѣтеля, отвѣтилъ, что ему приказано только ходить назадъ и впередъ.

Булацель вноситъ ходатайство о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля офицера Политина.

— Такая масса свидѣтелей, заявляетъ онъ, какъ, напримеръ, еврей, лишь нѣсколько дней назадъ показывавшій о томъ, что офицеръ, смѣясь, совѣтовалъ одному громилѣ обмѣнять захваченную имъ пару ботинокъ на одну ногу—показываютъ такъ неправдоподобно, что мнѣ хотѣлось бы хоть нѣсколько подорвать довѣріе къ показаніямъ свидѣтелей, передающимъ часто даже то, чего они не видѣли.

Мнѣнія повѣр. гражд. истцовъ по этому вопросу раздѣ-

ляются. Г. *Лебединскій* не встрѣчаетъ препятствій для вызова свидѣтеля. *Айзенштейнъ* и *Лейбзонъ* высказываются противъ вызова свидѣтеля, мотивируя это тѣмъ, что всѣ сроки уже пропущены. Кромѣ того, представители гражданскихъ истцовъ устанавливаютъ, что свидѣтель, показывающій о вышеупомянутомъ офицерѣ (при эпизодѣ съ ботинками), *не еврей*, какъ заявилъ Булацель, а *нѣмецъ*. Судъ постановляетъ ходатайство о вызовѣ свидѣтелемъ Политина обсудить.

Вызываются эксперты сапожники. Всѣ они евреи. Въ виду этого, Булацель обращается къ суду съ ходатайствомъ о вызовѣ экспертами и русскихъ, такъ какъ эксперты евреи, хотя и не приходится родственниками потерпѣвшимъ, но находятся въ такой степени свойства съ ними по крови и по національности, что имъ наврядъ ли удастся отдѣлаться отъ естественнаго чувства сродства.

Лейбзонъ протестуетъ противъ раздѣленія Булацелемъ экспертовъ «на два міра». Передъ судомъ нѣтъ разницы между евреемъ и русскимъ: нѣтъ основаній не довѣрять экспертамъ, показывающимъ подъ присягой такъ же, какъ и русскіе.

Судъ удаляется для совѣщанія. Черезъ нѣсколько минутъ объявляется рѣшеніе суда: въ ходатайствахъ, какъ о вызовѣ свидѣтеля Политина, такъ и о вызовѣ русскихъ экспертовъ отказано.

Затѣмъ, въ виду свободнаго времени, начинается чтеніе показаній отсутствующихъ свидѣтелей.

1) Свидѣтель *Кузьменко* (бывш. симферопольскій полицій-мейстеръ, нынѣ покойный) считаетъ основной причиной погрома революціонную смуту, которая возбудила недовольство среди благонамѣренной части населенія. Во время погрома онъ, Кузьменко, былъ боленъ, растерялся, войскъ было недостаточно, а кромѣ того, совершенно не имѣя на то права, распорядился городовыми полковникъ Загоскинъ. Громили неоднократно угрожали свидѣтелю, когда онъ пытался удерживать ихъ отъ убійствъ и разгрома.

2) Свид. *Дан. Зартыцкій*, будучи раненъ, хотѣлъ вбѣжать въ ворота 1-й части, но полковникъ Загоскинъ ударилъ его ногой въ животъ и крикнулъ: «бейте жида».

3) Свид. *Баласный* видѣлъ, какъ во главѣ людей, ворвавшихся на бульваръ, шли пристава 1-й и 2-й части и нѣсколько городовыхъ. Толпа брала изъ-за сторожки короткія дубины, *не очищенныя*. Помощникъ приставъ Чупринко ударилъ шашкой по лицу Гинзбурга, котораго тутъ-же хулиганы доби́ли дубинами. Тотъ же Чупринко ударилъ шашкой по головѣ Кравцова, но у того слетѣла шапка. Свидѣтель видѣлъ, какъ Ермоленко

ударилъ шашкой Спиро, а затѣмъ, вернувшись въ садъ, онъ замѣтилъ, что Кравцовъ очутился между Чупринко и Ермоленко. Первый ударилъ Кравцова шашкой по головѣ, такъ что тотъ покачнулся, а Ермоленко нанесъ ему еще ударъ, послѣ котораго тотъ уже упалъ на землю. Подскочилъ хулиганъ съ дубиной и добилъ Кравцова.

Засѣданіе 18-го мая.

Приводимъ только наиболѣе существенныя показанія допрошенныхъ сегодня свидѣтелей.

Свид. *Сматовскій* слышалъ, какъ возлѣ первой части какіе то люди шептались съ полицейскими. Говорили: «сегодня покажемъ жидамъ». При выходѣ изъ участка какихъ-то людей онъ видѣлъ въ ихъ рукахъ палки. Кромѣ того, оглашаются показанія этого свидѣтеля у слѣдователя. Тамъ, оказывается, онъ, между прочимъ, говорилъ: «во дворѣ участка стояло 15 чел.; вышелъ писецъ Бураковъ и сказалъ: «я служу царю и еще послужу сегодня». Я спросилъ фельдфебеля Сыворотку, что это значитъ; онъ меня толкнулъ и шопотомъ сказалъ: «молчи, эти люди подкушлены полиціей».

Свид. *Бор. Нейманъ*, когда начался погромъ, бросился вмѣстѣ съ своими братьями изъ бульвара на улицу. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ городской Богдановъ и задержалъ старшаго брата. Потомъ свидѣтелю сообщили, что братъ его, котораго задержалъ Богдановъ, лежитъ въ больницѣ съ пробитой головой, выбитымъ зубомъ и сломаннымъ пальцемъ. Братъ сказалъ свидѣтелю, что ранилъ его Богдановъ.

Булацель. Чѣмъ вы объясняете, что городской ранилъ еврея, вѣдь вы къ боевой дружинѣ не принадлежали?

— Я никогда не принадлежалъ.

— Теперь, псжалуй, городовые будутъ злы на евреевъ за то, что свидѣтели евреи ложно на нихъ показываютъ, но тогда почему сердился на васъ городской?

— Не знаю.

Лейбзонъ протестуетъ противъ запугиванія Булацелемъ свидѣтеля и проситъ занести въ протоколъ фразу Булацеля о томъ, что «городовые будутъ злы на свидѣтелей». *Предсѣдатель* отказываетъ.

Свид-ца *Файнбергъ* показываетъ, что видѣла входящими въ участокъ какихъ-то людей, которые, выходя оттуда, несли подъ поддевками дубины.

Свид. *Шнаковъ* (гимназистъ) видѣлъ какъ на глазахъ полицій-

мейстера происходилъ разгромъ магазина Виторгона, новыстрѣла съ балкона не слыхалъ.

Прокуроръ. Если бы былъ выстрѣлъ, слышали ли бы вы его? — Конечно, но его не было.

Свид. *Модзалевскій* показываетъ, что видѣлъ, какъ помощникъ пристава Чупринко разгонялъ громилъ, защищалъ преслѣдуемыхъ и вообще являлся строгимъ исполнителемъ закона.

Айзенштейнъ. Васъ вызвали или вы сами явились къ слѣдователю?

— Когда я узналъ, что Чупринко обвиняется въ насиліяхъ, моя совѣсть подсказала мнѣ, что я долженъ пойти и рассказать всю правду о немъ.

Булацель. Скажите, свидѣтель, гдѣ помѣщалась камера слѣдователя?

— Въ домѣ еврея Розенштейна, въ какой-то преисподней.

— Такъ что многіе русскіе, можетъ быть, боялись ходить туда давать свои показанія?

— Не знаю, можетъ быть.

Булацель обращается къ суду съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Многіе изъ недопрошенныхъ свидѣтелей заявляютъ мнѣ, что не могли пойти къ слѣдователю дать свои показанія, благодаря опасной обстановкѣ, гдѣ принимались эти показанія. Въ виду этого я прошу разрѣшить мнѣ выяснить обстановку «преисподней», въ которой находилась камера судебного слѣдователя».

Предсѣдатель заявляетъ, что насколько ему извѣстно, по мѣщеніе подъ камеру слѣдователя было отведено городской управой. Другихъ свѣдѣній по этому вопросу при дѣлѣ нѣтъ.

Послѣ этого начинается чтеніе показаній отсутствующихъ свидѣтелей.

Свид. *Еф. Козерманъ* показалъ, что послѣ погрома Влад. Гербштейнъ указывалъ на Лагутина, какъ на подстрекателя къ разгрому магазина Брезнера. Утромъ 18-го октября свидѣтель слышалъ слѣдующія слова Гладкова, обращенныя къ Лагутину: «вотъ жидки радуются, что имъ дана свобода; черезъ полчаса имъ будетъ дана хорошая свобода; головы имъ всѣмъ отрѣжутъ». Кромѣ того, свидѣтель показываетъ, что за нимъ гнался городской съ обнаженной шашкой.

Свид. *Н. Слюдикъ* показываетъ, что по окончаніи убійствъ полиціймейстеръ Кузьменко сказалъ собравшимся у 1-го участка громиламъ: «спасибо братцы; идите уже по домамъ».

Свид. *А. Фриизъ* видѣлъ, какъ приставъ Багаль ударилъ обнаженной шашкой по головѣ спасавшагося человѣка. Тотъ упалъ и на него набросились громилы.

Свид. *М. Пухинъ*, идя утромъ на бульваръ, слышалъ какъ какой-то полицейскій чинъ остановилъ шедшаго туда же мальчика лѣтъ 12—14 со словами: «не иди туда, тамъ рѣзня будетъ». Свидѣтель предупредилъ объ этомъ на митингѣ, но ему отвѣтили: «намъ трусовъ не нужно». Кромѣ того, свидѣтель видѣлъ какъ верховой полицейскій кричалъ: «бейте жидовъ, теперь свобода».

Засѣданіе 19-го мая.

Сегодня допрашиваются главнымъ образомъ свидѣтели, вызванные по ходатайству обвиняемыхъ. Засѣданіе открывается допросомъ свид. *Терлецкаго* (правителя канцеляріи губернатора).

Булацель. Скажите, свидѣтель, дѣйствительно ли администрація хотѣла устроить погромъ?

Свид. Ничего подобнаго.

— Находилъ ли губернаторъ удовольствіе въ погромѣ, не любовался ли онъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, картиной насилій и прочъ?

— Не знаю, я былъ въ канцеляріи и подготавливалъ донесеніе губернатору въ связи съ опубликованными свободами.

— Неизвѣстно ли вамъ, что демонстранты стрѣляли въ манифестантовъ?

— Не знаю.

— А не поручалъ ли вамъ губернаторъ узнать, стрѣляли ли въ его подчиненныхъ, не угрожала ли имъ опасность?

— Нѣтъ, дознаніе я велъ по поводу погрома по приказу губернатора въ городской управѣ, а затѣмъ видя, что дѣло идетъ объ обвиненіи чиновъ полиціи, я дознаніе прекратилъ, такъ какъ это уже не входило въ мою компетенцію.

— Были ли допрошены исключительно евреи?

— Нѣтъ, были и русскіе, хотя большинство—евреи.

Айзенштейнъ. Знали-ли населеніе, что вы производите дознаніе?

— Да, знало.

— Почему же приходили почти исключительно евреи?

— Были и другихъ національностей.

— Не слыхали ли вы, что въ обществѣ послѣ погрома открыто говорили о полиціймейстерѣ Кузьменко, какъ виновникѣ погрома.

— Да, слыхалъ.

Свид. *Муфти-Заде* (прис. пов.) показываетъ, что еще до погрома тов. прокурора Быковъ сказалъ ему, что между де-

монстрантами и манифестантами несомнѣнно произойдетъ столкновеіе.

Булацель. Скажите, свидѣтель, вы видѣли патріотическую манифестацію?

— Да, я ее видѣлъ и поспѣшилъ изъ чувства самосохраненія удалиться отъ нея.

— Если бы вы встрѣтили патріотическую манифестацію, какъ всякій вѣрноподданный, то была ли бы для васъ опасность?

— Меня пугали ужасныя лица участниковъ манифестаціи.

— А демонстрація съ красными тряпками васъ не пугала?

— Тряпокъ я не видѣлъ, а не пугался я ихъ потому, что видѣлъ тамъ и нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ.

Свидѣтели *Мальшевскій и Измановъ*, кромѣ своихъ показаній объ общей картинѣ погрома, заявляютъ суду, что слѣдователь допрашивалъ ихъ подъ угрозами.

Булацель настоятельно проситъ судъ занести послѣднее обстоятельство въ протоколъ. *Предсѣдатель* заявляетъ разъ навсегда, что судъ не желаетъ выслушивать жалобы на слѣдователя. Для этого существуетъ законный путь—обращеніе къ прокурорскому надзору.

Свид *Тимаевъ (ревизоръ контрольной палаты)* видѣтъ, какъ толпа демонстрантовъ съ «красными тряпками» ходила по улицѣ. Одна еврейка сбила извозчику шляпу зонтикомъ.

Булацель. Не говорилъ ли вамъ д-торъ Медишъ, что у него лѣчилась одна артистка по фамиліи Николаева?

— Да, онъ мнѣ лишь недавно говорилъ, что она видѣла, кто произвелъ первый выстрѣлъ. По ея словамъ, его произвелъ одинъ высокій еврей.

Булацель ходатайствуетъ о вызовѣ д-ра Медиша и артистки Николаевой. Судъ ходатайство относительно Николаевой удовлетворяетъ, насчетъ д-ра Медиша повѣренные гражд. истцовъ и прокуроръ высказываются противъ. Судъ обѣщаетъ обсудить ходатайство.

Затѣмъ допрашивается свид. *Поповъ* (бывшій помощникъ полиціймейстера).

Булацель. Гдѣ вы были во время погрома?

— Я былъ командированъ въ тюрьму, которую разбивали революціонеры.

— А на митингѣ были?

— Нѣтъ.

— А что вы слышали отъ другихъ о рѣчахъ на митингѣ?

— Говорили: «снизверженіе императора» и «долой гнѣлое правительство». Еще за день до погрома я былъ на собраніи у приказчиковъ. Тамъ тоже говорили всякія «противоправитель-

ственные слова». Хотѣли даже сорвать портретъ. Меня же выгнали, даже хотѣли облить «сѣрной кислотой».

— Были ли озлоблены русскіе противъ евреевъ?

— Да, очень сильно.

— А когда началось это озлобленіе?

— Со времени, когда были брошены иконы въ клозетъ д. Бухштаба.

— Почему не предупредили погромъ? Не потому ли, что онъ послѣдовалъ внезапно?

— *Предсѣдатель* (къ Булацелю). Прошу въ такой формѣ не задавать вопросовъ; это уже подсказываніе, а не вопросы.

— *Свид.* Я не знаю, я былъ въ тюрьмѣ.

— *Булацель.* Вотъ здѣсь обвиняются полицейскіе чины въ томъ, что они чуть ли не сами организовали погромъ. А не явился ли погромъ прямымъ отвѣтомъ на непомѣрную и неслышанную дерзость революціонеровъ, вздумавшихъ, что они уже такая сила, что могутъ все дѣлать.

— Нѣтъ, организациі погрома полиціей не было.

Айзенштейнъ. Вы сказали, что тюрьма разбита была революціонерами. А вы сами это видѣли?

— Нѣтъ, мнѣ сказали.

— Вы вотъ говорили, что бросили икону у Бухштаба. А вы сами видѣли?

— Нѣтъ. Я производилъ дознаніе. Нѣкоторые, напримѣръ, прислуги говорили, что бросилъ сынъ Бухштаба.

— А сколько лѣтъ этому сыну?

— Точно не знаю, но онъ малолѣтній.

Свид. Фетисовъ со стороны противоположнаго берега Салгира видѣлъ, будто еврейская молодежь стрѣляла въ офицера, причѣмъ сдѣлали около 60—70 выстрѣловъ, но никого не задѣли.

Айзенштейнъ. А вы гдѣ стояли, *позади* стрѣлявшихъ?

— Да.

— Откуда-же вы знаете, что это были евреи, разъ вы не видѣли лицъ?

— А Богъ ихъ знаетъ (*въ замъ смѣхъ*).

Допрашивается свидѣтель *Кузнецовъ*.

Булацель. Чѣмъ вы объясняете, что, несмотря на вооруженіе евреевъ, ихъ легло больше, чѣмъ русскихъ?

— Не знаю. Всѣхъ христіанъ охватила такая злоба, когда стали кричать: «бьютъ русскихъ!», что готовы были пойти на все. Такъ что, если-бы у меня самого былъ револьверъ, то я тоже стрѣлялъ бы.

Айзенштейнъ. А раньше чѣмъ стрѣлять въ евреевъ, вы не

постарались-бы узнать, дѣйствительно-ли бьютъ русскихъ еврей?

— Говорили всѣ, что евреи бьютъ русскихъ.

Свид. *Смаковскій* рассказываетъ, что во время шествія демонстраціи, съ красными тряпками, одинъ еврей сказалъ ему: «наши жидки еще пифъ-пафъ вамъ сдѣлаютъ».

Булацель. А кто раньше началъ стрѣлять?

— Я не знаю, но *по всей вѣроятности*, тѣ которые были съ красными флагами.

-- А ходили въ городскую управу давать свои показанія?

— Я не ходилъ, ходили туда только революціонеры.

Предсѣдатель просить Булацеля больше о городской управѣ, ничего общаго съ дѣломъ не имѣющей, не задавать вопросовъ, тѣмъ болѣе, что сословный представитель, городской голова, находитъ ихъ лишними.

Булацель. Я очень радъ, что городской голова выказалъ себя заинтересованнымъ лицомъ. Тогда я заявляю противъ него отводъ.

Предсѣдатель (энергично). Извините, это уже поздно. Кромѣ того, и я съ нимъ совершенно согласенъ. И, какъ предсѣдатель, предупреждаю васъ, что если вы будете продолжать не подчиняться моимъ разъясненіямъ, то я васъ лишу слова. Я это сдѣлаю непременно.

Булацель (пожимаетъ плечами и продолжаетъ допросъ свидѣтеля). Вы удостовѣряете подъ присягой, что *послѣ* того, какъ раздался выстрѣлъ съ балкона Виторгона, толпа бросилась и разграбила его?

— Да.

— Почему же вы не показали это-же у слѣдователя?

— Онъ отнесся ко мнѣ очень дерзко.

Предсѣдатель предлагаетъ свидѣтелю не оскорблять представителя суда, по крайней мѣрѣ, въ зданіи суда.

Булацель (обращаясь къ свид.). Скажите вѣжливо.

— Я не знаю, какъ нужно сказать вѣжливо, но когда я пошелъ къ слѣдователю въ его преисподнюю, спустился по одной ступенькѣ, по другой, а тутъ еще и третья, такъ подумалъ: Господи, Боже мой, выберусь ли я обратно отсюда, изъ этой «преисподней»? (*Въ замъ общій смѣхъ*).

Засѣданіе 21-го мая.

Сегодня также допрашиваются почти исключительно свидѣтели защиты.

Свид. *Коробейниковъ*, вызванный по ходатайству подсуди-

маго Крылова, показываетъ, что видѣлъ его у участка и на Лазаревской вмѣстѣ съ манифестаціей.

Булацель. Патриоты были вооружены?

— Боже сохрани: они шли чинно, смирно, у всѣхъ было такое жалостное настроеніе.

Свид. *Колосковъ* (жандармскій вахмистръ) начинаетъ свои показанія еще съ момента, предшествовавшаго погрому и описываетъ свою встрѣчу съ манифестаціей.

Булацель. Принимала ли полиція мѣры къ прекращенію погрома?

— Ваше благородіе, это былъ такой ураганъ, что Богъ его знаетъ!

Айзенштейнъ. Заходили ли вы куда нибудь съ полковникомъ Загоскинымъ удалять публику?

— Да, мнѣ съ Дремовымъ, когда кончился этотъ, извините за выраженіе, ураганъ, приказано было удалить изъ казенной палаты находившуюся тамъ публику.

Свид. *Костинъ* показываетъ, что возлѣ д. Розенштейна, когда проходила патриотическая манифестація съ портретомъ Государя, студентъ Оловяниковъ сказалъ ему: «вотъ идутъ хулиганы и за хулиганомъ скрываются».

Затѣмъ допрашивается нѣсколько татаръ, вызванныхъ по ходатайству обвиняемаго *Ислямъ-Ульмезъ-олму*. Допросъ этихъ свидѣтелей сводится къ выясненію вопроса: гдѣ былъ обвиняемый во время погрома? Каждый изъ нихъ, несмотря на то, что заявляетъ, что они всѣ были вмѣстѣ съ Ульмезомъ, даетъ разнорѣчивыя показанія. По словамъ однихъ, они вмѣстѣ съ Ульмезомъ *поѣхали* домой на дрогахъ, по словамъ другихъ—«поѣхали *тышкомъ*». Послѣднимъ допрашивается вызванный по ходатайству прокурора инженеръ *Пуцеровскій*. Отъ присяги онъ по своимъ убѣжденіямъ отказался и далъ только торжественное обѣщаніе говорить правду. Первому выстрѣлу, какъ увѣряетъ свидѣтель, предшествовалъ какой то свистъ. Почти моментально послѣ выстрѣла изъ аллеи бросилась толпа съ городовымъ во главѣ. Въ рукахъ у нихъ были дубины. Городовой, направивъ револьверъ впередъ, стрѣлялъ и, между прочимъ, выстрѣлилъ въ свидѣтеля, но не попалъ. Нѣсколько юношей,—продолжаетъ свидѣтель,—очевидно, желая напугать громилъ, стали стрѣлять изъ плохенькихъ револьверовъ, но безусловно вверхъ, это я категорически утверждаю. Когда раздались эти выстрѣлы, черносотенцы, какъ трусливые зайцы, стали разбѣгаться.

Булацель прерываетъ свидѣтеля и заявляетъ суду:—хотя я ничего оскорбительнаго въ словѣ «черносотенецъ» не вижу (я самъ черносотенецъ), но тогда позвольте мнѣ свидѣтеля назы-

вать: «жидосотенецъ».

Предсѣдатель просить свидѣтеля слово «черносотенецъ» больше не употреблять. Далѣе свидѣтель рассказываетъ, что видѣлъ, какъ Ермоленко ранилъ Спиро. Затѣмъ свидѣтель хочетъ продолжать, что онъ говорилъ и слышалъ на засѣданіи думы, созванномъ послѣ погрома. *Предсѣдатель* останавливаетъ его.

Засѣданіе 22-го мая

Свид. *Стиридонъ Ивановъ* показываетъ, что видѣлъ у манифестантовъ еще до погрома палки въ рукахъ.

Айзенштейнъ. Не видѣли ли вы, чтобы какой-нибудь полицейскій чиновникъ носилъ окровавленную дубину?

— Да, я видѣлъ. Сейчасъ я замѣтилъ этого полицейскаго чиновника въ свидѣтельской комнатѣ. (Въ свид. комнатѣ находится въ это время лишь одинъ полицейскій чинъ — приставъ Солодиловъ).

— Онъ отобралъ ее у кого-нибудь?

— Нѣтъ.

Послѣ этого вызывается свид. *Сергъ въ* (писатель Сергѣевъ-Ценскій). Во время погрома онъ былъ офицеромъ въ чинѣ прапорщика и находился въ нарядѣ, командированномъ для помощи полиціи.

«Я вмѣстѣ съ нарядомъ находился на базарѣ. Могу удостоверить, что полиція совершенно бездѣйствовала. Уже послѣ погрома я, проходя по Севастопольской улицѣ, замѣтилъ одного субъекта съ подвязанной щекой. Послѣ я у слѣдователя узналъ его по карточкѣ. Фамилія его Любаневъ. (опознаетъ его на скамьѣ подсудимыхъ). Я какъ то обратилъ на него вниманіе. Онъ почему-то счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ слѣдующее откровенное заявленіе: «вотъ это (указываетъ рукою на щеку) подстрѣлили меня пулей. Когда мы проходили мимо бульвара, одна баба какъ стрѣльнетъ въ меня, но мч привыкли глотать жидовскія пули. Я ее тутъ же ухлопалъ. А послѣ мы еще жидовъ 30 уложили». Не знаю, почему онъ такъ откровенно сознался мнѣ въ уголовномъ преступленіи, хотя я былъ въ военной формѣ. Послѣ, когда я узналъ, что начали арестовывать громилъ, я рѣшилъ розыскать челоуѣка, сдѣлавшаго мнѣ откровенное признаніе. Я между прочимъ подошелъ къ постовому городовому и спросилъ его, не знаетъ ли онъ челоуѣка съ прострѣленной и подвязанной щекой и не арестованъ ли онъ. Онъ отвѣтилъ: «хотя онъ намъ извѣстенъ, но зачѣмъ его арестовывать; онъ полиціи полезенъ: онъ ей помогаетъ».

Айзенштейнъ. Вы видѣли разгромъ лавокъ?

— Да. Припоминаю такой случай.

Я съ солдатами былъ командированъ оцѣпить одну лавку и прекратить разгромъ ея. Когда мы вмѣстѣ съ солдатами бросились въ магазинъ, мнѣ сказали, что послѣдовалъ приказъ отступить. Одинъ изъ громилъ, между прочимъ, бросилъ обрубокъ въ кавалериста. Я задержалъ его и велѣлъ отправить для ареста, но онъ куда то ускользнулъ. Кромѣ того свид. рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ.

— Я замѣтилъ, какъ на глазахъ пристава Баланчивадзе громилы преспокойно уносили награбленные вещи. Я обратилъ на это его вниманіе, сказавъ: отчего вы не арестуете ихъ? Онъ сталъ просить громилъ оставить вещи, но не арестовалъ ихъ.

Айзенштейнъ. Вы не помните, когда былъ отданъ приказъ о прекращеніи погрома?

— Очень поздно.

— Когда вы получили приказъ, то вамъ съ трудомъ удалось прекратить погромъ?

— Почти моментально.

— Не припоминаете ли, съ кѣмъ и какой разговоръ вы имѣли послѣ погрома?

— Вечеромъ я, помощникъ пристава Чупринко, помощникъ полиціймейстера Поповъ и другіе чины полиціи сидѣли какъ-то въ трактирѣ. Завязалась бесѣда. Помню, я предложилъ тость: «чтобы никогда больше не повторялось подобное побоище на святой Руси». Компанія приняла его очень неодобрительно. Причемъ пом. полиціймейстера Поповъ какъ-то выразился: «евреевъ еще мало били».

Лейбзонъ. Вотъ вы раньше сказали, что приказъ о прекращеніи вы получили поздно. А до того вы никакихъ приказовъ не получили?

— Нѣтъ.

— Въ солдатъ ктонибудь стрѣлялъ?

— Нѣтъ.

Булацель. Скажите, свидѣтель, вы себя считаете извѣстнымъ писателемъ?

— Я себя не считаю, хотя меня знаютъ.

— Вотъ, вы сказали, что взяли на себя роль сыщика для розыска того человѣка съ подвязанной щекой, который сдѣлалъ вамъ откровенное признаніе въ уголовномъ преступленіи. Ну, а если бы этотъ человѣкъ сдѣлалъ вамъ признаніе въ томъ, что онъ бросилъ бомбу въ Неплюева, то вы также приняли бы на себя роль добровольнаго сыщика?

Предсдателъ останавливаетъ Булацеля. Затѣмъ допраши-

вается въ качествѣ свидѣтеля приставъ *Солодиловъ*.

Айзенштейнъ. Распорядился ли губернаторъ Волковъ не препятствовать процессіямъ?

— Да.

— А почему же, несмотря на это, васъ командировали сопровождать патріотическую манифестацію?

— Городовые были сняты съ постовъ демонстрантами; а чѣмъ руководствовался полиціймейстеръ, командуя меня, не знаю.

Булацель. Значитъ, городскихъ демонстранты «сняли» насиліемъ?

— Да.

— Была ли самооборона?

— По агентурнымъ свѣдѣніямъ была; во время обысковъ у многихъ находили оружіе.

— Изъ какого класса было большинство, которыхъ арестовывали?

— Большею частью изъ мастеровыхъ.

— Не знаете-ли, съ какихъ поръ началось недовольство евреями?

— Съ тѣхъ поръ, какъ начались забастовки.

— Кто же участвовалъ въ нихъ?

— Подмастерья разные.

— А кто руководилъ этими забастовками? политическіе агитаторы?

— Да, при томъ большею частью евреи, какъ напримѣръ, въ забастовкѣ булочниковъ.

— Возможенъ ли былъ погромъ, если бы не начали стрѣлять съ бульвара?

— Нѣтъ, мы даже не готовились.

— Была ли возможность остановить погромъ?

— Это было какой-то шквалъ.

— Почему убито такъ мало русскихъ и много евреевъ, несмотря на то, что послѣдніе были вооружены?

— Думаю, благодаря неопытности и трусости стрѣлявшихъ.

Айзенштейнъ. Вы сказали, что погромъ разразился какъ шквалъ. А разгромъ Екатерининской ул., начавшійся уже позже, тоже былъ шквалъ, который нельзя было предупредить или по крайней мѣрѣ прекратить?

— Намъ никто не давалъ знать.

Лейбзонъ. Били ли городскихъ, когда ихъ «снимали» съ постовъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ вы говорили, что забастовщиками руководили

еврей. А забастовками на желѣзной дорогѣ тоже руководили еврей?

— Не знаю.

Шикъ. Были ли ваши агенты на бульварѣ во время митинга?

— Были.

— Это были переодѣтые городовые?

— Нѣтъ.

— А агенты ваши, изъ какого круга общества?

— Изъ интеллигентскаго. (*Взъ залъ смѣхъ*).

Свид. *Катленко* (помощникъ пристава) показываетъ, что когда увидѣлъ демонстрацію съ красными флагами, даже заплакалъ отъ обиды.

Лебѣдинскій. Вѣдь васъ, вѣроятно, и раньше часто оскорбляли, напримѣръ, пьяные; не обижались же вы? Отчего же вы считали для себя оскорбительными крики подростковъ: «свобода»?

— То пьяный, который не помнитъ себя.

Шикъ. Усматриваете ли въ манифестѣ 17-го октября уменіе власти полиціи?

— Нѣтъ.

Послѣднимъ допрашивается д-ръ *Мединъ*. Вызванъ онъ по настоящему ходатайству Булацеля. Свидѣтель показываетъ, что артистка Николаева, которая у него лечилась, между прочимъ, сказала ему, что первый выстрѣлъ на бульварѣ произвелъ еврей. Когда же свидѣтель спросилъ ее, увѣрена ли она, что это былъ именно еврей, она отвѣтила, что категорически утверждать не можетъ.

Послѣ допроса свидѣтелей Булацель подымаетъ вопросъ о приглашеніи дополнительныхъ экспертовъ, кромѣ вызванныхъ врачей г.г. Янчевскаго, Караева, Раевского и Загарскаго. По его мнѣнію, наиболѣе компетентными экспертами могли бы быть д-ра Благовѣщенскій и Каблуковъ. Судъ послѣ совѣщанія удовлетворяетъ ходатайство защитника только относительно д-ра Каблукова.

Айзенштейнъ, между прочимъ, просить судъ огласить: кто является поручителями обвиняемыхъ Любанева и Конарева?

На вопросъ предсѣдателя Любаневъ отвѣчаетъ, что его поручителемъ является «истинный русскій народъ». Непосредственно же взявъ его на поруки д-ръ Раевскій.

Засѣданіе 23-го мая.

Первымъ допрашивается свид. *Черепанинъ*. (полковникъ).
Булацель. Видѣли-ли вы, какъ громили тюрьму?

— Видѣлъ, но кто именно громилъ, не знаю.

— Не обвиняли ли въ послѣдствіи евреи васъ и войска въ бездѣйствіи?

— Одинъ знакомый еврей какъ то говорилъ, что войска бездѣйствовали.

Прокуроръ. Слыхали ли вы въ толпѣ крики: «долой царя, долой самодержавіе»?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Была ли интеллигентная публика среди манифестантовъ?

— Собственно нѣтъ, были большей частью простолюдины.

Айзенштейнъ. При васъ губернаторъ просилъ толпу у участка бросить палки?

— Да. Это было такъ: уже послѣ избіеній губернаторъ велѣлъ разойтись домой, при этомъ онъ замѣтилъ у нѣкоторыхъ палки и велѣлъ имъ бросить ихъ. Толпа моментально побросала ихъ.

— Кто распорядился войсками?

— По воинскому уставу войска во время волненій дѣйствовали только по указанію полиціи.

— Не говорили ли вамъ послѣ офицеры, что они были обречены на бездѣйствіе?

— Нѣтъ. Я только вызвалъ къ себѣ одного прапорщика, который помѣстилъ въ газетахъ статью въ этомъ смыслѣ. Изъ словъ его я вывелъ заключеніе, что онъ самъ не энергично дѣйствовалъ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выясняется, что этотъ офицеръ—Сергѣевъ-Ценскій, сообщенія котораго въ газетахъ, по увѣренію свидѣтеля, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Заболотный. Скажите, если бы отрядъ войска, проходя по улицѣ, видѣлъ разгромъ лавокъ или вообще безпорядки, то онъ можетъ или долженъ остановить эти безпорядки?

— Дѣйствовать оружіемъ, пока имъ не передана власть, они безъ указанія полиціи не могутъ.

Затѣмъ допрашивается свидѣтель *Матвѣевъ* (полковникъ, командиръ драгунскаго полка).

Булацель. Чѣмъ, по вашему мнѣнію, было вызвано нападеніе русскихъ на евреевъ, и кто раньше стрѣлялъ?

— Первые выстрѣлы раздались изъ бульвара, но кто тамъ стрѣлялъ, не знаю.

— Не выяснили ли вы себѣ потомъ, что у евреевъ была вооруженная самооборона?

— У многихъ арестованныхъ евреевъ находили револьверы.

— Не слыхали ли вы, чтобы толпа молодыхъ евреевъ требовала удаленія войска?

— Помню, губернаторъ какъ-то говорилъ мнѣ о какой-то милиціи

— Вы слыхали впослѣдствіи нареканія на войска и полицію за бездѣйствіе?

Нѣтъ, не слыхаль. Ко мнѣ даже приходилъ г. Бабель и отъ имени еврейскаго о-ва благодарилъ меня. Онъ принесъ даже вознагражденіе.

Лейбзонъ. Нападенія на васъ или вообще на войска были со стороны кого нибудь?

Нѣтъ.

Свид. *Ив. Рязицевъ* показываетъ, что манифестанты запасались палками и досками еще у строившагося дома Гидаевича?

Прокуроръ. Видѣли ли, чтобы полицейскіе стрѣляли въ кого-нибудь?

— Я видѣлъ, какъ одинъ еврей перелѣзалъ черезъ ограду бульвара; полицейскій выстрѣлилъ въ него, а потомъ его добили дубинами.

— Былъ у еврея револьверъ?

— Нѣтъ.

— Видѣли ли вы городского Морозова и гдѣ именно?

— Возлѣ участка; онъ говорилъ толпѣ: «теперь довольно здѣсь, идите на Екатерининскую бить магазины».

Айзенштейнъ. Видѣли ли вы стрѣлявшихъ на бульварѣ городскихъ?

— Видѣлъ двухъ.

— Обратили ли вы вниманіе на одну дѣвушку на бульварѣ?

— Да, она выскочила изъ бульвара и стала креститься, но ее убили.

Свид. *Таракановъ* рассказываетъ о слѣдующемъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто еще за мѣсяцъ до погрома.

— Возлѣ дома Бухштаба проходила политическая демонстрація. Явилась полиція, а также и Гладковъ и разогнали ее. Послѣ этого ко мнѣ какъ то зашелъ помощникъ приставъ Чупринко. Я сталъ спрашивать его о роли Гладкова въ разгонѣ демонстраціи. Онъ отвѣтилъ, что если бы всѣ были такіе какъ Гладковъ, то многихъ нужно было бы перерѣзать. Особенно 12 человекъ, которыхъ онъ тутъ же перечислилъ. Изъ нихъ я запомнилъ братьевъ Неручевыхъ и Лейбмана. Черезъ нѣкоторое время я встрѣтилъ Гладкова и спросилъ его, зачѣмъ онъ кричалъ при разгонѣ демонстраціи: «бей жидовъ». Онъ ничего не отвѣтилъ.

18-го октября, утромъ, свидѣтель видѣлъ Чупринко на

углу Екатерининской и Салгирной ул., въ штатской одеждѣ. Между прочимъ, за нѣсколько дней до этого Чупринко ска- залъ свидѣтелю, что купить новую шашку.

Айзенштейнъ. Не знаете ли вы о разговорѣ вашего зна- комаго Писарскаго съ полиціей?

— Да, Багель говорилъ ему, что надо убить еще Неруче- выхъ и Воскресенскаго.

— Какой приставъ былъ 17-го октября на митингъ въ саду?

— Приставъ Солодиловъ. Онъ, между прочимъ, выразился, что «завтра будетъ противодѣйствіе».

— Что говорилъ г. Коваленко?

— Онъ говорилъ, что боится пойти на митингъ, такъ какъ Черняховскій ему говорилъ, что «заготовлено 300 ду- бинъ».

— Видѣли-ли вы полицію во время погрома?

— Когда громили мой магазинъ, проходили мимо Багель и Солодиловъ, но не остановили разгрома.

Булацель. Скажите, свидѣтель, чѣмъ вы объясняете, что чины полиціи такъ дѣлились съ вами своими мыслями, обо всемъ вамъ рассказывали и проч.?

— Спросите ихъ самихъ.

— Не уклоняйтесь въ сторону, а отвѣчайте прямо на мой вопросъ, если можете?

— Чупринко, напимѣрь, часто выпивалъ со мной вмѣстѣ.

Свидѣтельница *Пилинская* показываетъ, что подсудимый Спиринъ не только не участвовалъ въ погромѣ, но наоборотъ: всячески оборонялъ и защищалъ всѣхъ, особенно женщинъ.

Айзенштейнъ. Когда васъ допрашивалъ слѣдователь,—былъ тамъ и Спиринъ?

— Да

— Вы съ нимъ случайно столкнулись, или пришли вмѣстѣ съ нимъ?

— Нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ. Я прочтала въ газетахъ, что приглашаютъ къ слѣдователю всѣхъ, бывшихъ очевидцами на- силій. Спиринъ мнѣ разъяснилъ и указалъ, куда пойти.

— Съ какой цѣлью вы пошли къ слѣдователю? Вѣдь вы не могли указать ни на одно лицо, которое било или убивало?

— Я думала, что онъ меня спроситъ объ общей картинѣ погрома.

— Но пошли вы къ слѣдователю *послѣ* того, какъ гово- рили съ Спиринымъ?

— Да, послѣ.

Кромѣ того, свидѣтельница, подобно всѣмъ свидѣтелямъ

подсудимыхъ, повторяетъ извѣстныя уже жалобы на «пристрастность» слѣдователя.

Свид. *Аблеизъ-Эмиръ огу* видѣлъ, какъ Чупринко пырнулъ шашкой одного молодого человѣка, выбѣжавшаго изъ бульвара.

Прокуроръ. Не обращался ли къ вамъ Чупринко съ просьбой не показывать противъ него?

— Однажды я сидѣлъ въ магазинѣ Христофорова. Тамъ былъ и Чупринко. Когда я вышелъ, меня нагналъ Чупринко и сказалъ: «если вы что нибудь знаете про меня, не показывайте на судѣ: у меня жена, дѣти».

Айзенштейнъ. Вы видѣли разгромъ магазина Виторгона?

— Да, видѣлъ; тамъ были полиціймейстеръ и другіе полицейскіе чины. Они стояли и смѣялись.

Свид. *Ис. Майтопъ* показываетъ какъ разъ противоположное тому, что показывала свидѣтельница Пилинская. По словамъ Майтопа, подсудимый Спиринъ командовалъ толпой, громилъ у синагоги, крича: «бей, ломай».

Прокуроръ. Не замѣтили ли вы тамъ вблизи даму?

— Нѣтъ.

Айзенштейнъ проситъ объ очной ставкѣ свидѣтеля Майтопа съ свидѣтельницей Пилинской. Судъ удовлетворяетъ просьбу. Оказывается, что свидѣтель не видѣлъ г-жи Пилинской. По ея словамъ, не видѣла и она его.

Засѣданіе 24-го мая.

Сегодня допрашивалась послѣдняя группа свидѣтелей.

Свид. *Ямшицкий* (капитанъ) удостовѣряетъ, что Чупринко въ тотъ моментъ, когда онъ его видѣлъ у бульвара, никого не билъ и никого не подстрекалъ

— Что вы сказали бы, задаетъ *Булацель* вопросъ свидѣтелю, если бы вамъ передали, что офицеръ русской арміи обратился къ одному громилѣ, захватившему въ попыхахъ пару ботинокъ на одну ногу: «дуракъ, иди, обмѣняй»?

— Я знаю, что одинъ свидѣтель говорилъ здѣсь на судѣ объ этомъ. Теперь уже составленъ рапортъ о привлеченіи этого свидѣтеля къ суду.

(Рѣчь идетъ, очевидно, объ Антонѣ Пфайферѣ).

Свид. *Өдоровъ* дать присягу по своимъ убѣжденіямъ отказывается. Онъ, между прочимъ, видѣлъ, какъ одному человѣку, уже лежавшему на землѣ, разворачивали ротъ дубиной, проткнувъ черепъ насквозь: «это ораторъ», приговаривали люди,

глумившіеся надъ трупомъ.

Айзенштейнъ. Вы были при разгромѣ магазина Виторгона?

— Да. Одинъ городской бралъ себѣ вещи оттуда и пряталъ подъ шинель. Подѣхалъ эскадронецъ и также взялъ вещи.

Булацель. Не хотите ли отвѣтить, почему вы отказались принять присягу?

— Вы евангеліе читаете? Тамъ сказано, что Христосъ велѣлъ: не клянитесь ни землей, ни небомъ..

— А вчера почему вы не могли быть допрошены?

— Я былъ выпивши.

— А евангеліе не запрещаетъ пить?

— Если бы правительство закрыло казенки, такъ и не пили бы.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я строитель мельницъ.

Засѣданіе 26-го мая

Засѣданіе открывается экспертизой. Экспертами вызваны врачи: Каблуковъ, Раевскій (город. врачъ), Загарскій (уѣздный врачъ), Янчевскій (врачъ губ. земск. больницы) и Караевъ (врачъ той же больницы).

Даютъ свои заключенія эксперты по протоколамъ осмотра труповъ всѣ вмѣстѣ, не уходя изъ зала засѣданія. Экспертиза сводится главнымъ образомъ къ вопросу, какимъ оружіемъ были нанесены раны.

Среди экспертизы вдругъ поднимается Булацель и дѣлаетъ слѣдующее заявленіе суду: «я получилъ отъ свидѣтеля полковника Черепихина официальное сообщеніе съ копіею его отношенія на имя суда по поводу его показаній. Въ этомъ сообщеніи онъ заявляетъ, что пропустилъ существенныя подробности. Въ виду этого прошу судъ о вторичномъ допросѣ». *Предсѣдатель* послѣ совѣщанія съ членами суда удовлетворяетъ ходатайство Булацеля и распоряжается о вызовѣ по телефону полковника Черепихина. Въ это время дверь открывается и въ залъ суда появляется г. Черепихинъ. Предсѣдатель предлагаетъ ему дать свои дополнителныя показанія.

Черепихинъ. На второй день послѣ погрома ротные командиры докладывали мнѣ, что къ нимъ являются владѣльцы магазиновъ, преимущественно евреи, и предлагаютъ деньги для солдатъ за ихъ тяжелую, доблестную службу по охранѣ магазиновъ отъ разгрома. Командиры просили указаній—какъ быть съ деньгами. Я сказалъ имъ, чтобы они денегъ не брали,

такъ какъ это не соотвѣтствуетъ воинскому званію. Такъ какъ нѣкоторые командиры уже взяли деньги, то я приказалъ имъ вернуть ихъ обратно. Въ концѣ октября ко мнѣ явился отъ имени еврейскаго общества г. Бабель, который вручилъ мнѣ собранные имъ среди евреевъ въ благодарность солдатамъ около 800 рублей. Я сказалъ, что денегъ не возьму, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ высокому званію военныхъ, призванныхъ защищать всякаго.

Булацель. Въ виду чего вы считаете эти факты важными?

— Въ виду того, что здѣсь на судѣ раздавались упреки по адресу войска.

— Вы указываете на это, какъ на обстоятельство, разрушающее тѣ гнусныя инсинуаціи, которыя раздавались здѣсь на судѣ?

— Да.

Шикъ. Когда, приблизительно, предлагали въ благодарность деньги?

— Числа 27--28 октября.

— Въ теченіе этого времени въ городѣ было тревожно и роты занимали караулы?

— Да.

— Можетъ быть, евреи благодарили не за 18 октября, а за послѣдующія дѣйствія войскъ по охранѣ города?

— Не знаю, войска все время вели себя доблестно.

Затѣмъ опять возобновляется экспертиза. Устанавливается много случаевъ рѣзанныхъ и пулевыхъ ранъ. Мнѣнія экспертовъ часто раздѣляются, въ особенности по вопросу о рѣзанныхъ ранахъ.

Послѣ экспертизы одинъ изъ подсудимыхъ—Рудневъ встаетъ и заявляетъ суду, что онъ совершенно отказывается отъ защиты г. Булацеля, которая только компрометируетъ его и не соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ.

Затѣмъ осматривается имѣющійся въ качествѣ вещественнаго доказательства портретъ Государя, проткнутый, по показаніямъ свидѣтелей и экспертовъ, палкой. При предоставленіи портрета для осмотра прокурору, послѣдній дѣлаетъ заявленіе: что на портретѣ онъ находитъ отверстіе больше того, которое было замѣчено при первомъ осмотрѣ на судѣ. Заявленіе производитъ сенсацію.

Затѣмъ объявляется перерывъ засѣданія до 11½ часовъ 27-го мая, когда и начнутся пренія сторонъ.

Пренія сторонъ.

Въ виду того, что процессъ крайне долго затянулся, судъ съ согласія сторонъ назначилъ начало преній на 27 ое мая, несмотря на воскресный день. Къ началу преній, залъ былъ буквально переполненъ публикой. Сидятъ на приставныхъ стульяхъ, стоятъ въ проходахъ свидѣтельскихъ комнатъ, нѣкоторые сидятъ даже на полу. Засѣданіе начинается ровно въ 12½ час.

Слово предоставляется товарищу прокурора г. Канишевичу.

Рѣчь тов. прокурора.

«Г.г. судьи и господа сословные представители! 17-го октября 1905 года съ высоты престола были провозглашены и дарованы народу свободы. У насъ въ Симферополѣ манифестъ объ этихъ свободахъ получился лишь 18-го октября. Казалось бы -- этотъ день долженъ былъ быть днемъ народнаго ликованія и торжества. Въ этотъ день жители безъ различія вѣроисповѣданія и національности должны были преисполниться благодарностью къ тому, который даровалъ эти блага. И что же? начался этотъ день; дѣйствительно ликованіемъ, но закончился онъ ужасными злодѣяніями, убійствами и разгромами. Многіе, еще утромъ богатые и здоровые, оказались къ вечеру нищими и мертвыми. Кому, однако, нужны были всѣ эти ужасы, страшная картина которыхъ прошла передъ вами, г.г. судьи, изъ свидѣтельскихъ показаній? Не страшный ли это кошмаръ? Къ сожалѣнію, это не кошмаръ, а ужасная дѣйствительность. Но не только эти подсудимые принимали участіе въ погромѣ. Если бы хотѣли судить не только этихъ подсудимыхъ, то многіе и многіе счастливыцы не избѣгли бы правосудія. Если же они, однако, избѣгнуть здѣсь суда, то дадутъ отвѣтъ передъ другимъ судомъ...

Перейдемъ, однако, непосредственно къ событіямъ 18 октября въ томъ порядкѣ, въ какомъ они постепенно развертывались».

Сдѣлавъ краткое описаніе послѣдовательнаго хода событій и «кровавой бойни», извѣстныхъ уже изъ показаній свидѣтелей, представитель обвиненія говоритъ:

«А между тѣмъ, какъ легко можно было избѣжать этой бойни. Стоило только группѣ молодежи съ красными флагами бросить ихъ, взять портретъ Государя и національные флаги и пойти по городу, и вмѣсто двухъ шествій получилось бы одно величественное народное шествіе.

Но имъ помѣшали это сдѣлать ихъ молодость, горячность и политическія убѣжденія. Оба шествія употребляли насилія; такъ, заставляли снимать шапки и т. п. Но демонстранты должны были бы знать, что царь и отечество—святыни для русскаго челоуѣка. Они должны были понимать, что, выкинувъ красный флагъ, они могли разсчитывать на противодѣйствіе.

Здѣсь говорили, что отношенія между евреями и христіанами были хороши. Я допускаю, что въ обыденной жизни это такъ, но съ религіозной и политической точки зрѣнія нѣтъ. Инициаторами забастовокъ и освободительнаго движенія въ глазахъ русскіхъ были, несомнѣнно, евреи. А то почему же на бульварѣ убивали только евреевъ? Конечно, убиты были и одинъ русскій и одинъ татаринъ, но вопросъ еще, кто убилъ татарина, такъ какъ упалъ онъ, по показаніямъ свидѣтелей, послѣ выстрѣла Дремова. Почему же пострадали только евреи? вѣдь, кромѣ евреевъ, въ Россіи живетъ много національностей, но исторія не знаетъ случаевъ, чтобы возгласы «бей ихъ» имѣли бы популярность. Почему погромы евреевъ начались еще въ первыя времена христіанства? Я думаю, г. г. судьи, что *религіозная рознь* была причиной непріязненнаго отношенія къ нимъ. Мнѣ могутъ сказать, что еврейскихъ погромовъ раньше не было. Да, пусть такъ, но это было потому, что не было повода къ погрому. Достаточно было-бы только появиться этому поводу, чтобы искра вспыхнула въ пламень.

Здѣсь пытались доказать, была ли у насъ организація погрома. При тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что ея не было. Быть можетъ, евреи на бульварѣ были въ роли нападающихъ? По крайней мѣрѣ, я этого отрицаю: выстрѣлы раздались лишь послѣ появленія на бульварѣ манифестантовъ, да и первый залпъ раздался вверхъ. Показаніе пристава Багеля въ противоположномъ смыслѣ, по моему, совершенно не заслуживаетъ довѣрія...

Настоящій процессъ является не совсѣмъ обыкновеннымъ. Рядомъ съ частными лицами сидятъ и полицейскіе чиновники, виновные еще въ болѣе тяжкомъ преступленіи, а именно: злоупотребленіи своей властью. Въ силу убѣжденія и предоставлен-

ной мнѣ закономъ власти, отказываюсь отъ обвиненія Альфутова, Бобошина, Букрѣва, Чижа, Илюшечкина и Музалева. Что же касается остальныхъ обвиняемыхъ, то, по показаніямъ цѣлаго ряда свидѣтелей, виновны: *Анастасовъ*—въ грабежѣ и избіеніи палкой евреевъ *Бродяскій*—въ грабежѣ и убійствѣ Розенштейна. *Василевскій*—въ убійствѣ челоуѣка на Θεодосійской улицѣ, избіеніяхъ и грабежахъ *Гришковъ*—въ руководствѣ грабежами *Гутенко*—въ избіеніи Файермана, стащивъ его съ извозчика. *Дачевъ*—въ избіеніи Файермана и руководствѣ разгромомъ магазиновъ на базарѣ и Екатерининской *Конаревъ*—въ избіеніи и подстрекательствѣ толпы бить евреевъ. *Крыловъ*—въ подстрекательствѣ къ грабежу и убійствамъ и избіеніи еврея палкой по головѣ. *Любаневъ*—въ избіеніи еврея коломъ; билъ стекла, убивалъ и кричалъ: «бейте жидовъ», кромѣ того, онъ сознавался Сергѣеву въ убійствѣ еврейки. *Москаленко*—билъ евреевъ дубиной. Его видѣли съ окровавленной дубиной *Поршневъ*—руководилъ разгромомъ магазиновъ. *Ник. Разказовъ*—разбивалъ магазинъ Болтянскаго вмѣстѣ со своимъ братомъ Иваномъ. *Рудневъ*—Силь Ефетовича *Спиринъ*—руководилъ громилами, указывая, кого нужно бить; ударилъ Баранову и кричалъ: «вотъ еврейка, бейте ее», а по поводу выбѣжавшей изъ сарая Рабиновича еврейки онъ крикнулъ громиламъ: «зачѣмъ вы выпустили жидовку». *Ислямъ Ульмезъ оглу*—убилъ коломъ Сахарову и громилъ лавки на базарѣ и избивалъ другихъ евреевъ. *Шуляковъ*—убилъ Черкеса. *Щеголовъ* громилъ на Петропавловской ул. *Черъ*—билъ евреевъ, похитилъ при разгромѣ лавокъ разное платье.

Чуринко—подстрекалъ къ погрому и убійствамъ; самъ наносилъ удары и въ состояніи раздраженія нанесъ шашкой раны Кравцову, добили же его другіе; кромѣ того, онъ ударилъ шашкой умиравшаго Рохлина, ранилъ еще нѣсколько евреевъ и просилъ свидѣтелей показывать ложно въ его пользу. *Ермоленко*—виновенъ въ подстрекательствѣ бить евреевъ и самъ билъ съ намѣреніемъ лишить жизни, находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей; виновенъ онъ также въ покушеніи на убійство г-жи Толчинской и г. Спиро. *Богдановъ*—въ подстрекательствѣ къ убійствамъ и погрому при исполненіи служебныхъ обязанностей и самъ наносилъ еврейамъ удары; ударилъ шашкой Неймана. *Кузьменко*—ударилъ шашкой въ ножнахъ бѣжавшаго мимо него еврея *Пахановскій*—подстрекалъ къ избіенію евреевъ и самъ наносилъ удары. *Морозовъ*—въ томъ же; кромѣ того нанесъ ударъ шашкой Шухера. *Дремовъ*—въ томъ же. *Кирленко*—въ томъ же.

Я кончилъ. Г.г. судьи и г.г. сословные представители! Вы оцѣните, конечно, всѣ данныя здѣсь показанія.

Повѣренныя гражданскихъ истцовъ.

1-й рядъ (слева направо): И. П. Лебединскій, Л. Я. Айзенштейнъ,
А. Н. Лейбзонъ.

2-й рядъ (слева направо): И. И. Шикъ, И. К. Заболотный.

Г.г. судьи и сословные представители, мы стремились здѣсь только къ правдѣ, и я думаю, что мы достигли этого. Я думаю, вы придете къ убѣжденію и признаете, что погромъ бытъ слѣдствіемъ *племенной и религіозной вражды*.

Своимъ приговоромъ вы покажете, что для суда всѣ равны. Вы покажете, что всѣ нападки на чиновъ судебного вѣдомства, которыя такъ часто раздаются теперь въ нѣкоторыхъ газетахъ, совершенно несправедливы. Я полагаю, что своимъ приговоромъ вы разсѣете всѣ эти предубѣжденія».

Рѣчь прокурора длилась около 1½ часа. Затѣмъ слово предоставляется прис. пов. Л. Я. Айзенштейну.

Рѣчь прис. пов. Л. Я. Айзенштейна.

«Г-да судьи! Именнымъ Указомъ Сената отъ 23-го декабря 1791 года», началъ г. Айзенштейнъ,—повелѣно было, выражаясь подлинными словами указа, «распространить права гражданства евреямъ сверхъ Бѣлорусскихъ губ. на Екатеринославское намѣстничество и область Таврическую», иначе говоря, евреямъ разрѣшено было селиться и устраиваться также и въ Таврической губерніи. До Варооломеевскаго дня 18-го октября 1905 года крымскіе евреи прожили такимъ образомъ, какъ видите, совершенно спокойно среди многихъ другихъ національностей 115 лѣтъ. Что же случилось у насъ, г-да судьи, 18-го октября 1905 года? и какъ эта злодѣйская атака на самомъ дѣлѣ случиться могла?.. Воспользовавшись такъ называемымъ Бухштабовскимъ инцидентомъ, бѣгствомъ арестантовъ изъ симферопольской тюрьмы того же 18-го октября, произнесенными тогда же на бульварѣ политическими рѣчами, революціонными митингами и рабочими забастовками осени 1905 года, подсудимые и ихъ ближайшіе друзья, (какъ, напримѣръ, бывший симферопольскій полицейскій приставъ, пока только свидѣтель Багель) намъ говорятъ: «до весны 1905 года отношенія христіанъ къ евреямъ были вполнѣ мирными. Но послѣ того, какъ кухарка провизора Бухштаба сообщила народу объ оскорбленіи малолѣтнимъ сыномъ Бухштаба православной иконы, отношенія эти якобы сразу измѣнились къ худшему; засимъ отношенія эти якобы еще болѣе обострились послѣ начавшихся политическихъ митинговъ и рабочихъ забастовокъ; роль-же послѣдней, молъ, искры сыграли бульварныя рѣчи евреевъ 18 го октября и освобожденіе евреями 18-го октября арестантовъ изъ тюрьмы, освобожденіе, крайне будто-бы возбудившее наше симферопольское татарское населеніе». Но всѣ эти указанія, господа судьи, не

выдерживаютъ ни малѣйшей критики, не имѣя ничего общаго съ дѣйствительностью. По поводу ровно ничѣмъ не д. казаннаго инцидента въ домѣ провизора Бухштаба, тогдашній начальникъ Таврической губерніи, г. Треповъ распорядился, правда, расклеить на всѣхъ уличныхъ столбахъ города такое поистинѣ ужасное и по меньшей мѣрѣ совершенно необдуманное объявленіе, которое въ другомъ городѣ дѣйствительно легко могло вызвать погромъ, объявленіе, впоследствіи сорванное посему по распоряженію того же г. Трепова. И тѣмъ не менѣе погромъ весною 1905 г. не послѣдовалъ, не потому, что его не желали г-да Чупринко, Ермоленко, Спиринъ, Крыловъ и К^о, а потому только, что первое погромное сѣмя упало въ Симферополѣ на почву крайне каменистую и совершенно не подходящую.

Отношенія христіанъ къ евреямъ ни малѣйшимъ образомъ не могли измѣниться къ худшему также и подъ вліяніемъ политическихъ митинговъ и рабочихъ забастовокъ осени 1905 года: наоборотъ, на этой, именно, почвѣ эти отношенія значительно улучшались, облагораживались и укрѣплялись. Да иначе и быть не могло. Въ классахъ интеллигентныхъ это сближеніе происходило тогда на почвѣ чисто идейной, въ низшихъ классахъ, среди пролетаріата вѣроисповѣданная и національная рознь въ тотъ моментъ повсюду стушевывались кромѣ того еще и подъ другимъ знаменемъ, на почвѣ борьбы чисто практической, на почвѣ борьбы труда съ капиталомъ.

Совершенно невѣрны, наконецъ, также и рассказы подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей о взломѣ евреями тюремныхъ воротъ, чѣмъ они якобы возмутили татарское населеніе города, а также рассказы о крайне якобы революціонныхъ рѣчахъ еврейскихъ ораторовъ. Ворота тюремныя взломали сами уголовные арестанты, что вполнѣ установлено возникшимъ по этому поводу и прекращеннымъ впоследствіи предварительнымъ слѣдствіемъ. Что же касается бульварныхъ рѣчей 18-го сѣтября, то ораторами выступали тогда, какъ вы здѣсь слышали, и христіане (Агафонъ, Воскресенскій и др. лица).

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ ораторъ,—причины погрома, указаннаго намъ подсудимыми и ихъ защитниками, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣютъ. Каковы же эти причины на самомъ дѣлѣ?»

Если намъ говорятъ, что и симферопольскій погромъ вызванъ былъ однимъ изъ тѣхъ враждебныхъ мотивовъ, которые предусмотрены въ 269 ст. улож. о нак., въ данномъ случаѣ мотивомъ племенной вражды якобы на почвѣ политической, то такой постановкой дѣла оказываютъ огромную услугу г-дамъ бывшимъ подстрекателямъ и проповѣдникамъ симферопольскаго

погрома ибо разъ погромъ послѣдовалъ якобы вслѣдствіе внутренняго напора, то приче́мъ-же тутъ, могутъ намъ сказать, внѣшнія вліянія и воздѣйствія? Съ другой стороны, предполагая и въ симферопольскомъ погромѣ наличность племенной вражды, мы набрасываемъ нѣкоторую тѣнь и на головы жертвъ, какъ-бы говоря: «что посе́ешь, то и пожнешь».

Г-да судьи! Царской рукой на судебныхъ уставахъ начертаны были слова: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!» Трудно представить себѣ уголовный процессъ, въ которомъ многіе подсудимые съ этой правой и даже съ этой лѣвой стороны такъ въ правѣ были-бы разсчитывать на милость вашу, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Со стороны повѣреннаго гражданскихъ истцовъ такое заявленіе покажется вамъ, можетъ быть, страннымъ. Но для того, чтобы вы насъ поняли, намъ нужно прежде всего отыскать эту судебную правду, правду настоящую, а не фальсифицированную.

На милость вашу, г-да судьи, вполнѣ въ правѣ разсчитывать всѣ частные громилы въ настоящемъ дѣлѣ, за исключеніемъ обвиняемыхъ Спирина и Крылова. На милость вашу въ правѣ разсчитывать и обвиняемые городовые. И дабы это вамъ вполнѣ ясно стало—мы, представители потерпѣвшихъ, считаемъ себя нравственно обязанными представить вамъ по этому вопросу и свои доводы. 13-го октября 1905 года въ г. Симферополь, въ Греческомъ переулкѣ, въ какомъ то домѣ взорвалась бомба, приготовленная, по пущеннымъ кѣмъ-то злостнымъ слухамъ, для полиціи и для войскъ... «Для полиціи и для войскъ»... Судьба этихъ двухъ правительственныхъ силъ связана была на одинъ моментъ во едино на почвѣ якобы общей опасности явноумышленно, съ цѣлью отождествить ихъ интересы. «Поймите, молъ, г-да солдаты, что враги симферопольской полиціи также и ваши враги; и посему въ борьбѣ съ ними мы должны дѣйствовать вполнѣ дружно и солидарно». Во время самого погрома 18-го октября г-да полицейскіе такъ и кричали толпѣ: «Бейте, рѣжьте, не бойтесь, полиція и войска будутъ за васъ». Немедленно вслѣдъ за этимъ взрывомъ вечеромъ того же 13 го октября расквартированный тогда въ г. Бахчисараѣ, такъ называемый Крымскій эскадронъ, спѣшно телеграфно вызванъ былъ въ г. Симферополь для оказанія содѣйствія гражданскимъ властямъ. И вотъ съ ранняго утра 14 октября этотъ самый Крымскій эскадронъ, двѣ роты Литовскаго полка, весь штатъ симферопольской полиціи и жандармскій полковникъ Загоскинъ со своимъ штабомъ—дежурятъ уже во дворѣ 1-го полицейскаго участка въ ожиданіи какихъ-то событій. Въ переводѣ на погромный языкъ 18 октября подъ этими событіями полиція разу-

мѣла, очевидно, антиеврейскую атаку, но атаку не самоопредѣляющуюся, не имѣвшую вспыхнуть въ видѣ дѣйствительнаго якобы проявленія народныхъ чувствъ, а атаку, подготовленную самими обвиняемыми, въ чемъ намъ не трудно убѣдиться изъ цѣлой массы вполне установленныхъ сотнями свидѣтелей фактовъ. Такъ, согласно показанію полицейскаго пристава г-на Чернявскаго, бывшая симферопольская полиція давно уже не прочь была посчитаться съ мѣстными социаль-демократами, или какъ ихъ называли городовые, — «демократами», состоявшими, по мнѣнію той же полиціи, почти изъ однихъ только евреевъ. Гораздо раньше, еще въ сентябрѣ 1905 года, обвиняемый Чупринко откровенно рассказываетъ свидѣтелю Леону Тараканову о необходимости уничтожить цѣлую дюжину «демократовъ». А послѣ погрома приставъ Багель не менѣе откровенно называетъ другому свидѣтелю трехъ лицъ, которыхъ, по мнѣнію его, Багеля, слѣдовало бы еще уничтожить, такъ сказать, дополнительно, для водворенія полнаго спокойствія въ Симферополѣ. И такъ, всѣхъ намѣченныхъ жертвъ сначала было только 12. Но ко дню 18-го октября на эту дюжину наросли огромные, лихвенные проценты, уплотненные наличными невинной кровью мѣстныхъ евреевъ.

Затѣмъ ораторъ приводитъ нѣсколько пикантныхъ фактовъ изъ области «подготовительной» работы. «Въ минуту гнѣвной вспышки городской Богдановъ раскрываетъ въ полицейскомъ участкѣ, въ присутствіи сослуживцевъ, страшный полицейскій секретъ, обвиня покойнаго полиціймейстера Кузьменко въ заблаговременной заготовкѣ дубинъ. Вспомните показанія Балачивадзе и Риніери; о заготовленіи дубинъ еще до 18 октября въ послѣдствіи рассказывали также и другія лица, какъ, напримѣръ, Берко Надельштейнъ и нѣкто Афанасій Коваленко. 18-го октября утромъ дубины эти оказались сложенными частью во дворѣ зданія 1-й полицейской части, частью въ сторожевой будкѣ бульварнаго садовника Лосиха, по показанію котораго раньше въ этой будкѣ никакихъ дубинъ никогда не было. Не очевидно ли, что попасть туда эти дубины могли только въ ночь съ 17 на 18 октября? Не даромъ же настроеніе вечерняго митинга 17 октября оказывается уже весьма тревожнымъ. На бульварѣ вертятся тогда уже купецъ-бакалейщикъ Гладковъ, таинственный «севастополецъ» съ не менѣе таинственнымъ «матросомъ», якобы съ судна «Олегъ»; какой-то темный, бритый субъектъ и погромныхъ дѣлъ мастеръ Владимиръ Мальчевскій. «Севастополецъ» ежеминутно восторгается тѣмъ, что, употребляя его собственное выраженіе, «ребята уже собираются». А ребята эти, въ томъ числѣ и самъ Мальчевскій, временами въ разныхъ мѣстахъ буль-

вара кричать уже, хотя еще не совсѣмъ смѣло: «бей жидовъ»... Какой-то мужичекъ еще больше проболтался: «будемъ бить дубинами»,—кричитъ онъ. Но вечеромъ 17 октября, по независѣвшимъ отъ мѣстной полиціи причинамъ, рѣзня состояться не могла. «Ничего», *однако*, говоритъ 17 октября вечеромъ на бульварѣ приставъ Солодиловъ,—«завтра будутъ противодѣйствующіе». Смертный приговоръ симферопольскимъ евреямъ окончательно подписанъ былъ такимъ образомъ, какъ видите, еще вечеромъ 17 октября. Недаромъ же, по разсказу со словъ телеграфнаго чиновника, свидѣтеля Сабса, 17 го октября къмъ-то получена была какая-то таинственная, огромная шифрованная телеграмма.

Съ ранняго утра 18-го октября на городскихъ улицахъ и площадяхъ совершенно открыто закипѣла полицейская погромная агитація. Крокодиловыми слезами г-да полицейскіе оплакиваютъ передъ темной, невѣжественной и обманутой чернью якобы гибель дорогого отечества. «Бейте, рѣжьте жидовъ, какъ въ Кишиневѣ», совѣтуетъ толпѣ одинъ чинъ. «Россія падаетъ», ораторствуетъ другой, «а жида подымаются; они хотятъ себѣ избрать царя Шмеркова, а вы ходите, рты разинувши?.. Дождетесь вы того, что они будутъ надъ вами царствовать». «Бейте, души-те, рѣжьте ихъ», кричатъ симферопольскіе полицейскіе чины 18 октября толпѣ немного позже, «не бойтесь, полиція и войска будутъ за васъ». И преступно-наэлектризованная толпа все больше и больше растетъ, очутившись очень скоро у воротъ перваго полицейскаго участка, гдѣ режиссеры предстоящаго погрома снаряжали всю эту темную рать всѣми необходимыми атрибутами патріотической атаки. «Будьте храбры, говоритъ толпѣ у 1 участка приставъ, и мы будемъ за васъ». Недаромъ же городовые и чернь послѣ погрома оправдываются первые полученнымъ отъ начальства приказомъ, а вторая усиленнымъ полицейскимъ наускиваніемъ и агитаціей... Вспомните показаніе свидѣтеля Смятковскаго; послѣднему фельдфебель Сывороткинъ еще въ 7 часовъ утра 18 октября секретно сообщилъ о наймѣ погромщиковъ и убійцъ самой полиціей. На новомъ базарѣ, у духовнаго училища, у дома д-ра Гидалевица полицейскіе чины снимаютъ рабочихъ, которые тутъ же вооружаются досками и палками, пуская такые въ ходъ еще задолго до первыхъ бульварныхъ выстрѣловъ, во 1-хъ, вообще въ отношеніи къ лицамъ, не снимавшимъ передъ патріотами шапокъ, во 2-хъ, спеціально въ отношеніи къ евреямъ. Уже по одному только этому факту вы видите, что манифестанты вели себя гораздо болѣе задорно, чѣмъ демонстранты. Въ Фабровскомъ переулкѣ они первые пытаются сорвать красные флаги. Вспомните пока-

занія Данила Медвѣдева и даже пристава Солодилова. Въ Фабровскомъ переулкѣ тотъ-же приставъ Солодиловъ говорить уже довольно опредѣленно и увѣренно свидѣтельница Полѣ Чернякъ: «погоди, ты у меня сегодня получишь!» Это было уже, очевидно, послѣ замѣчанія городского у 1-ой части, что «евреямъ дадутъ сегодня перцу понюхать»... По обвинительному акту, какой то еврей набросился въ Фабровскомъ переулкѣ якобы на царскій портретъ. Но кто же эту басню подтвердилъ? Свидѣтель Толубѣвъ? Но вы слышали показаніе этого свидѣтеля на судѣ: ничего подобнаго свидѣтель здѣсь не говорилъ.

У самыхъ воротъ зданія перваго полицейскаго участка съ кучкой громилъ еще угромъ 18-го октября интимно шепчутся покойный полиціймейстеръ Кузьменко, пристава Багель и Солодиловъ, изъ которыхъ одинъ, по разсказу свидѣтелей, совѣтуетъ рабочимъ собраться въ большемъ количествѣ для начатія атаки, а Солодиловъ, какъ бы совершенно разслабленный, равнодушно говорить имъ: «работайте, какъ знаете»... Рано утромъ 18 числа предстоящій погромъ не былъ уже тайной и для публики: одновременно съ полицейскими чинами говорятъ уже вполне опредѣленно о предстоящемъ черезъ нѣсколько часовъ избіеніи евреевъ также и частныя лица. Въ лавкѣ купца Кушнарева разсказываетъ объ этомъ рано утромъ 18-го октября какая-то русская женщина. Полицейскій маркитантъ, купецъ-бакалейщикъ Гладковъ, также предсказываетъ еще рано утромъ 18 октября предстоящее избіеніе и рѣзню. «Жидки», говоритъ Гладковъ у своей лавки, «радуются данной имъ свободѣ, а черезъ часъ имъ всѣмъ головки снимутъ»... Но вотъ, наконецъ, ревностные труды полиціи окончились. Къ зданію 1 полицейскаго участка подходитъ первая, небольшая, погромная партія, сразу настраивающая пристава Багеля на очень веселый ладъ. «Вотъ», говоритъ онъ, улыбаясь, одному свидѣтелю, «идетъ свобода»... Насчетъ этой злосчастной свободы съ пѣной у рта иронизируютъ впослѣдствіи и другіе полицейскіе чины. «Бейте, рѣжьте», кричитъ на Салгирной другой полицейскій, «теперь свобода». Рѣчь шла, очевидно, въ данномъ случаѣ не о свободѣ вообще, а о спеціальной симферопольской полицейской свободѣ, свободѣ совѣсти обвиняемыхъ, которой 18 октября 1905 года данъ былъ въ Симферополѣ открыто временный отпускъ, или, какъ толпа говорила, отпускъ только на три дня. Для проведенія еврейскаго погрома срокъ вполне достаточный... На основаніи этого-то именно отпуска совѣсти толпѣ выданы были не то въ пожарномъ дворѣ, не то во дворѣ 1-ой полицейской части не только знамена и портреты, но даже и дубины. Такимъ образомъ, часть орудій

преступленія получена была громадами отъ режиссеровъ погрома. И если вы примите во вниманіе тяжеловѣсность дубинъ и распоряженіе бить мужчинъ по головѣ, то вамъ ясно станетъ, что симферопольская полиція задумала не простое избіеніе евреевъ, а массовыя убійства, докончивъ таковыя отчасти во дворѣ пожарнаго обоза, гдѣ раненыхъ не только били, но даже доби-вали.

По вопросу о данномъ якобы самими евреями поводѣ къ погрому не безъинтересны предшествовавшія нападенію послѣд-нія минуты. Послѣ вторичнаго прихода къ губернаторскому дому уже въ сопровожденіи военнаго оркестра толпа посылаетъ въ квар-тиру начальника губерніи въ качествѣ депутатовъ двухъ впол-нѣ надежныхъ погромныхъ художниковъ Мальчевскаго и Канаки, обратный выходъ которыхъ громко привѣтствуется уже кликами «ура» и «бей жидовъ». Эти то депутаты и выдѣмали, по моему, что «губернаторъ разрѣшилъ 3 дня бить жидовъ». Самое избіе-неніе начинается, однако, лишь черезъ нѣсколько минутъ, немед-ленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ толпу влѣзжаетъ на извозчикѣ возвращавшійся отъ губернатора жандармскій полковникъ Загос-кинъ, посѣбно бросившій черни нѣсколько неизвѣстныхъ намъ и понынѣ словъ, сыгравшихъ роль послѣдней искры въ данномъ случаѣ, искры, за которой и послѣдовалъ взрывъ. Какъ же эта бравая бульварная аттака началась? По распоряженію полиціи, прежде всего заграждаются спеціально для однихъ только евре-евъ всѣ бульварные выходы, черезъ которые громилъ пропускаютъ на бульваръ совершенно свободно. Съ бульвара же на улицу вы-пускаютъ однихъ только христіанъ, но отнюдь не евреевъ. «По-палась», кричитъ городской свидѣтельница еврейкѣ Сарѣ Фуксъ— «такъ сиди». «Теперь уже поздно», кричитъ также полиція дру-гимъ, пытавшимся убѣжать черезъ калитки и ворота, евреямъ. На еодосійской улицѣ дѣйствуютъ въ такомъ же самомъ на-правленіи и солдаты. «Жидовкамъ,—говорятъ они Элѣ Ровинской —нѣтъ выхода, оставайся здѣсь». Здѣсь, т. е. въ лѣтней сина-гогѣ Эпштейна, куда г.г. Загоскинъ и Кузьменко впослѣдствіи послали 4-хъ городскихъ съ заряженными винтовками для аттаки осажденныхъ. Бульваръ превращенъ былъ, такимъ образомъ, въ западную, въ закрытую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ кото-рой помимо «ребятъ» вродѣ Любанева, Канарева и К^о, съ об-наженными шашками и заряженными револьверами рубятъ и разстрѣливаютъ евреевъ также и полицейскіе чины». (Ораторъ подробно анализируетъ свидѣтельскія показанія, удостовѣряющія виновность отдѣльныхъ подсудимыхъ).

«Гдѣ-же, продолжаетъ затѣмъ г. Азенштейнъ,—въ правѣ мы себя спросить, была 1-го октября 1905 года наша тогдаш-

няя высшая администрація? Гдѣ злодѣйская аттака началась? На бульварѣ, у воротѣ полицейскаго участка, у парадныхъ дверей г. начальника губерніи, притомъ въ такой моментъ, когда во дворѣ 1-го полицейскаго участка находилась цѣлая, довольно могучая военная, полицейская и даже жандармская рать, несумѣвшая, видите-ли, справиться съ кучкой убійць въ 20—30 человекъ?! Весною 1905 года при прекращеніи броженія, вызваннаго инцидентомъ въ домѣ провизора Бухштаба, осенью того же 1905 г. во время неоднократнаго разгона революціонныхъ митинговъ и даже 18-го вечеромъ и на другой день послѣ погрома, 19 октября, массовыя сборища разогнались тѣми же войсками и той же полиціей, что низывается, въ мгновеніе ока. А 18 октября, днемъ, Симферополь очутился во власти совершенно одичавшей банды грабителей и убійць, во власти анархіи?! Гдѣ же былъ въ это время, нашъ бывшій начальникъ губерніи г. Волковъ?

Существуетъ, г.г. судьи, извѣстная картинка, изображающая могилу Наполеона I го на островѣ Св. Елены. Надъ могилой грустно склонилась плачущая ива, а внизу написано: «А гдѣ жъ тутъ Наполеонъ?.. Когда вы всматриваетесь въ рисунокъ, Наполеонъ оказывается тутъ же подъ деревомъ, въ видѣ блѣдной тѣни. Глядя на цѣлый рядъ могилъ безвременно погибшихъ жертвъ симферопольскаго погрома, надъ которыми понынѣ склоняются, рыдая, десятки вдовъ и сиротъ, я въ настоящемъ дѣлѣ спрашиваю: «А гдѣ жъ тутъ Наполеонъ, гдѣ его превосходительство, бывшій начальникъ Таврической губ. г. Волковъ? Гдѣ были тогда войска и начальники ихъ? Гдѣ былъ г. полиціймейстеръ? Какими путями, на основаніи какихъ законовъ явно захватилъ тогда на цѣлый день административную и военную власть въ свои руки жандармскій полковникъ Загоскинъ?.. И когда я хорошо всматриваюсь въ эту симферопольскую погромную картинку, предо мною сразу вырастаетъ не тѣнь, а живой г. Волковъ, но, конечно, не въ видѣ союзника тогдашней полиціи, а въ видѣ человека, не сумѣвшаго использовать свою власть. 18-го октября 1905 года тогдашній начальникъ губерніи не только находился въ Симферополѣ, но даже радовался вмѣстѣ съ полицейскими чинами возвѣщеннымъ свободамъ. Болѣе всего обрадовали, какъ я думаю, обвиняемыхъ полицейскихъ чиновъ возвѣщенныя начала неприкосновенности личности и свободы совѣсти. Отнынѣ, молъ, совѣстью стѣсняться особенно незачѣмъ, и какъ бы ни были велики грѣхи представителей полицейской власти эти представители неприкосновенны.. Маленькій образецъ неприкосновенности нужно было, однако, представить также и обывателямъ, которые по крайней наивности своей вбили себѣ

въ голову, что манифестомъ 17-го октября политическія свободы возвѣщены якобы не только для г.г. Кузьменко и К^о, но и даже для всего народа. И вотъ г. Волковъ, говорятъ, распорядился, чтобы всѣмъ процессіямъ полиція не препятствовала; значить—примыкать къ этимъ процессіямъ полиціи не зачѣмъ было. По всей вѣроятности, на точномъ основаніи этого именно приказа Багель говоритъ потомъ во время погрома одному свидѣтелю: «чертъ съ ними, пусть сами разбираются»... На точномъ основаніи, очевидно, того-же приказа, дабы, видите-ли, не препятствовать процессіямъ, покойный полиціймейстеръ Кузьменко снаряжаетъ для участія въ патріотической манифестаціи нѣсколько приставовъ и городскихъ съ чисто воспитательной, такъ сказать, цѣлю: маленькихъ дѣтей учить ходить няня; юныхъ гражданъ—обучаетъ маршировать полиція. Когда же маршировка эта очень скоро разразилась у самыхъ парадныхъ дверей г-на Волкова выстрѣлами, начальникъ губерніи не растерялся; онъ проситъ толпу, о чемъ бы вы думали?.. Успокоиться!.. Онъ-же немедленно принимаетъ мѣры, противъ кого? Ну, конечно, противъ.. евреевъ. Недаромъ же полиціймейстеръ Кузьменко клятвенно увѣрялъ офицера Сергѣева, что евреи стрѣляли въ портретъ Государя и въ патріотовъ. И только на другой день, 19-го октября, утромъ г-нъ Волковъ рѣшается заявить убійцамъ и громиламъ, что правительство въ ихъ защитѣ не нуждается, что безчинствуютъ они, а не евреи. Наканунѣ же, даже 18-го октября вечеромъ г. Волковъ еще колебался по этому вопросу. Въ этотъ вечеръ онъ только весьма вѣжливо, никого не арестуя, *проситъ* убійцъ разойтись, и знаете-ли почему?—потому что музыка устала, та самая музыка, которая играла народный гимнъ не только при разгромѣ лавокъ, но даже и во время убійствъ у самыхъ парадныхъ дверей его превосходительства. Еще болѣе замѣчательно дальнѣйшее поведеніе г-на Волкова, на глазахъ котораго совершаются убійства на площади между синагогой Эпштейна и 1-мъ полицейскимъ участкомъ»...

Тутъ предсѣдатель прерываетъ г. Айзенштейна и запрещаетъ ему болѣе касаться личности Волкова. Айзенштейнъ подчиняется и продолжаетъ:

«Въ строгомъ соотвѣтствіи съ параличемъ власти г-на Волкова, бездѣйствовалъ во время симферопольскаго погрома также и покойный полиціймейстеръ Кузьменко. «Довольно», говоритъ онъ по рассказамъ свидѣтелей, громиламъ и убійцамъ, но не въ началѣ каждаго насильственнаго акта, а въ концѣ его. Объ образѣ дѣйствій покойнаго г. Кузьменко рассказывали намъ весьма интересныя вещи даже г.г. полицейскіе чины: бывший секретарь городского полиційскаго управленія Риніери и г.г.

полицейскіе пристава Чернявскій и Баланчивадзе, въ присутствіи котораго Богдановъ заочно уличилъ покойнаго полиціймейстера Кузьменко въ заблаговременномъ заготовленіи дубинъ. Впрочемъ, и помимо этого послѣдняго факта обвинять Кузьменко въ абсолютномъ бездѣйствіи во время погрома было бы большой несправедливостью. Временами г. Кузьменко «дѣйствуетъ» по мѣрѣ силъ...

Вмѣстѣ съ Загоскинымъ Кузьменко во 1-хъ, умышленно сбиваетъ спасавшихся евреевъ съ толку, не совѣтуя имъ спастись въ «Европейской гостиницѣ», во 2-хъ, гонитъ евреевъ (даже жену Рабиновича съ малюткой на рукахъ) изъ 1-й полицейской части, наслаждаясь убійствами евреевъ у самыхъ парадныхъ дверей этого участка. А предъ вечеромъ, 18-го октября того-же года Кузьменко говоритъ уличнымъ убійцамъ: «Спасибо, братцы, теперь идите по домамъ»... «Спасибо, братцы». Какъ будто дѣло шло о законченномъ военномъ смотрѣ, о парадѣ...

Предсѣдатель (прерывая) прошу васъ больше не говорить и о Кузьменко.

Айзенштейнъ. Хорошо, подчиняюсь, но въ такомъ случаѣ мнѣ, очевидно, и о бывшемъ жандармскомъ полковникѣ Загоскинѣ нельзя будетъ говорить?

Предсѣдатель. Конечно. Какое отношеніе это имѣетъ къ вашимъ гражданскимъ искамъ?

Айзенштейнъ продолжаетъ: «Утверждать, такимъ образомъ, что симферопольскій погромъ вызванъ якобы религіозной, политической или хотя-бы только экономической народной враждой не позволяютъ мнѣ ни мой разумъ, ни моя совѣсть.

Правда, враги евреевъ по нынѣ еще твердятъ, что погромными бѣдствіями своими евреи якобы обязаны своему собственному характеру и поведенію и, что если въ погромѣ данной мѣстности не виноваты мѣстные евреи, то въ немъ во всякомъ случаѣ виноваты, молъ, евреи вообще. Но такъ-ли оно на самомъ дѣлѣ? Еврейскій вопросъ въ Россіи наши отечественные г-да юдофобы разсматриваютъ съ двухъ точекъ зрѣнія: національной и политической. По мнѣнію однихъ—народъ русскій и нынѣ еще не любитъ евреевъ, какъ «враговъ Христовыхъ», какъ племя замкнутое и якобы необыкновенно испорченное. По мнѣнію другихъ, евреи возстанавливаютъ противъ себя истинно-русскихъ людей, какъ политическіе агитаторы, какъ первоисточники всѣхъ политическихъ, студенческихъ, общественныхъ волней и безпорядковъ. Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?

Судьба евреевъ напоминаетъ собою судьбу женщинъ. На извѣстномъ соборѣ въ Маконѣ, во Франціи, въ 6 вѣкѣ, одинъ епископъ серьезно доказывалъ, что женщины—не люди, ибо у

нихъ нѣтъ души, вызвавъ своимъ заявленіемъ горячій споръ, продолжавшійся нѣсколько дней и окончившійся въ пользу женщинъ. Тѣмъ не менѣе, взглядъ на женщинъ, какъ на существа низшей категоріи продолжался, какъ извѣстно, до конца 18-го вѣка, а мѣстами существуетъ даже и понынѣ. Въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіи издано было даже нѣсколько сочиненій, посвященныхъ одному лишь описанію «женской злобы съ указаніемъ женскихъ хитростей и лукавствъ». Такъ именно называется одно изъ этихъ сочиненій; другое сочиненіе называется «Алфавитомъ недостатковъ и злобы женщинъ»... «Алфавитовъ недостатковъ и злобы евреевъ», правда, нѣтъ, но маконскіе соборы о евреяхъ продолжаютъ еще и понынѣ.

Сдѣлавъ краткій историческій очеркъ положеніи евреевъ въ Западной Европѣ и въ Россіи, (подтверждающій мысль Салтыкова-Щедрина, что въ дѣловой конкуренціи евреевъ и христіанъ—весь секретъ нашего русскаго и купеческаго антисемитизма)—г. Айзенштейнъ продолжаетъ: «Замѣчательно, что и во время французской революціи противъ равноправія евреевъ возстало только торговое сословіе. Г-да Гладковы, Канаки, Крыловы имѣлись, какъ видите, въ разныя времена, повсюду. Не считая нужнымъ болѣе подробно здѣсь заняться обсужденіемъ вопроса о якобы исключительной нравственной испорченности евреевъ, я закончу краткій обзоръ этого вопроса словами одного западно-европейскаго писателя: «Угнетеніе всегда стремилось выдать свои жертвы за существа нисшаго разряда и никогда не хотѣло сознаться, что все скверное въ этихъ жертвахъ есть именно слѣдствіе тяготѣвшаго надъ ними ига». Въ настоящую минуту васъ, г-да судьи, гораздо больше интересуетъ другой вопросъ, касающійся политическаго міросозерцанія и политическаго образа дѣйствій евреевъ. Являются-ли евреи дѣйствительными первоисточниками такъ называемаго «освободительнаго движенія» въ Россіи? Отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, г.г. юдофобы дѣлаютъ такимъ заявленіемъ евреямъ честь абсолютно незаслуженную. Борцы освободительнаго движенія въ Россіи вербовались несомнѣнно также и среди евреевъ; но во главѣ этого движенія, съ самаго начала его у насъ стояли христіане, а не евреи, при чемъ и въ наши дни движеніе это весьма сильно и въ такихъ чисто-русскихъ губерніяхъ, гдѣ евреевъ, почти нѣтъ. Въ правильности этого вывода насъ убѣдили вполнѣ выборы во 2-ю Государственную Думу. Самое крупное вооруженное возстаніе разыгралось, какъ мы знаемъ, въ первопрестольной Москвѣ. Въ своей монографіи объ антисемитизмѣ извѣстный французскій публицистъ, другъ Россіи, Анатолий Леруа-Болье совершенно правильно говоритъ:

«духъ еврейскій далекъ отъ того, чтобы самостоятельно содѣйствовать созданію новаго строя; онъ захватывается волной общаго движенія, такъ что и во французской революціи онъ (т. е. этотъ духъ) сыгралъ роль не столько созидательную, сколько подражательную. Не еврей освободилъ христіанскую мысль и встряхнулъ современное общество, говоритъ Леруа-Болье, а наоборотъ»... Подъ этими словами подпишется обѣими руками всякій честный и безпристрастный интеллигентъ, будь то еврей, или христіанинъ. Ссылки господъ юдофобовъ на Лассалья, Маркса, Берне и Гейне ничуть не колеблютъ этого вывода, ибо, не говоря уже объ исключительности этихъ выдающихся людей,— всѣми выводами, всѣмъ міросозерцаніемъ своимъ эти люди обязаны были сферамъ и вліяніямъ чисто христіанскимъ.

Въ христіанской Европѣ, въ частности и въ Россіи, во главѣ политическихъ движеній, по общему правилу, выступаютъ христіане, а не евреи, христіане, имѣющіе свои собственныя головы на плечахъ и отнюдь не нуждающіе въ еврейскомъ руководствѣ и въ еврейской указкѣ.

Участіе еврейской молодежи въ освободительномъ движеніи, конечно, безспорно, но въ свѣтѣ добросовѣстнаго и безпристрастнаго анализа событій факты эти оказываются вполне понятными, естественными и даже ясно говорящими въ пользу евреевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если евреи стали въ ряды борцовъ за политическія свободы, то этимъ вполне доказана ихъ способность къ ассимиляціи, къ усвоенію общенародныхъ желаній и общенародныхъ нуждъ, т. е. нуждъ кореннаго христіанскаго населенія. Но помимо сего, если бы даже признать на одну минуту всякое участіе въ освободительномъ движеніи не подвигомъ, а преступленіемъ, можно ли вмѣнять въ вину это участіе русскимъ евреямъ? Испытавъ такъ много униженій, страданій, гоненій и тяжелыхъ невзгодъ, евреи могли бы въ бюрократическомъ смыслѣ оставаться вполне инертными и благонадежными лишь въ томъ случаѣ, если-бы они были ангелами, если-бы они не были созданы, какъ всѣ люди, если-бы все человѣческое имъ было совершенно чуждо. Но ангеловъ, и даже просто необыкновенныхъ людей, гг. судьи, не нахожу даже среди представителей всѣхъ нашихъ патріотическихъ партій.

По обвинительному акту, какъ во всѣхъ подобнаго рода процессахъ, центръ тяжести смѣщенъ съ безсердечныхъ погромныхъ организаторовъ и своекорыстныхъ черносотенныхъ учителей на наивную, темную и обманутую чернь, называющую себя защитницей вѣры, отечества и престола и въ настоящемъ дѣлѣ.

Но не являются ли обвиняемые въ такихъ роляхъ явными

и преступными самозванцами? Какую они вѣру защищаютъ? Христіанскую? Но развѣ Христокъ разрѣшилъ имъ совершать подъ патриотическимъ флагомъ тайныя хищенія и открытыя грабежи, отстаивать какую бы то ни было свѣтскую или духовную идею огнемъ и мечомъ, лжесвидѣтельствовать на судѣ, съ дубинами въ рукахъ обездоливать сотни людей, злодѣйски отнимать у женъ мужей, у родителей—дѣтей?... Что общаго имѣютъ эти господа съ защитниками отечества и престола, ведя открытую и тайную братоубійственную войну въ странѣ, отравляя душу народную ядомъ челоуѣконенавистничества, сопровождая свои погромныя убійства и грабежи народнымъ гимномъ и бунтовщически сопротивляясь Высочайшей волѣ дикими криками: «Евреямъ даны свободы, но мы имъ не дадимъ»!... И этой то именно толпѣ, такъ сказать, апплодировала и помогала 18-го октября 1905 года симферопольская полиція, за спиной которой, конечно, стояли лица гораздо болѣе властныя, а именно всѣ тѣ вахмистры по воспитанію и погромщики по убѣжденію, которымъ обязаны всѣми погромными бѣдами и несчастьями не только обездоленные жертвы еврейскихъ погромовъ, но также и темные, невѣжественные и обманутые ихъ исполнители. Этыхъ главныхъ погромныхъ вдохновителей и режиссеровъ и въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ

Во всѣхъ погромныхъ процессахъ уголовные законы наши, выражаясь словами одного древняго мудреца, оказываются паутиной, легко прорываемой большими мухами и опасною только для мелкой шмели. Съ такимъ положеніемъ вещей погромныя жертвы, конечно, мириться не могутъ, и я считалъ бы съ своей стороны крайне недобросовѣстнымъ и несправедливымъ считать первоисточниками симферопольскаго погрома господъ Чупринко, Ермоленко и сидящихъ рядомъ съ ними безграмотныхъ и подневольныхъ городскихъ. Подстрекая къ погрому темную толпу, они и въ свою очередь, въ ожиданіи, конечно, сладостныхъ наградъ, исполнили только волю лицъ, ихъ пославшихъ. И въ этомъ отношеніи глубокого сожалѣнія достойны, конечно, и они. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я прошу удовлетворить предъявленные моими довѣрителями гражданскіе иски съ круговой отвѣтственностью подсудимыхъ только изъ имущества всѣхъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу полицейскихъ чиновъ, включивъ въ число отвѣтчиковъ изъ категоріи частныхъ громилъ только подстрекателей Спирина, Поршнева и Крылова. Всѣхъ же этихъ темныхъ частныхъ громилъ я отъ всякой денежной отвѣтственности освобождаю.

Настанетъ день, когда и они прозрѣютъ, когда и они сьумѣютъ уже отличить друзей и враговъ. И тогда-то они пой-

мутъ свою вину передъ обездоленными ими еврейскими семействами и прольютъ, можетъ быть, не одну горячую слезу на могилахъ безвременно погибшихъ отъ ихъ безумныхъ злодѣяній евреевъ».

Рѣчь пом. прис. пов. А. Н. Лейбзона.

Мой предшественникъ много говорилъ о психологическихъ моментахъ въ настоящемъ дѣлѣ. И это было необходимо. Въ обычномъ отдѣльномъ преступленіи законъ почти всегда оставляетъ безъ вниманія мотивы его совершенія. Съ точки зрѣнія закона безразлично—совершено ли убійство изъ ревности или изъ мести. Но въ настоящемъ дѣлѣ, обвиняемые, сидящіе по ту и другую сторону зала, охвачены тѣснымъ кольцомъ 269¹ ст., въ которой мотивамъ, побужденіямъ престушенія отводится значительное мѣсто. Надо заглянуть въ душу обвиняемыхъ и узнать, что руководило ими въ день 18-го октября. Племенная ли вражда, о которой говорилъ товарищъ прокурора, или иные стимулы. Конечно, нельзя предположить, чтобы и эти полицейскіе чины, среди которыхъ много относительно—интеллигентныхъ, и эти темные невѣжественные люди одинаково думали и одинаково чувствовали, когда шли на убійства, грабежи и кражу. Меня больше интересуютъ полицейскіе чины, ибо ихъ роль въ погромѣ была исключительной. Трудно разгадать, что творилось 18-го октября въ ихъ душѣ. Было-бы значительно проще, если-бы обвиняемые сами рассказали объ этомъ, но обвиняемые прячутся. Они, какъ страусы, зарываютъ свои головы въ запирательство и надѣются, что ихъ не увидятъ и не извлекутъ на свѣтъ.

Въ этой трудной задачѣ намъ поможетъ длинная вереница свидѣтелей, особенно одна часть ея—полицейскіе чины гг. Поповъ, Багель, Баланчивадзе, Кузьменко, Солодиловъ. Въ психологіи этихъ свидѣтелей можно отыскать ключъ къ разгадкѣ настроенія и мотивовъ обвиняемыхъ. Вѣдь эти свидѣтели и эти обвиняемые плоть отъ одной плоти, кость отъ одной кости. Эти свидѣтели начинали свои показанія издалека. Они говорили о банкетахъ, о митингахъ, рѣчахъ, забастовкахъ и демонстраціяхъ. Эти свидѣтели невольно обнаружили связь между погромомъ 18-го октября и предшествовавшими политическими событіями. Изъ ихъ показаній ясно, что погромъ не стоялъ особнякомъ, какъ случайное происшествіе.

Полицейскіе чины говорили о «веснѣ». Вы помните это время. На широкой рѣкѣ русской политической жизни начался

ледоходъ. Обрасывались ледяныя оковы. Отжившія общественныя формы, какъ льдины, съ трескомъ громоздились одна на другую и унеслись въ море прошлаго. Полиція не понимала происходившаго. Волненія страны имъ казались «преступными безпорядками», народное движеніе они считали лишь результатомъ агитациі «неблагонадежныхъ лицъ», въ грохотѣ ледохода они видѣли лишь «нарушеніе общественной тишины».

Въ разказахъ свидѣтелей полицейскихъ чиновъ о всѣхъ предшествовавшихъ погрому событіяхъ сказывается одна психологическая особенность. Свидѣтель приставъ Солодиловъ, на-примѣръ, прекрасно зная, что на желѣзныхъ дорогахъ, въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ нѣтъ ни одного еврея, что большинство бастовавшихъ рабочихъ въ Симферополѣ—русскіе, все же твердо заявилъ здѣсь, что всѣ эти забастовки, раздражавшія населеніе, устраивались евреями. Полиціймейстеръ Кузьменко показывалъ въ томъ же смыслѣ: «евреи устраивали безпорядки, евреи руководили забастовками, евреи произносили возмутительныя рѣчи, евреи, словомъ, «дѣлали въ Симферополѣ революцію». Но когда ему нужно назвать имена хотя-бы нѣкоторыхъ изъ этихъ евреевъ, онъ называетъ: кн. Оболенскаго, Меркулова, Воскресенскаго, Александрова, братьевъ Неручевыхъ и Зубковскаго. Гдѣ же эти евреи, которые мерещились всюду покойному полиціймейстеру? Вы вѣдь знаете названныхъ лицъ. Среди нихъ нѣтъ ни одного еврея. Этимъ своеобразнымъ, предумышленнымъ «дальтонизмомъ» страдаютъ всѣ полицейскіе чины. Они знали, что всѣ дѣлаемые ими выводы о евреяхъ—вздоръ, и все же сознательно сѣяли этотъ вздоръ среди толпы, какъ зерна истины, и эти то зерна и дали погромные ростки.

Та же странная черта сказалась и въ передачѣ свидѣтелями полицейскими чинами объ одномъ прискорбномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Симферополѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до погрома. Я говорю объ исторіи съ иконой въ домѣ Бухштаба. Изъ официальной справки, представленной вамъ г. прокуроромъ, видно, что оскорбленіе православной святыни совершено 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ, повидимому, не совсѣмъ нормальнымъ. Откуда взяты эти данныя? Изъ дознанія полицейскаго, которое производилъ помощникъ полиціймейстера Поповъ, самъ заявившій объ этомъ на судѣ. А между тѣмъ этотъ г. Поповъ на вопросъ о возрастѣ мальчика говорилъ, что ему было лѣтъ 18—20. Этотъ мнимый 18-ти лѣтній юноша взвалилъ на спину симферопольцевъ-евреевъ бремя тяжелой вины. Толпа собиралась тогда уже устроить еврейскій погромъ. Разъярънилъ ли возбужденной толпѣ Поповъ, что вся эта возмутительная исторія—скверная шалость больного 12-лѣтняго мальчишки-

Нѣтъ; онъ, вѣроятно, поддержаль даже вѣру въ то, что это было преступленіемъ взрослога еврея—даже евреевъ. Этотъ инцидентъ не играль въ погромѣ какой-бы то ни было роли. Но г-нъ товарищъ прокурора полагаетъ, что возмущеніе патриотическаго чувства русскихъ противъ евреевъ, кричавшихъ: «дой царя» и религіознаго чувства православныхъ противъ евреевъ, оскорбившихъ икону, были главнымъ факторомъ образованія погромнаго настроенія въ Симферополѣ. Я спрошу г-на тов. прокурора: какъ люди, защищающіе принципы самодержавія и честь царя, поддерживаютъ первое—погромомъ, второе—преступленіемъ? Самодержавіе есть форма государственнаго строя, а развѣ какой бы то ни было стрій—порядокъ можно поддерживать безпорядками? Они защищали честь царя избіеніями. Но, вѣдь, они нарушили этимъ 269 ст. закона, изданнаго самодержавнымъ царемъ. Это ли знакъ преданности и уваженія? Въ мотивахъ къ погрому г. тов. прокурора видить и возмущенное религіозное чувство православныхъ послѣ исторіи Бухштаба. Но развѣ вѣрующій христіанинъ можетъ наказывать за оскорбленіе иконы убійствами людей? За оскорбленіе изображенія Бога они отвѣтили оскорбленіемъ самого Бога! Вспомните еще показаніе свид—цы, польки, Маріи Желѣзнякъ. Къ ней въ магазинъ вошло двое громилъ. Ихъ руки были запятнаны кровью, которую они хотѣли смыть въ ея магазинъ. Свидѣтельница вынесла имъ икону. Одинъ громила схватилъ окровавленными руками икону и хотѣлъ бросить ее на полъ. Это защитники вѣры? Это истинные христіане?

Изъ исторіи съ Бухштабомъ полиція дѣлаетъ еще одинъ выводъ, который она надѣется выставить въ защиту обвиняемыхъ полицейскихъ чиновъ. Они говорятъ, что послѣ инцидента Бухштаба полиція не досыпала, не доѣдала, охраняя евреевъ отъ нападенія, и утомленіе это вызвало въ полицейскихъ чинахъ раздраженіе противъ нихъ. Странный доводъ! Обязанность полиціи ограждать порядокъ и нормальное теченіе жизни, какъ обязанность солдатъ ограждать государство отъ нападенія врага. Что бы вы сказали, если бы пожарный, сославшись на свое утомленіе отъ тушенія пожаровъ, пришелъ бы въ ярость и сталъ поджигать уцѣлѣвшія зданія? или солдатъ сказалъ бы, что ему пріѣлись боевыя схватки, и перешелъ бы въ лагерь врага? Да, вѣдь, это сугубое должностное преступленіе! Я не знаю, захочетъ ли защита опереться на гнилую трость, услужливо подставленную ей свидѣтелями—полицейскими чинами, но я заранѣе хочу сказать, что этотъ доводъ скорѣе служитъ къ обвиненію, нежели къ оправданію подсудимыхъ.

Всѣ эти слухи, выводы и предположенія распространялись

усердно полицейскими до погрома, и еще до погрома они успѣли дать результаты. 17-го октября наканунѣ погрома происходитъ митингъ на бульварѣ. На этомъ митингѣ раздается уже крикъ: «бей жидовъ». Начинается смятеніе, люди въ ужасѣ разбѣгаются. Создается въ городѣ боевое настроеніе въ одной части населенія, паника въ другой. Это тревожное настроеніе и служить единственнымъ объясненіемъ того, что у нѣкоторыхъ евреевъ и даже не евреевъ, бывшихъ въ день погрома на бульварѣ, оказались револьверы на случай вторичнаго нападенія.

На слѣдующій день, рано утромъ, слухи о готовящемся погромѣ, неизвѣстно отъ кого исходящіе, и неизвѣстно куда исчезающіе, стали раздаваться въ разныхъ мѣстахъ города. Утромъ же 18-го октября неожиданно приходитъ долгожданный манифестъ, который обѣщалъ народу «незыблемыя основы гражданской жизни на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ». Ему обрадовались всѣ, а особенно тѣ, которымъ «два достоянія дала лишь судьба—жажду свободы и долю раба». Евреи радовались Высочайшему манифесту больше другихъ. И это для всѣхъ понятно. Радующаяся молодежь разныхъ національностей собирается въ процессію съ красными флагами. Процессія проходитъ мирно безъ насилій и только одни полицейскіе чины говорятъ объ оскорбленіи со стороны «демонстраціи» полиціи и патриотовъ.

Полиція привыкла раздѣлываться съ любителями краснаго цвѣта по своему, а тутъ губернаторъ почему то приказалъ не препятствовать какимъ бы то ни было шествіямъ. Въ полицейскихъ чинахъ накипаетъ злоба. Они начинаютъ проповѣдывать избіеніе евреевъ. Приставъ Чупринко у тюрьмы говоритъ толпѣ рабочихъ: «бейте жидовъ», у участка городской, обнявъ своего товарища, какъ показывалъ свидѣтель Комарницкій, соблазняетъ его: «пойдемъ бить жидовъ»; на базарѣ агитируетъ околоточный надзиратель Загнойко, у дома Панченко старшій городской Дремовъ, окруженный толпой, «разъясняетъ» манифестъ: «а мы будемъ бить жидовъ». Нужны исполнители: они находятся. Достаются флаги и портретъ Государя. Образовывается патриотическая манифестація. У участниковъ ея, какъ подтвердилъ телеграфный разсылный Репутатскій, свидѣтель защиты, сразу появляются дубины. Свидѣтель Тимченко, шедшій съ манифестаціей обращаетъ вниманіе городского: «что это передъ портретомъ Его Величества мальчишки съ дубинами бѣгаютъ»? «Не твое дѣло», отвѣтилъ городской—«это будутъ жидовъ лупить». На углу Салгирной на глазахъ у пристава Чупринко, какъ передавалъ вамъ, г.г. судьи, крестьянинъ Титоренко, громилы бросаются на одного еврея. Онъ проситъ у представителя полицей-

ской власти защиты. Онъ обнимаетъ Чупринко, но Чупринко безжалостно отталкиваетъ несчастнаго въ бѣснующуюся толпу и его добиваютъ на смерть. Все это происходитъ до выстрѣловъ, до «нападенія», о которомъ говорила на судебномъ слѣдствіи защита.

Въ это самое время на бульварѣ митингъ. Изъ кого онъ состоитъ? Въ одинъ изъ немногихъ своихъ досуговъ я занялся маленькимъ статистическимъ опытомъ. Я взялся высчитать, какое количество русскихъ, евреевъ и представителей другихъ національностей изъ числа нѣсколькихъ сотъ свидѣтелей по настоящему дѣлу были на митингѣ. Оказалось—20 евреевъ, 22 русскихъ, 3 армянина, 1 полякъ и 1 караимъ. Мнѣ кажется, что такое же отношеніе между различными національностями было и на самомъ митингѣ. Тамъ говорились рѣчи о манифестѣ. Митингъ проходилъ спокойно безъ скандаловъ, безъ насилій. Но вотъ узнаютъ о приближеніи «патріотической манифестаціи», успѣвшей обнаружить свое настроеніе и свой истинный характеръ. На бульварѣ начинается паника. Публика начинаетъ разбѣгаться. Какъ показывалъ цѣлый рядъ свидѣтелей—и русскихъ и евреевъ—громилы ворвались въ садъ и лишь потомъ раздался первый выстрѣлъ. Защита пыталась на судебномъ слѣдствіи доказать, что первый выстрѣлъ раздался по направленію къ мирнымъ участникамъ манифестаціи и имъ былъ убитъ русскій и лишь *послѣ того* въ садъ нахлынули громилы. Вспомните, г-да судьи, что единственный русскій (г-нъ Александровъ) и татаринъ-кучеръ, убитые самообороной 18 го октября, находились *въ глубинѣ* сада на боковой аллеѣ, ведущей отъ театра къ памятнику Екатерины. Вспомните и то, что закоченѣвшія руки трупа кучера-татарина сжимали дубину. Если первая пули убили его, то значить онъ вошелъ въ садъ до выстрѣловъ. Александровъ также шелъ съ патріотической манифестаціей и нужно было время, чтобы съ улицы попасть въ боковую аллею.

Выстрѣлы не повредили и портретъ Государя. Вы осматривали его. Безъ специальной экспертизы до очевидности ясно, что не пуля, а палка, которой поддерживали портретъ, прорвала его. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, сразу послѣ перваго же выстрѣла, когда еще неизвѣстно было, кто и въ кого стрѣляетъ и кто присутствуетъ на бульварѣ, раздаются въ толпѣ въ разныхъ мѣстахъ возгласы: «бей жидовъ», «жиды стрѣляютъ на бульварѣ», «жиды убиваютъ русскихъ». Какъ будто какой то демонъ носился надъ грѣшнымъ Симферополемъ и нашептывалъ черни эти небылицы. Мы узнали его. Это онъ въ видѣ пристава Чупринко подговаривалъ толпу бить евреевъ. Это онъ, прикинувшись приставомъ Багелемъ, смѣясь,

распускалъ среди громиль ложный слухъ о выстрѣлѣ съ балкона квартиры Виторгона, это онъ въ образѣ помощника полиціймейстера довѣрчиво говорилъ о томъ, что «евреи хотятъ дать Россіи своего царя». Эти преступные, ложные слухи были искрами, зажегшими пожаръ. Въ атмосферѣ безнаказанности, созданной полицейскими чинами, пробудились въ черни самые темные инстинкты. Ее охватило сладострастіе убійства, упоеніе насиліемъ. И эти то побужденія, а не что-либо иное перебросили громиль на бульваръ.

Защита пыталась выудить отъ свидѣтелей признаніе того, что погромъ на бульварѣ былъ «ураганомъ народнаго возмущенія бурей патріотическаго чувства». Такъ ли это? Смотрите, какъ робко и нерѣшительно пробирается вдоль кустовъ попавшій въ садъ Крыловъ. Онъ неувѣренъ въ своей безнаказанности и въ беззащитности будущихъ жертвъ. Какъ неувѣренно восклицаетъ онъ: «попался!» свидѣтелю Кейзику, попавшему въ его «патріотическія» объятія. Осмотрѣвшись, Крыловъ замѣчаетъ другихъ громиль съ дубинами. Онъ смѣлѣетъ и наглѣетъ. Встрѣтивъ Лейбмана, своего бывшаго товарища, онъ уже храбро набрасывается на него, но выраженіе укора въ глазахъ Лейбмана его смущаетъ. Онъ представляетъ Лейбмана другимъ громиламъ, а самъ бросается на его спутницу дѣвушку Эйсеровичъ. Раздается звукъ ударовъ дубины, рассказывалъ Лейбманъ, слышится жалостный крикъ «помогите» и все стихаетъ. Эйсеровичъ не стало. Кто еще выражалъ на бульварѣ народное возмущеніе, кромѣ нѣсколькихъ громиль изъ черни?

По саду носится опьяненный не то виномъ, не то кровью околоточный надзиратель Ермоленко. Онъ знаетъ о своей безнаказанности и безопасности и совсѣмъ не боится тѣхъ миѳическихъ 300 револьверовъ еврейской самообороны, о которыхъ говорили свидѣтели защиты и защита. Онъ носится, какъ ураганъ. Онъ стрѣляетъ въ упоръ у буфета въ лежащую глухонѣмую Толчинскую, онъ шлетъ пулю въ догонку убѣгающему Дубинскому, онъ поспѣваетъ внизу у Салгира ударить шашкой трехъ дѣвицъ, и нанести той же шашкой рану въ шею убѣгающему Спиро. А у входа въ садъ стоитъ величественный и спокойный приставъ Чупринко, который рубить шашкой всѣхъ евреевъ, пытающихся прорваться черезъ ворота и улицу. Разъ только Чупринко обнаруживаетъ джентельменство, соотвѣтствующее его наружности. Когда Рохлина съ мужемъ бѣжитъ къ выходу, Чупринко кричитъ громиламъ: «бейте жида по головѣ, а жидовку по спинѣ». Чупринко пожалѣлъ женщину...

На бульварѣ стоитъ стонъ десятковъ раненыхъ и умирающихъ, а въ это время у дома губернатора военный оркестръ

музыки играетъ народный гимнъ и крики «ура» покрываютъ раздирающіе душу стоны, несущіеся съ бульвара. Полтора—два десятка громилъ, какъ показывалъ свидѣтель ст. сов. Липкинъ, мечутся по площади передъ участкомъ съ однородными короткими бѣлыми дубинами въ рукахъ. На глазахъ у начальства -- подковника Загоскина и полиціймейстера Кузьменко, созерцающихъ спокойно эту картину, идутъ убійства. Немногочисленные громилы улавливаютъ отдѣльныхъ бѣгущихъ евреевъ и бьютъ ихъ смертнымъ боемъ. И все это хотятъ изобразить въ видѣ картины народнаго возмущенія.

Господа судьи, бываютъ драматическія произведенія и оперы, въ которыхъ долженъ участвовать «народъ», толпа. На столичныхъ сценахъ при большомъ количествѣ исполнителей достигаютъ полной иллюзіи; кажется, что на сценѣ дѣйствительно движется большая толпа, настоящей народъ. Но на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа актеровъ, для изображенія толпы приглашаютъ въ статисты 4--5 пожарныхъ. Ихъ наряжаютъ въ латы, одѣваютъ ихъ въ панцири и шлемы, и эти жалкіе статисты, толпясь на сценѣ, проходя по нѣскольکو разъ изъ однѣхъ дверей въ другія, тщетно желаютъ убѣдить публику, что они собственно не пожарные, а настоящей отрядъ рыцарей. На погромѣ въ гор. Симферополѣ такіе же пожарные-статисты изображали «возмущенный народъ». Статистамъ нужно было вознагражденіе, и они получили его при разгромѣ лавокъ, мастерскихъ и частныхъ квартиръ. Развѣ это народное возмущеніе? Я не знаю, и думаю, что и вы не знаете народа, у котораго патріотическое возмущеніе выражалось бы въ кражѣ, разбоѣ и грабежѣ.

Намъ стали ясны побужденія одной части громилъ—частныхъ лицъ. Станутъ понятны и мотивы полицейскихъ чиновъ, если вспомнимъ показанія свидѣтелей Чернявскаго (помощника пристава) и Баланчивадзе (бывшаго пристава). Вы помните, они рассказывали намъ о томъ собраніи полицейскихъ чиновъ, которое происходило въ 1-й части до погрома. Приставъ Бегель говорилъ на этомъ собраніи о томъ, что «соціалъ-демократы страшно надоѣли полиціи», «надо проучить и разбить соціалъ-демократовъ и жидовъ».

Cui prodest? Кому нужно было это готовящееся избіеніе? Конечно, тѣмъ, которымъ «надоѣли соціалъ-демократы и жидаы», тѣмъ, которые боялись общественныхъ движеній и связанныхъ съ ними переменъ. Въ погромѣ они видѣли средство оградить себя отъ нихъ. Они хотѣли бросить подъ колеса русской исторіи нѣсколько десятковъ или сотенъ еврейскихъ труповъ, думая этимъ задержать ея быстрый ходъ. И въ памятные октябр-

скіе дни имъ, какъ Калигулѣ, хотѣлось бы, чтобы представи-тели общественнаго движенія имѣли одну голову и чтобы эту голову можно было снести однимъ ударомъ.

Г.г. судьи! Какъ самое дѣло настоящее, такъ и приговоръ, по моему, представляетъ значительныя особенности. Судебный приговоръ по обыкновенному уголовному дѣлу больше затраги-ваетъ интересы вчерашняго дня, а не завтрашняго. Онъ скорѣе залѣчиваетъ раны прошлаго, нежели предупреждаетъ болѣзни будущаго и все равно, видѣтъ ли въ судебномъ приговорѣ и его послѣдствіяхъ отраженіе божескаго возмездія или средство ис-правления вреднаго члена общества; общество рѣдко ждетъ при-говора съ такимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, съ такими опасе-ніями, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Въ вашемъ приговорѣ хотятъ видѣтъ гарантію того, что погромъ станетъ въ Россіи лишь вос-поминаніемъ, что заживающая рана не раскроется.

Я не пессимистъ. Я не хочу думать, что въ русскомъ об-ществѣ, даже въ темныхъ низахъ его, остался еще запасъ звѣрства и жестокости для повторенія пережитыхъ ужасовъ. Скорѣе я готовъ полагать, что независимо отъ какихъ бы то ни было мѣръ воздѣйствія звѣрь исчезнетъ въ человѣкѣ, что въ будущемъ мы будемъ лишь читать въ книгѣ исторіи о все-россійскомъ погромѣ такъ, какъ мы читаемъ теперь объ избі-еніяхъ первыхъ христіанъ, о пыткахъ инквизиціи, о звѣрствахъ Варволомеевской ночи или о подвигахъ герцога Альбы. Я вѣрю, что русскій народъ быстро перевернетъ эту страницу своей исторіи, залитую кровью, запятнанную позоромъ. Но для насъ, современниковъ погромной эпохи, въ которыхъ воспоминаніе о пережитомъ горѣ еще въ памяти, какъ незажившая рана, нѣтъ такой увѣренности въ ближайшемъ будущемъ. И, чтобы добыть эту увѣренность, мы и выступаемъ въ этомъ тяжеломъ утоми-тельномъ дѣлѣ. Не для того, вѣдь, мы пришли сюда, чтобы тре-бовать отъ этихъ людей уплаты за пролитую ими кровь. Среди насъ нѣтъ Шейлоковъ! И если бы вашъ приговоръ касался толь-ко нашихъ исковъ и зависѣлъ бы отъ нихъ, мы отъ имени своихъ довѣрителей сказали бы по адресу обвиняемыхъ такъ, какъ сказала здѣсь на судѣ разоренная и обездоленная еврейка свидѣтельница Горфинъ: «Богъ съ ними! Пусть имъ Богъ воз-дастъ!» Нашей мстью было бы прощеніе. Но отъ вашего при-говора ждутъ иного и большаго. Онъ нуженъ не только потер-пѣвшимъ, онъ нуженъ всѣмъ евреямъ и многимъ русскимъ, ко-торые видятъ надъ своей головой дамокловъ мечъ погромныхъ повтореній; онъ нуженъ тѣмъ, которые утратили послѣ погрома всякій покой, которые во всякомъ крикѣ слышатъ призывъ къ новому погрому, во всякомъ смятеніи видятъ начало его, во

всякомъ даже радостномъ политическомъ событіи усматриваютъ благоприятную почву для него; онъ нуженъ всему обществу, смущенная совѣсть котораго давно уже ждетъ разрѣшенія своей тревоги; онъ нуженъ государству, жаждущему перейти отъ потрясеній къ миру; онъ нуженъ, кажется мнѣ, и самимъ обвиняемымъ, которые равнодушно пропустили мимо себя траурную процессію свидѣтелей, пробудившихъ въ насъ воспоминанія о кровавыхъ ужасахъ, и не почувствовали ни смущенія, ни укоровъ совѣсти. Они продолжаютъ недоумѣвать, какъ и въ началѣ процесса. На ихъ лицахъ читается, какъ и тогда, вопросъ: «что же преступнаго въ еврейскомъ погромѣ? Что безнравственнаго въ убійствѣ евреевъ? Особенно, если все это дѣлается, какъ думаетъ и г. товарищъ прокурора,—«въ защиту царя или Бога».

Вашъ приговоръ разрѣшетъ ихъ недоумѣніе, онъ скажетъ имъ, что нельзя совершать преступления во имя Царя,—нельзя убивать людей во имя христіанскаго Бога. И пусть судебный приговоръ, а не груда труповъ погромныхъ жертвъ станетъ стѣной между прошлымъ и будущимъ.

Рѣчь пом. присяж. пов. И. И. Шика.

«Г.г. судьи—коронные и сословные! Не жажда возмездія насъ сюда привела, не она насъ вдохновляла... Чуждый неприязни къ отдѣльнымъ лицамъ, я, однако, не могу съ безучастіемъ древняго математика спокойно чертить свои круги. Я не вѣрю, что мы живемъ въ предразсвѣтномъ туманѣ, я убѣжденъ, что еще сгустится тьма и будетъ полночь. А пока на рубежѣ двухъ періодовъ мы проходимъ черезъ полосу затменія, когда теряется представленіе объ ужасѣ совершившагося факта и явленія воспринимаются не въ свѣтѣ объективной правды. Пробужденіе народа истолковываютъ, какъ тайну подполья, а не знаменье времени, погромъ, какъ рядъ печальныхъ фактовъ, а не какъ тайну искусственно вызванной расправы. Уставшая мысль невольно подчиняется выработаннымъ формуламъ: здѣсь и «лінія наименьшаго сопротивленія», и положеніе евреевъ, какъ барометръ то культуры, то дикости народовъ,—словомъ, рядъ сложныхъ умозаключеній.. Между тѣмъ, истина должна быть обнаружена, ибо мы занимаемся не археологическими раскопками, а рѣшаемъ судьбу близкаго будущаго. Еще не заглохла мысль, что большой погромъ лучше маленькой конституціи что еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ на мѣстахъ. Разгадка таится не въ туманной

дали прешлаго, а въ событіяхъ современной жизни Погромъ. г.г. судьи, это—система управленія, правда своеобразная.

Предсѣдатель. Если вы будете говорить о системѣ управленія, то я васъ буду рѣшительно останавливать

Шикъ (продолжаетъ). Я говорю своеобразная система; она проводится и въ замкнутой чертѣ осѣдлости и по ту сторону Кавказа, въ странѣ нашествія татаръ на армянь...

Предсѣдатель останавливаетъ.

Шикъ. Меня интересуетъ психологическая сторона этого «взрыва негодованія», когда народъ безучастный, немслящій дальше своей колокольни, вдругъ приобрѣтаетъ богатырскія силы, идетъ на подвигъ избіенія.

Предсѣдатель снова останавливаетъ.

Шикъ. Я думаю, что внутренняя сторона дѣянія—настроеніе воинствующей массы—не можетъ остаться за предѣлами изслѣдованія, такъ какъ иначе придется допустить, что судъ осуждаетъ вину по внѣшнимъ, формальнымъ признакамъ.

Предсѣдатель. Продолжайте.

Шикъ. Событія новѣйшей, близкой къ намъ исторіи проливаютъ свѣтъ на психологію массы, растерявшейся въ памятные дни октября. Послѣ бурнаго періода реформъ 60-хъ годовъ наступило затишье, долгое и томительное. Одна шестая часть населенія земного шара замерла въ необъятной шири степей подъ опекой всеобъемлющей власти. Полиція стала во главѣ общества. Она прислушивалась къ шопоту, читала сокрытое въ нѣдрахъ души...

Предсѣдатель. Я рѣшительно запрещаю вамъ говорить объ этомъ.

Шикъ. Я принужденъ отказаться отъ этой части своей рѣчи и подойти почти непосредственно къ чернымъ днямъ... Задолго до 17-го октября началось броженіе, ибо, не взирая на попеченіе начальства, въ головѣ обывателя уже былъ «складъ нелегальной литературы». Вспыхнули забастовки. Онѣ протекали мирно, не вызывая осложненій и, по показанію присяжнаго повѣреннаго Дувана, мѣстнаго старожила, и полицейскаго секретаря Риніери, народныхъ «чувствъ и вѣрованій» не затрагивали. Въ это время у думы полиція доблестно и рѣшительно избивала мирное шествіе, а «буревѣстники», въ формѣ прокламацій и извѣстнаго типа газетъ, предвѣщали недоброе. Постепенно падала завѣса, обнажались язвы и на смѣну періоду робкаго дыханья пришла пора критическаго отношенія къ жизни, начали раздаваться не просящіе, а требующіе голоса. Полиція, почувавши близкое, можетъ быть, паденіе «авторитета власти», потеряла почву и замыслила учинить «взрывъ народнаго гнѣва». Въ участ-

къ мысль предшествовала дѣлу, уговоръ, или правильнѣе—молчаливое соглашеніе—состоялось непосредственно предъ тѣмъ, какъ «народъ потерялъ терпѣніе».

Предсѣдатель. Дѣяніе подсудимыхъ не предполагаетъ по смыслу закона предварительнаго уговора.

Шикъ. Мы имѣемъ право устанавливать предварительный уговоръ, ибо на основаніи т. X. ч. I. вознагражденіе за убытки въ этомъ случаѣ распредѣляется равномѣрно между всѣми участниками. Наканунѣ, 17-го октября, по словамъ пристава Баланчивадзе, полиціймейстеръ созвалъ всѣхъ чиновниковъ полиціи на «тайное совѣщаніе», въ 6 часовъ утра снова что-то обсуждали, а затѣмъ начальникъ полиціи заперся въ кабинетѣ. Такъ г. полиціймейстеръ въ день 18-го октября то сидѣлъ въ кабинетѣ, то выходилъ, устраивая смотръ своей бездѣйствующей арміи, а на вопросъ пристава: «что дѣлать, идетъ разгромъ?» отвѣтилъ—«не ваше дѣло». Приставъ Багель открыто говоритъ о расправѣ съ жидами—соціалистами... Наибольше интересно показаніе Мальчевскаго. Этотъ свидѣтель, повидимому, воспринимаетъ факты непосредственно, а поэтому его показаніе лишено односторонности, обычной въ подобныхъ процессахъ, гдѣ общее міровоззрѣніе отражается на каждомъ шагу. Наканунѣ 17-го октября послѣ митинга, на которомъ по адресу Мальчевскаго раздавались крики: «бей шпіона», помощникъ полиціймейстера сказалъ свидѣтелю: «будетъ рѣзня, надо приготовиться». Это фактъ судебного слѣдствія, я безъ риска быть остановленнымъ говорю о немъ. Вспомните, гг. судьи, таинственнаго «севастопольца», загадочнаго матроса, дѣйствовавшаго наканунѣ погрома, его шопоть, указанія и раздавшіеся вслѣдъ за этимъ возгласы: «бей жидовъ» и вы убѣдитесь, что обдуманый образъ дѣйствій со стороны полиціи—не публицистическая фикція...

Итакъ, еще наканунѣ планъ былъ готовъ, осталось вдохнуть жизнь, дать сигналъ.

Наступилъ «историческій день». Привыкшая лишь къ косымъ лучамъ сѣвернаго сіянія масса растерялась въ день 17-го октября, ибо узника свѣтъ ослѣпляетъ. Появляется такъ называемая патріотическая манифестація: именно «такъ называемая», ибо иначе придется признать, что толпа, вдохновившаяся грабежомъ и кровью, воплощаетъ идею патріотизма. Здѣсь были «оборвыши», по словамъ христіанина Иванова; полиція сопровождала шествіе, говорилъ секретарь полиціи Риніери, ибо «не вѣрила» темной полупьяной массѣ. Изъ толпы выдѣляются герои и прежде всего Спиринъ, который является «не совсѣмъ частнымъ» человекомъ, а скорѣе «скрытымъ» должностнымъ лицомъ. Онъ подходитъ къ генералу Загоскину съ рапортомъ о ходѣ дѣлъ, про-

силь указаний, совѣтовъ. Затѣмъ гордо выступаетъ Поршневъ, подпольный адвокатъ, массонъ, какъ онъ себя называетъ, членъ «братства свободныхъ каменщиковъ», взявшій изъ символовъ гуманыхъ строителей счастья лишь молотъ и обратившій его въ орудіе «патріотическаго» негодованія. Здѣсь не было рабочихъ, была группа подрячниковъ, домовладѣльцевъ, какъ настаивалъ г. Булацель... Въ забастовкахъ «патріоты» видѣли посягательство на свое матеріальное благополучіе, а въ свободѣ— уничтоженіе подрядовъ. Лишь послѣ 17 октября эта масса нѣсколько очнулась, и декабрьская забастовка прошла безъ шествій, а Сѣдлецъ, съ ростомъ сознанія массы, доказалъ, что погромъ замѣняется карательной экспедиціей. И вотъ, патріоты увидѣли красное знамя—не знамя анархіи и разгрома, а символъ освобожденія труда,—и раздался крикъ: «бей жидовъ». Первыми начали буйствовать манифестанты—такъ показывалъ Медвѣдевъ, несшій портретъ Царя. Подъ сѣнью національныхъ флаговъ толпа двинулась къ бульвару, и здѣсь подъ звуки гимна разразилась гроза. Еще на Севастопольской улицѣ нѣкто, «необнаруженный слѣдствіемъ», говоритъ толпѣ о еврейскихъ революверахъ, толпа вооружается колющими, а Чупринко созерцаетъ. На бульварѣ выстрѣлъ раздается какъ сигналъ, и полиція, способная моментально прекратить панику, явно бездѣйствуетъ, а вѣдь наканунѣ совѣщались и на разсвѣтѣ о чемъ-то говорили. Были на бульварѣ и агенты тайной полиціи: «всѣ они у насъ интеллигентные люди», увѣрялъ приставъ Солодиловъ. Одинъ изъ свидѣтелей замѣтилъ, что выстрѣлъ, судя по звуку, былъ провокаторскимъ. Думаю, что ухо не настолько развито, чтобы отличить провокаторскій залпъ отъ простой пальбы, но все же присутствіе агентовъ, особенно интеллигентныхъ, навѣваетъ нѣкоторыя размышленія. Свидѣтель не ошибся, онъ только плохо объяснилъ свое предчувствіе.

Въ разгарѣ боины спокойно стояли во дворѣ участка роты полковника Черепихина, а жандармскій полковникъ Загоскинъ закрывалъ двери предъ бѣгущими евреями. «Я это видѣлъ, говорилъ предсѣдатель казенной палаты Липкинъ, и убѣдился, что погромъ заблаговременно организовали».

«Послѣ этого ужаснаго дня, защищаются власти, евреи приходили къ намъ и предлагали деньги нижнимъ чинамъ за самоотверженную службу». Я знаю, что «благодарность» обыкновенно предшествуетъ погрому или сопровождаетъ его, но не слѣдуетъ за нимъ. Впрочемъ, вся жизнь евреевъ—промежутокъ между двумя погромами, а поэтому трудно сказать, за что подчасъ благодарятъ—за прошлый погромъ или за предотвращеніе будущаго.

Другое оправданіе исходитъ отъ бывшаго губернатора Волкова. Войска, по мнѣнію губернатора, привыкли дѣйствовать сомкнутымъ строемъ, не приспособлены къ уличнымъ атткамъ — и при такихъ условіяхъ трудно было подавить безпорядки. Да, вотъ шествія не съ національными флагами скоро разсѣивали и при старомъ уставѣ гарнизонной службы. Третье оправданіе принадлежитъ изобрѣтательности отдѣльныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Погромъ, говорятъ они, возникъ внезапно какъ ураганъ, буря. Если дѣйствительно симферопольскія событія были бурей, то барометромъ, предсказавшимъ наканунѣ непогоду, были—г.г. Загоскинъ, Багель, Чупринко и прочая рать, знавшая, какъ хорошій брантмейстеръ, о пожарѣ за сутки до его начала. «Мы не могли принять мѣръ», говорилъ здѣсь приставъ Баланчивадзе, «такъ какъ не было распоряженій высшаго начальства». Забыли, основательно забыли, что по закону власть полицейская въ рѣшительные моменты дѣйствуетъ самостоятельно, не справляется у старшаго, можно ли поймать грабителя, задержать убійцу. Г.г. судьи, утѣшеніе страдающаго еврея заключаются отчасти въ томъ, что дѣло дошло до суда, знающаго, что система погрома восходитъ далеко за предѣлы Симферополя. Я не буду объ этомъ говорить, но замѣчу, что попытки подавить «бунтующую» народность тщетны.

Наше воображеніе стараются запугать страшнымъ призракомъ смерти и вырвать крикъ отчаянія: «не надо убійствъ, отказываемся отъ свободы». Эти слова произнесла здѣсь Рохлина, скорбящая вдова, а въ жизни нѣтъ мѣста такимъ отреченіямъ. Тамъ бодрость, борьба до того времени (защитникъ обращается въ сторону Булацеля) пока не разсѣются темныя тучи»...

Рѣчь пом. прис. пов. И. К. Заболотнаго.

«Господа судьи и господа сословные представители! Еще въ періодъ предварительнаго слѣдствія гражданскіе истцы заявили свои иски ко всѣмъ, кто окажется по своему дѣлу виновнымъ въ нарушеніи ихъ правъ. Выяснившіяся на судебномъ слѣдствіи новыя обстоятельства даютъ намъ полное право просить судъ о направленіи дѣла къ дослѣдованію, такъ какъ обнаружена виновность новыхъ лицъ, не привлеченныхъ къ отвѣтственности, и такъ какъ установлено такое содержаніе преступнаго дѣянія, какимъ оно формулировано въ обвинительномъ актѣ. Но съ одной стороны, принимая во вниманіе громоздкость дѣла, а съ другой—то обстоятельство, что новыя обнаруженныя лица могутъ попасть подъ судъ по новому дѣлу, мы рѣшили не настаивать

на дослѣдованіи, а только расширить рамки настоящаго процесса. Намъ нельзя запретить говорить въ этихъ расширенныхъ рамкахъ по слѣдующимъ законнымъ основаніямъ. Если обнаруживается, что данное преступное дѣяніе было дѣйствіемъ не скопомъ, а по подстрекательству и предварительному соглашенію, тогда не только согласно многочисленнымъ разъясненіямъ, сената но и сообразно кардинальнымъ статьямъ закона объ этомъ можно и должно говорить намъ, гражданскимъ истцамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы говоримъ не съ точки зрѣнія мѣры наказанія, а исключительно съ точки зрѣнія наизаконнѣйшаго обезпеченія гражданскихъ интересовъ нашихъ довѣрителей. Вѣдь если будутъ доказаны подстрекательство и предварительный уговоръ въ судимомъ вами дѣяніи, то виновные, согласно 648 ст. X тома отвѣтятъ потерпѣвшимъ за круговой порукой, а не по 650 ст. X тома, по которой каждый отвѣчаетъ только за вредъ, имъ лично причиненный.

Мнѣ ясно, что въ этомъ дѣлѣ единственный правосудный приговоръ долженъ быть основанъ на признаніи обнаруженныхъ фактовъ подстрекательства и предварительнаго уговора. Если бы судъ намъ запретилъ касаться этого, то пострадали бы не только наши интересы, но и самый законъ. Были ли въ самомъ дѣлѣ подстрекательство и уговоръ? Много было сказано по этому вопросу моими товарищами. Сотни свидѣтелей доказали существованіе въ этомъ дѣлѣ и предварительнаго уговора, и подстрекательства. Сама внѣшность погрома.—это однообразіе насилій, доказываетъ, что руководила имъ нѣкая высшая воля. Ни одинъ погромъ не былъ проведенъ съ такой точностью. Били только по головамъ. Повидимому, за недостаточнымъ количествомъ погромщиковъ, каждый ударъ убійцы былъ на счету и не долженъ былъ пропадать даромъ. И это въ различныхъ частяхъ города. Вѣдь въ массовыхъ дракахъ бываютъ разныя поврежденія. Здѣсь же было опредѣленное заданіе и точное выполненіе.

Я не настаиваю, господа судьи, на обращеніи даннаго дѣла къ дослѣдованію, такъ какъ вамъ и теперь извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ, кѣмъ, для какой цѣли и какими средствами организовались погромы въ несчастной Россіи. Если бы намъ пришлось разбирать причины первыхъ погромовъ, мы ссчили бы свой долгъ не исполненнымъ до тѣхъ поръ, пока вся истина погромныхъ эпопей не была раскрыта предъ очами судей; но въ Россіи велось столько процессовъ о погромахъ, столько говорилось и писалось о нихъ, что это дало намъ возможность сузить рамки нашихъ рѣчей и не касаться лицъ, стоящихъ далеко...

Скажу еще нѣсколько словъ о причинахъ погрома, указан-

ныхъ въ обвинительномъ актѣ. Въмѣсто данныхъ доказательствъ мирнаго сожительства евреевъ съ другимъ населеніемъ, я задаю себѣ только одинъ вопросъ. А въ Твери, въ Саратовѣ и даже на улицахъ Петербурга вызвала избіеніе тоже національная вражда? Нѣтъ, не національная вражда, а сила торжествующей воинствующей реакціи. Весь русскій народъ страдаетъ отъ этой силы, создающей погромы; масса невинной крестьянской и рабочей крови потоками льется отъ нея по великой Руси. Какъ же потекла эта кровавая рѣка? Какъ случилось, что люди, мирно жившіе и работавшіе до того времени, сдѣлались убійцами и грабителями? Подсудимыхъ необходимо раздѣлить на двѣ части: эта сторона (указываетъ на громилъ изъ простонародья)—люди, обманутые ложью другихъ, деньгами, водкой, а главное—своей темнотой; та сторона (указываетъ на скамью, гдѣ сидятъ полицейскіе и Спиринь) въ большинствѣ обманщики и подстрекатели, хотя и среди нихъ есть люди простые, которые тоже были обмануты. Вожаки погрома подстрекали другихъ, являясь сами орудіемъ той коварной таинственной силы, которой я не назову. Спиринь то и дѣло подбѣгаетъ къ Загоскину за распоряженіями. Я хотѣлъ бы постигнуть умомъ и сердцемъ кровавыя узы, которыя соединяли ихъ въ то время, когда Загоскинъ на приказъ офицера Николаева громиламъ бросить дубины, съ укоромъ возразилъ: «зачѣмъ это?» Мы, господа судьи, люди взрослые, мы многое понимаемъ въ русской жизни. Мы постигаемъ и это явленіе.

Не легко человѣку стать убійцей. палачемъ по заказу даже въ пьяномъ видѣ. Онъ боится, онъ не рѣшается. Тутъ то понадобились сабельные удары; нужно было указаніе на безнаказанность. Вспомните, господа судьи, показанія свидѣтелей и заключенія экспертовъ: Чупринко и Ермоленко во главѣ своихъ погромныхъ дружинъ саблями даютъ починъ; они люди маленькіе, они не пожелали бы стать кандидатами въ каторжныя работы, не будучи увѣренными въ своей безнаказанности; значитъ, была сила, которая стояла за ними, которая давила ихъ. Я бы до нѣкоторой степени понялъ ихъ, если бы они открыто заявили, что дѣйствовали во имя своихъ, хотя и плохихъ, убѣжденій: но этого нѣтъ; они только запираются и доказываютъ мнимое *alibi*, попутно разнузданно клеветца на слѣдственную власть, значитъ и теперь не потеряли они надежды на силу, которая помимо суда спасетъ ихъ.

Во время допроса одного изъ свидѣтелей защита старалась увлечь судъ на неподходящую для суда плоскость. Показаніе одного свидѣтеля относительно солдата и офицера, защитникъ, не закончивъ допроса, назвалъ клеветой на армію. Я ждалъ, что

онъ немедленно сошлетъ на компетенцію суда о признаніи свидѣтеля клеветникомъ, такъ какъ свидѣтель то же показывалъ и на предварительномъ слѣдствіи, но этого онъ не сдѣлалъ, а пока достовѣрными фактами не опровергнуто показаніе свидѣтеля данное подъ присягой, клеветникомъ является не этотъ свидѣтель, а кто то другой, котораго я не назову [смотреть въ упоръ на Булацеля).

При допросѣ другого свидѣтеля защитникъ сказалъ, будто въ первой Государственной Думѣ кто-то изъ депутатовъ кричалъ, что мало еще убитыхъ полицейскихъ. Я сталъ искать въ своей памяти это обстоятельство, но его не нашелъ. Тогда я обратился къ стенограммѣ, но и тамъ я не нашелъ подтвержденія словъ защиты; зато въ этой стенограммѣ я нашелъ нѣчто другое, ближе относящееся къ настоящему процессу, а именно: рѣчь князя Урусова, въ которой подробно и документально...

Предсѣдатель останавливаетъ.

Заболотный (продолжая Прокуроръ задаетъ себѣ вопросъ, не организованъ ли погромъ. Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ. Мы же пришли къ глубокому убѣжденію, что однообразная организація была и не только здѣсь въ Симферополѣ, но и вездѣ на Руси во всѣхъ погромахъ.

Предсѣдатель останавливаетъ.

Заболотный Мы скорбимъ, что въ этой тяжбѣ, гдѣ имя русскаго народа такъ часто произносится всуе, насъ не судить русскій судъ общественной совѣсти...

Предсѣдатель снова останавливаетъ.

Заболотный. Онъ—этотъ высокій судъ разбилъ бы навѣты на русскую совѣсть и не унизился бы до того, чтобы разбой, грабежъ, воровство и убійство называть проявленіемъ російскаго патріотизма

Но мы вѣримъ, что бываютъ моменты, когда даже временно созданный, несовершенный, по нашему убѣжденію, полуадминистративный судъ долженъ исполнить свой долгъ передъ родиною и вынести правосудный приговоръ».

Рѣчь пом. прис. пов. И. П. Лебединскаго.

«Г.г. судьи! Мнѣ досталась послѣдняя очередь въ ряду гражданскихъ истцовъ... Задача не легкая—говорить послѣднимъ... Ваше вниманіе уже утомлено; многое изъ того, о чемъ хотѣлось бы сказать, уже высказано; послѣдняя очередь, во всякомъ случаѣ, обязываетъ быть краткимъ. Мои товарищи по гражданскому иску освѣтили настоящее сложное и большое дѣло съ

различныхъ сторонъ. Моя задача много скромнѣе. Какъ ни существенны для дѣла соображенія, приведенныя моими товарищами, я лично не могу отрѣшиться отъ мысли о тѣхъ, чьимъ именемъ и печалью мы уполномочены говорить передъ вами... Моими, на примѣръ, довѣрителями являются дѣти и шестидесятивосьмилѣтняя старуха; имъ, возвратившись отсюда, я долженъ дать отчетъ... Поэтому позвольте вернуть васъ, г.г. судьи, нѣсколько ближе къ дѣйствительности, приблизить васъ къ тѣмъ, чьи интересы мы здѣсь представляемъ.

За мною стоятъ три семьи: Шнейдеръ, Шаргородскихъ и Гарберъ. Всѣ три объединены одною печалью, но каждая обособлена въ своемъ горѣ, и груститъ по своему. Шнейдеръ былъ музыкантъ, — но не ремесленникъ: онъ только трудовые часы отдавалъ урокамъ, досуги же — композиціи. То былъ человѣкъ, — сказалъ намъ здѣсь д-ръ Зусмановичъ, хорошо знавшій убитаго — не слишкомъ развитой; политикой онъ мало интересовался. Вы, вѣроятно, и сами наблюдали въ жизни, что артисты далеки вообще отъ политики. Они владѣютъ даромъ отрѣшаться отъ дѣйствительности, облекая свои мысли и чувства въ красивые риѣмы или звуки; жизнь кажется имъ легче... Но Шнейдеръ былъ талантъ; его замѣтилъ Римскій-Корсаковъ и звалъ въ Петербургъ учиться бесплатно въ консерваторіи... Этому человѣку улыбалась, повидимому, слава. Но вмѣсто славы, предъ нимъ стала смерть въ образѣ громилы съ дубиной. Впрочемъ, къ артисту и смерть была благосклоннѣй, нежели къ другимъ: тѣло Шнейдера оказалось почти неизувѣченнымъ; надъ нимъ не глумились...

Послѣ Шнейдера осталась молодая вдова и двое дѣтей. Несчастье, однажды посѣтившее эту семью, за истекшіе полтора года вернулось къ ней: мать потеряла одного ребенка. Когда приходится разсѣкать обѣими руками невзгодныя житейскія волны, не трудно утратить дитя...

Поэтому, съ тяжелымъ чувствомъ я долженъ уменьшить размѣръ иска на одну четверть. Такова приблизительно стоимость дѣтской жизни. Не знаю, вернутся ли къ намъ черные дни; но если вернутся, — одной жертвой будущаго симферопольскаго погрома стало меньше.

Шаргородскій, сказали намъ здѣсь, былъ идейный прогрессивно-мыслящій еврей. Не революціонеръ, но человѣкъ, который во всякомъ случаѣ, съ восторгомъ привѣтствовалъ 18 октября первые лучи солнца... Подобно другимъ евреямъ, онъ, конечно, не могъ знать, что это солнце вскорѣ обагрится кровью. Шаргородскій былъ труженикъ: онъ давалъ уроки, и сѣялъ на скромной нивѣ учительской, вѣроятно, не человѣконенавистничества,

а добра и знанія сѣмена. Онъ занимался мелкой юридической работою; онъ, наконецъ, писалъ въ столичныя газеты, и былъ популярнымъ въ городѣ корреспондентомъ. Популярнымъ къ несчастью своему... Если вы припомните иныя подробности дѣла, —напримѣръ, какъ гнались мимо участка за убѣгающимъ съ крикомъ «держи, это главный ораторъ», какъ на бульварѣ уже убитому разворачивали дубиной ротъ только потому, что этотъ ротъ могъ произносить слова, неугодна уби́йцамъ,—то вы, быть можетъ, присоединитесь къ моему печальному предположенію, что не случайно тѣло Шаргородскаго оказалось страшно обезображеннымъ; его не сразу могли опознать. Повидимому нашлись люди, которые сводили счеты съ убитымъ надъ трупомъ его, на трущѣ его...

Послѣ Шаргородскаго осталось двое дѣтей. Отецъ замѣнялъ имъ мать. Теперь онѣ — круглыя сироты. Отъ имени ихъ поддерживаю предъявленный искъ.

Наконецъ, въ третейей семьѣ старуха-мать оплакиваетъ двадцатилѣтняго сына-кормильца. Въ другихъ странахъ долготѣе часто обезпечиваетъ извѣстныя радости: старики видятъ дѣтей, внучатъ вышедшими въ люди, гордятся ими... У насъ жизнь складывается такъ странно, что, право, не стоитъ заживаться. Гарберъ знаетъ это теперь по горькому опыту, и годы должны тянуться для нея—тягостные и безцѣльные.

Отъ имени этой удрученной матери поддерживаю, не боюсь упрека въ корысти, предъявленный искъ.

Невзгоды трехъ названныхъ семей позвольте слить съ цѣлымъ моремъ горя другихъ потерпѣвшихъ. Къ разряду ихъ надо причислить, впрочемъ, не однихъ убитыхъ и семей ихъ, есть еще раненые тѣлесно и душевно. Въ толпѣ свидѣтелей прошли здѣсь предъ вами раненые; они не жаловались, не заявляли претензій. Въ одно изъ вечернихъ засѣданій мы долго добились отвѣтовъ у свидѣтеля Болтянскаго, и не добились. Но свидѣтель не виноватъ: онъ упалъ во время погрома, и отъ паденія и испуга потерялъ слухъ. Старушка Лея Гофлинъ кротко пожаловалась, что послѣ погрома стала плохо видѣть и слышать... А сколько такихъ!..

Но въ первую очередь я все же поставилъ бы раненныхъ душевно. День 18 октября былъ настолько ужасенъ, что даже по истеченіи полутора года въ спокойной залѣ судебного засѣданія, свидѣтели-христіане, чиновники, которые никакой опасности не подвергались, не въ силахъ были побороть своего волненія.. Одному изъ нихъ вы, г. предсѣдатель, разрѣшили не приводить подробностей; вамъ показалось, что свидѣтель запоминать. Но мы ближе сидѣли къ свидѣтелямъ, и слышали от-

вѣтъ допрашиваемого: «Я все хорошо помню», и видѣли, что не запаматованіе, а душевное смятеніе мѣшало ему говорить.

«Когда представишь себѣ картину этого рокового дня, не знаешь, чему больше ужасаться: жестокостили тѣхъ, кто билъ, ранилъ, убивалъ, или тѣхъ, кто участія въ погромѣ не принималъ. Рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что патриотическая манифестація ходила по городу до 5 часовъ дня. Мнѣ все не вѣрилъсь... Но вотъ вчера и полковникъ Черепяхинъ удостовѣрилъ, что полковая музыка вернулась въ казармы, когда уже смеркалось. Итакъ, сорокъ труповъ валялось на бульварѣ и въ участкѣ, вся Екатерининская улица представляла картину сплошного разрома, а по городу все еще ходили съ гимномъ и царскій портретъ носили руки, быть можетъ, уже обогрѣнная кровью. Если *это* называютъ патриотизмомъ, счастливы тѣ, кому онъ чуждъ...

Впечатлѣнія 18-го октября наложили печать на многихъ. Ни для кого не тайна, что въ городѣ есть десятки молодыхъ и старыхъ женщинъ, которыхъ по сію пору преслѣдуетъ кровавый кошмаръ. Врачъ Зусмановичъ, такъ бодро поспѣшившій на бульваръ, гдѣ избивали его единовѣрцевъ, передалъ намъ одну подробность; она особенно запечатлѣлась въ нашей памяти. Среди убитыхъ, искромсанныхъ, осмѣянныхъ тѣлъ лежали люди притворявшіеся мертвыми, и среди нихъ,—сказалъ намъ свидѣтель.—былъ мальчикъ съ черными глазами!..

Великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель замѣтилъ, что жизнь наша почти всецѣло окрашивается впечатлѣніями дѣтства. Если это такъ, мнѣ жаль этого ребенка: печально протечетъ его жизнь.. Другой свидѣтель установилъ, что въ толпѣ, бѣжавшей съ бульвара и принимавшей участіе въ убійствѣ Ефетовича, были подростки. Что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, испробовавшихъ уже человѣческой крови? Боюсь, не выросли бы звѣри... Но есть еще...

По установившемуся обычаю судебной практики все, что совершается за стѣнами зала засѣданій, для суда какъ будто не существуетъ. Порою жизнь властно стучится въ двери и говорить «откройте, мнѣ надо сказать свое слово»; ее отгоняютъ ей говорятъ: «это не было предметомъ судебного слѣдствія». Пусть такъ. Изъ этой дисциплины я не выйду.

Но прошу васъ вспомнить хотя бы первые дни нашей работы, которые мы отдали скучной провѣркѣ списковъ свидѣтелей. Противъ сколькихъ именъ вы встрѣчали отмѣтку: «уѣхалъ за границу», «живетъ въ Швейцаріи», «выѣхалъ въ Америку». Да, многіе бѣжали за рубежъ послѣ 18 октября.

Я понимаю гражданина, который, въ надеждѣ на лучшее

будущее, ищетъ новой земли, туда переноситъ дорогую ему родную государственность, водружаетъ на этой землѣ національный флагъ, гордится имъ и другихъ заставляетъ уважать его. Но гражданина, который бѣжитъ отъ родины, гонимый кровавыми воспоминаніями, отравленный боязнью людей, недоверіемъ къ нимъ, — я иначе не назову, какъ несчастнымъ... Онъ всюду будетъ томиться и только болѣть по родинѣ—мачехѣ.

Когда-то, во времена французской революціи, Дантонъ, — этотъ человѣкъ, пославшій сотни на гильотину, — самъ отказался бѣжать отъ нея. «Я не бѣгу, друзья, — сказалъ онъ, — нельзя унести отечества на подошвахъ башмаковъ своихъ».

А эти изгнанники, — російскіе колонисты поневолѣ, — унесли на обуви своей землю отечества пропитанную насквозь кровью своихъ единовѣрцевъ.

Всѣхъ убитыхъ, раненыхъ, осиротѣвшихъ, напуганныхъ ограбленныхъ, изгнанныхъ — позвольте по справедливости причислить къ потерпѣвшимъ.

Всѣ они были членами мѣстнаго общества. Поэтому и самое общество должно считаться потерпѣвшимъ отъ погрома 18 октября. Но общество, какъ цѣлое, является потерпѣвшимъ еще и по другому основанію.

Тотъ домъ не можетъ быть спокоенъ. гдѣ поселился завѣдомый поджигатель. То общество не можетъ жить спокойной и здоровой жизнью, въ которомъ есть поклонники насилія и произвола, лелѣющіе мечту о новыхъ ужасахъ, о новомъ погромѣ... Поджигатель самъ не бросаетъ пламени. Онъ только собираетъ горячій матеріалъ, а потомъ наталкиваетъ на преступленіе неразумнаго, уговариваетъ пьянаго, подсылаетъ дитя... Самъ спѣшитъ домой, притворяется спящимъ, а позже — выражаетъ коварное соболѣзнованіе тому, кто пострадалъ. Такъ и эти. Они не пойдутъ съ дубинами, не станутъ разбивать магазины; это претитъ, пожалуй, ихъ брезгливости; но они наслаждаются видомъ чужихъ страданій; они въ большей мѣрѣ отвѣтственны за день 18 окт., чѣмъ многіе изъ подсудимыхъ. Эти поджигатели скрылись въ туманѣ неясныхъ уликъ, недосказанныхъ словъ... Прокуроръ утѣшается мыслью, что они отвѣтятъ предъ инымъ судьей; но мы предпочли бы ихъ видѣть предъ судомъ земнымъ.

18 октября легло кровавою межой между двумя частями расколовашагося общества.

Вы не призваны и не въ силахъ лѣчить социальные недуги; но на этой межѣ вашъ приговоръ долженъ стать неколебимымъ, пограничнымъ знакомъ, сурово напоминая насильникамъ о законности и законѣ.

Но есть еще другой признакъ, придающій особенное значеніе настоящему дѣлу. Это—общеполитическій характеръ дѣйствій при совокупности которыхъ сложился погромъ 18 октября. Этотъ признакъ законодателемъ нашимъ замѣтно оттъненъ. Въ уложеніи о наказаніи есть одна глава, а въ этой главѣ отдѣленіе, вмѣщающее поистинѣ страшныя статьи; ихъ всего не больше двадцати, но изъ нихъ—шесть или семь грозятъ смертною казнью! Да, казнью, и при томъ за самыя незначительныя поступки: нѣсколько шаговъ въ сторону, скрытіе трупа, непредъявленіе вещей къ осмотру. Все это—при условіи, что въ данной мѣстности существуетъ или можетъ распространиться чумная эпидемія. Я говорю о законахъ, предусматривающихъ нарушеніе карантинныхъ правилъ.

Но насиліе, сѣмена котораго были посеяны 18 октября, не менѣе заразительно, нежели эпидемія. Они должны дать всходы и жатву. Мы слышали здѣсь крылатыя слова: одинъ свидѣтель сказалъ въ день погрома другому: «изъ за чего вы безпокоитесь? вѣдь бьютъ жидовъ, а не васъ». Жестокія слова; но и близорукая мысль. Было бы ошибочно думать, что насиліе, однажды посеянное на благопріятной для него почвѣ, должно всегда выливаться въ форму еврейскаго погрома. Нѣтъ, предъ нашей памятью еще стоятъ октябрьскіе дни 1905 года; они убѣждаютъ въ иномъ: въ то самое время, когда въ Симферополѣ убивали евреевъ, въ далекой Сибири, въ Томскѣ избивали желѣзнодорожниковъ, въ Архангельскѣ—политическихъ-ссылныхъ, въ Костромѣ—учащихся, а въ Твери яркимъ пламенемъ горѣла губернская земская управа!.. Если полтора года назадъ терпѣли одни евреи, то нѣтъ гарантій, что, при наступленіи извѣстныхъ условій, жертвою насилій не станутъ другіе общественныя группы и классы населенія.

Итакъ, важность настоящаго дѣла опредѣляется, по моему мнѣнію, двумя условіями: огромнымъ числомъ потерпѣвшихъ и общей опасностью дѣйствій виновниковъ погрома.

Зачѣмъ, однако, мы здѣсь? Что привело насъ сюда?

Конечно, не чувство мести. Мы—довѣрители, какъ я уже упомянулъ дѣтей. Не скажу, сознаютъ ли они глубину постигшаго ихъ несчастья. Но, знаю, мстительность имъ чужда. Другая же довѣрительница, подобно старушкѣ Гофлинъ, навѣрное, предпочла бы единого и вѣчнаго судью вашему суду, каковъ бы онъ ни былъ.

И не корысть: мы вѣдь предвидѣли, что иски наши не приведутъ ни къ чему. Подчиняясь лишь формальнымъ требованіямъ закона, мы должны были опредѣлять размѣръ убытковъ. Но если бы обвиненные и оказались въ состояніи удовлетворить

истцовъ-потерпѣвшихъ, я вѣрю—многіе изъ нихъ призадумались бы: не запятнаны ли деньги кровью?

Нытъ, нѣтъ, иныя чувства, иныя цѣли у потерпѣвшихъ. И думается мнѣ, я выражу ихъ желанія, если скажу вамъ, гг. судьи и сословные представители: мы хотѣли бы, чтобы вашъ приговоръ однажды навсегда,—по крайней мѣрѣ, здѣсь въ Симферополѣ,—положилъ бы предѣлъ тому базбожному предположенію, будто гражданъ можно грабить, увѣчить, убивать безнаказанно, и даже съ расчетомъ на похвалу и награду,—только потому, что эти граждане—евреи. Мы хотѣли бы, чтобы вашъ приговоръ хранилъ спокойствіе уже осѣвшихъ могилъ на кладбищѣ 18-го октября и избавилъ насъ отъ ужасной возможно сти видѣть новыя свѣжія могилы. Мы хотѣли бы, наконецъ, чтобы вашъ приговоръ не поколебалъ, не расшаталъ, а напротивъ, укрѣпилъ на этомъ кладбищѣ единственно достойный его памятникъ—простой и печальный—памятникъ общественнаго сочувствія.

Рѣчь прис. пов. П. Ф. Булацеля.

Г. г. судьи и гг. сословные представители! Видѣли-ли вы какъ иногда вдругъ налетитъ ураганъ, идетъ снѣгъ и гдѣ за минуту до этого было ровное мѣсто, появляются бугры и холмы. Видали-ли вы, какъ капля за каплей долбитъ даже суровый гранитъ. Въ настоящемъ дѣлѣ не видимъ-ли мы тѣ же снѣжинки, тѣ же капли. Здѣсь мы видимъ работу тѣхъ таинственныхъ всеильныхъ руководителей, которые направили темныя силы еврейства на путь насилій и захватовъ.

Мнѣ хотѣлось бы, по призыву г. прокурора, отвлечь васъ въ сторону отъ ужасныхъ картинъ погрома, но мое положеніе очень трудно. Мое вниманіе отвлечено массой матеріаловъ, нарисованныхъ повѣренными гражданскихъ истцовъ, хотя матеріалы эти строились далеко не на фактахъ, добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Сколько лишнихъ кровавыхъ картинъ рисовали здѣсь гг. Заболотный, Шикъ и Лебединскій. Когда вы уйдете въ совѣщательную комнату, вамъ при вашей, все же человѣческой памяти, возможно, будетъ казаться правдой все, что сказали повѣренныя гражданскихъ истцовъ. Нельзя же судьбой людей играть такъ, какъ это дѣлаютъ представители гражданскихъ истцовъ.

Г. Лебединскій говорилъ о поджигателяхъ. Если рѣчь, вообще, можетъ идти о поджигателяхъ, то не о тѣхъ людяхъ, которые живутъ въ своемъ монастырѣ, быть можетъ, ветхомъ, но

довольствуясь все же имъ, и не просятъ пришельцевъ исправлять его недостатки. Быть можетъ, уставъ не хорошъ, но не навязывайтесь же намъ въ руководители, мы сами понемногу исправимъ его, а можетъ быть останемся при старомъ... Лебединскій видитъ главную причину погрома 18 октября въ избіеніи *евреевъ русскими*, т. е. національной враждѣ, тогда какъ другіе его товарищи утверждали, что этой національной вражды не было. Я и самъ хочу отрицать наличность этой вражды, которая именно и обусловливаетъ примѣненіе ст. 269¹. Тутъ причина другая. Мнѣ приходилось выступать въ 4 погромныхъ процессахъ Въ Веневѣ, напримѣръ, русскіе христіане били русскіхъ христіанъ. Что же заставило ихъ дѣлать это? Нечего скрывать, что Россія раздѣлилась на два лагеря, и мы вправѣ сказать, что тѣ, кто за Царя и самодержавіе, били тѣхъ, кто противъ Царя и за республику. Прокуроръ говорилъ, что манифестъ 17 октября былъ радостнымъ событіемъ. Я не буду говорить о томъ, какъ я оцѣниваю значеніе этого манифеста, но какъ могъ прокуроръ думать, что падутъ другъ другу въ объятія русскіе патріоты и люди, которые въ манифестѣ 17 октября усматривали лишь первый шагъ, вырванную силой у правительства уступку. Нѣтъ, между этими лагерями нѣтъ моста.

Здѣсь Лебединскій трогательно говорилъ о будущности подростковъ—громилъ: да, ужасна ихъ судьба. Что будетъ съ тѣмъ поколѣніемъ, которое занимается теперь убійствами изъ за угла. Чтобы молодость была, дѣйствительно, весной жизни—нужно, чтобы дѣти не становились старчески жестокими. Да, убійство ужасно, но почему же, когда рѣчь идетъ о жертвахъ «освободителей», вы не ужасаетесь? Для чего же составлять двѣ морали, для чего разсуждать иначе, если посягаете на убѣжденія и вѣрованія подсудимыхъ? Законы справедливости равны для всѣхъ, вся Россія должна поэтому знать, что дѣлать зло и руководить революціей никто не имѣетъ права.

Возвращаясь къ событіямъ 18 октября и описавъ ихъ, какъ «взрывъ народнаго негодованія», Булацель задаетъ вопросъ: «какія же мѣры нужны для того, чтобы остановить этотъ взрывъ народнаго негодованія? Говорилось о таинственной силѣ, руководящей изъ Петербурга или чуть ли не изъ близкихъ къ нему селъ. Но все это вздоръ. Нужны не циркуляры министровъ, а только, чтобы еврейскіе руководители, ораторы и, въ особенности, писатели перестали насмѣхаться надъ всѣмъ, что свято русскому народу»...

«Однако, я не думаю, что одни только евреи виновны въ революціонномъ движеніи. Есть и русскіе измѣнники, есть даже сановники, возводящіе клевету на правительство, отъ котораго

они получаютъ свое жалованье и свои чины. Я еще понимаю еврейскую молодежь: она заботится о благахъ еврейскаго народа, хотя въ числѣ ея не мало просто кровожадныхъ звѣрей. Но какъ понять русскихъ предателей? Впрочемъ, даже изъ этого процесса видно, что не всѣ евреи одобряли революціонныя рѣчи на бульварѣ. И это единственный способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса!»

«Трудно быть судьей людей, защищающихъ свои святыни. Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ, но тотъ, кто поднялъ дубину или шашку, видя дуло направленнаго на него револьвера, только защищаетъ свою жизнь. Не надо думать, что жизнь еврейскаго юноши дороже жизни черносотенца. Напрасно еврейскіе юноши думаютъ, что можно убивать городовыхъ на посту. Жизнь дорога человѣку. Развѣ не изъ-за страха смерти встають люди противъ смертной казни?»

Все, что я до сихъ поръ говорилъ, имѣло цѣлью опровергнуть инсинуацію, будто ужасныя событія 18 октября не были взрывомъ народнаго негодованія, но заранѣе обдуманномъ, подъ фальшивой этикеткой патриотизма проведеннымъ планомъ. Несомнѣнно, что въ число жертвъ попали и совершенно невинные люди, но кто же вызвалъ эту дикую вакханалію народнаго суда? Тѣ ли, кто мирно шествовалъ съ портретомъ Государя, или тѣ, кто нагло и дерзко бросили вызовъ безоружному народу?.. Едва-ли 5—6 человѣкъ изъ сотенъ еврейскихъ свидѣтелей обвиняли въ устройствѣ погрома полковника Загоскина, губернатора и полиціимейстера. Но вѣдь одно дѣло показывать на судѣ подъ огнемъ перекрестныхъ вопросовъ, а другое—читать протоколы предварительнаго слѣдствія. Если выбросить изъ судебного слѣдствія многое изъ того, чего добивался Панкратьевъ, то станетъ ясна вся фальшь и неправдоподобность немногихъ показаній...

Во время предварительнаго слѣдствія нѣкоторая часть симферопольскаго общества распространяла слухи, будто митингисты стрѣляли вверхъ для самообороны, но это сказка, опровергнутая судебнымъ слѣдствіемъ. Эти люди, называйте ихъ, какъ хотите, черносотенцы, хулиганы появились на бульварѣ лишь послѣ того, какъ еврейская революціонная самооборона начала стрѣлять въ нихъ. Это доказалъ цѣлый рядъ свидѣтелей. Такъ, на примѣръ, пристава Багель и Солодиловъ говорили, что еврейская самооборона состояла изъ 300 вооруженныхъ человѣкъ...

Здѣсь съ прокурорской трибуны былъ брошенъ упрекъ всей татарской націи, будто цыгане не убѣгаютъ съ мѣста грабежа, а скорѣе бѣгутъ туда. Почему же можно обвинять цѣлое цыганское племя татаръ, а нельзя говорить, что евреевъ бьютъ

не за то, что они исповѣдуютъ талмудъ, а за ихъ нахальство. Не пора ли сказать: «руки прочь» тѣмъ, кто пришли къ намъ какъ воры на пожаръ. «Не напрашивайтесь намъ въ руководители нравственности, не навязывайте намъ вашихъ философскихъ настроеній. Тамъ, гдѣ 100 миллионъ русскаго народа сталкивается съ кучкой инородцевъ, мы вправѣ требовать, чтобы вы не смѣли издѣваться надъ нашими святынями. Мы уважаемъ чужіе обряды. Почему же вы считаете себя вправѣ глумиться и насмѣхаться надъ нашими вѣрованіями? Почему вы говорите, что въ патріотической манифестаціи ходилъ только сбродъ, а стоитъ только собраться нѣсколькимъ стамъ еврейчикамъ, какъ уже кричатъ, что это цвѣтъ интеллигенціи?»

Воздержитесь, господа, отъ вашего вызывающаго поведенія и жизнь евреевъ перестанетъ быть промежуткомъ между двумя погромами. Давно уже еврейскіе пророки предсказывали евреямъ несчастье. «О, Израиль, ты не умѣешь быть счастливымъ». И дѣйствительно, этотъ избранный когда то народъ не умѣлъ пользоваться тѣмъ, что приносила ему судьба. Стоило только евреямъ получить кой-какія облегченія, они тотчасъ же становились наглыми. Пусть перестанутъ они быть таковыми, тогда, быть можетъ, въ ихъ исторіи перестанетъ повторяться то, что было въ Россіи въ періодъ отъ 18 до 26 октября 1905 г.»

Затѣмъ Булацель перешелъ къ разбору уликъ, выдвинутыхъ противъ каждаго подсудимаго въ отдѣльности. Закончивъ свою рѣчь, не дожидаясь возраженій и, не предупредивъ ни судъ, ни подсудимыхъ, Булацель уѣхалъ въ Петербургъ. Не имѣя передъ собою противника, прокуроръ и повѣренные гражданскихъ истцовъ, отъ возраженій воздержались. Лишь прис. пов. Айзенштейнъ въ нѣсколькихъ словахъ указалъ на извращенные Булацелемъ факты, добытые судебнымъ слѣдователемъ.

По окончаніи преній сторонъ подсудимымъ было предоставлено «последнее слово». Большинство отъ него отказалось. Только нѣкоторые воспользовались имъ, чтобы доказать свое *alibi*. Подсудимые—полицейскіе чины, ссылаясь на свою безпорочную службу и многочисленность своихъ семействъ, просили судъ о полномъ оправданіи.

Судъ, удаляясь для совѣщанія, ставитъ на свое обсужденіе 101 вопросъ; большая часть этихъ вопросовъ касаются предъявленныхъ гражданскихъ исковъ.

Послѣ 1½ часоваго совѣщанія выносится приговоръ. Онъ гласитъ: «бывшаго помощника пристава симферопольской полиціи Чупринко, городскихъ Богданова и Дремова, крестыанъ и мѣщанъ разныхъ губерній Спирина и Канарева, признавъ ви-

новными въ преступленіяхъ предусмотрѣнныхъ 1 ч. ст. 269 улож. о наказ., лишивъ всѣхъ особыхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на 1 годъ 6 мѣсяць, а бывшаго околоточнаго Ермоленко, кромѣ того, признавъ виновнымъ и по 9 и 2 ч. 269, а также по ст. 1455 и 1483 улож. о нак.—на 3 года 6 мѣс. Крестьянъ Дагаева, Москаленко и Шулякова на 1 годъ съ тѣми же послѣдствіями, что и предыдущихъ.

Крестьянъ и мѣщанъ Анастасова, Любанева, Разказова Ник., Исляма-Ульмезъ оглу, Щеглова и пот. почетн. гражданина Поршнева, признавъ виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 ч. 269 ст. улож. о наказ., лишивъ нѣкоторыхъ правъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, а Чеха—на 4 мѣсяца безъ лишенія правъ Крестьянъ и мѣщанъ: Альфутова, Бобошина, Бродянскаго, Василевскаго, Гришкова, Гутенко, Илюшечкина, Крылова, Музалева, Руднева, Чижа и городовыхъ Морозова, Кирленко, Кузьменко и Пахановскаго признать по суду оправданными. Судебныя издержки возложить на виновныхъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности принять на счетъ казны. Гражданскіе иски оставить безъ разсмотрѣнія. До внесенія залоговъ отъ 300 до 100 рублей взять приговоренныхъ подъ стражу. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 12 іюня сего года».

Р. С. Во время печатанія брошюры въ мѣстныхъ газетахъ появились слѣдующія замѣтки:

«Вчера, 12-го іюня, въ окружномъ судѣ былъ объявленъ въ окончательной формѣ приговоръ по погромному дѣлу. Всѣ осужденные заявили суду о желаніи обжаловать приговоръ».

«Осужденный за участіе въ погромѣ бывшій околотоchnый надзиратель Ермоленко въ воскресенье, 3-го іюня, покончилъ счеты съ жизнью, повѣсившись въ Бахчисараѣ».

И, наконецъ, слѣдующая телеграмма въ столичной печати: «Симферополь. 16-го іюня. Союзниками получено отъ Булацеля телеграфное извѣщеніе о помилованіи осужденныхъ по дѣлу о погромѣ».

